

Я писатель ...

Он в каждом из нас ...

АННА РОМАНОВА

Мы все стремимся достигать цели. Вопрос в том, что все они у нас разные. Несомненно, мы верим в то, что это и есть наша жизнь, и мы ее такую хотим. Но больше всего, я думаю о том, что жизнь — это то, когда ты живешь не только внешне, но и внутренне. И две эти грани находятся в гармонии друг с другом. Меня всегда заботила эта мысль, и я пыталась найти равновесие. Но, что когда одна из этих граней рушится. Что дальше? Если внутри стало невыносимо больно и страшно. Что тогда будет с внешним миром? И как вернуться обратно в жизнь? А ведь все было хорошо, как мне казалось.

Я, Одри Парк, и я хочу поделиться с тобой мой читатель своей историей.

1

«Мечта любого писателя, особенно начинающего — признание читателей. Возможно, многие задумываются и об огромных гонорарах, которые непременно должны осчастливить. Но в тот момент, когда я писала книгу, я думала о том, чтобы найти своего читателя. Мне хотелось, чтобы люди говорили об эмоциях, которые они испытали, прочитав мою книгу. И мне хочется надеяться, что книга им понравится».

— Не плохо — сказала Клэр, отложив в сторону журнал с моим интервью, и сделала глоток кофе. Я улыбнулась от такой похвалы. — Ну, давай рассказывай. Я же вижу, что не терпеться.

— Подождем Анжелу.

— Вечно она опаздывает — заметила Клэр. — У меня не так много свободного времени, как у нее. Как ни странно, но обеденный перерыв имеет свойство заканчиваться.

— Расслабься. Она сейчас будет. Я вас надолго не задержу.

Клэр попыталась не нервничать и откинулась на спинку стула. Но я видела, как она была напряжена. На сегодня у нее запланирована встреча с главным редактором журнала, в котором работает. Но до этого времени ей нужно успеть заехать к своему напарнику домой, чтобы забрать у него кое-какие материалы. Он болел и поэтому работал дома. Я попыталась представить, о чем думает сейчас Клэр глядя на проезжающие мимо машины. Скорее всего, она просчитывает время, которое потратит на дорогу до дома Райна, а затем до офиса с учетом пробок на улицах. Итого на все потребуется около двух часов, не меньше. Клэр посмотрела на наручные часы, и я взяла телефон, чтобы набрать Анжелу. По плану Клэр должна покинуть наше любимое уличное кафе в половине первого, а на часах уже было 12:25. Анжела опаздывала, и время отбытия сдвигалось, нарушая планы. А если все шло не так, как Клэр планировала, то на ее лице появлялась озадаченность вперемешку с раздражительностью. Я знаю ее слишком хорошо. Точно не вспомнить день нашего знакомства, но это было около одиннадцати лет назад.

— Неужели! — воскликнула Клэр.

Я отменила вызов, когда увидела Анжелу.

— Девочки, простите. Меня задержала Марго — она говорила, задыхаясь, а ее лицо было красное не от стыда за опоздание, а от внезапной пробежки нескольких кварталов. — Она подготовила просто кучу эскизов, и я ее за это отругала. Потому, что выбрать подходящее платье стало невозможным. Когда у тебя перед глазами такой огромный выбор, ты начинаешь сомневаться во всем, включая себя. Воды! Холодной! — сказала она подошедшему официанту, затем повернувшись к нам, с нежностью улыбнулась. Эта ее легкая улыбка, была такой милой, поэтому она всегда пользовалась ею, когда была в чем-то повинна. Я сразу заметила, как она подействовала на Клэр

— Посмотри — Клэр протянула Анжеле журнал, который только что просматривала сама.

— Одри Парк и ее книга «В погоне за страхом» — прочитав вслух заголовок статьи, Анжела посмотрела на меня удивленным взглядом. — Что это значит?

— Это значит, что наша подруга отдала свое интервью не своей любимой Клэр, а

другому журналу и моему самому закадычному врагу Джонни Мендесу.

— Нет, Клэр. Я же тебе объяснила — это было вынужденное интервью, от которого я не могла отказаться — немного помедлив, я добавила. — Я выполняла условие одного издательства.

Клэр вздохнула, а официант поставил стакан воды перед Анжелой.

— Ничего не понимаю — сказала Анжела. — Одри, объясни. Что с твоей книгой и с каком издательстве ты говоришь?

— Девочки! — я выдержала паузу. — Я так счастлива! Неужели, я это сейчас скажу? В начале этой недели я подписала договор на издание книги с издательством «IBooks»[1]. И через месяц «В погоне за страхом» появится во всех книжных магазинах Америки. Да! Да, это случилось!

Анжела взвизгнула.

Они бросились меня обнимать и целовать в щеки, и я засмеялась. Посетители кафе обернулись, официанты были удивлены, а прохожие, не скрывая улыбок, смотрели на нас.

— Я знала, что у тебя получится! — сказала Клэр.

— Боже, это невероятно! Почему мы не пьем шампанское? — Анжела посмотрела на свой стакан с водой. — Где официант?

— Девочки, думаю, что лучше шампанское выпить после того, как я возьму готовую книгу в руки.

— Почему не сказала раньше? — поинтересовалась Клэр.

— Я хотела, но только при личной встрече. Вспомните эту неделю — вы все время были заняты. А мне хотелось говорить об этом по телефону. Места лучше нашего любимого кафе нет.

— А статья? — расспрашивала Клэр.

— В тот же день, как только я поставила свою подпись на заветном договоре, они отправили меня к Джони Мендес. Понимаете, у них есть свой план по продвижению книги. Вот так получается, что статья о моей книге вышла раньше, чем сама книга. Немного смешно, но мне приятно осознавать, что люди, купившие этот журнал, увидят статью обо мне. Пока что они меня не знают, но к тому моменту, когда книга попадет на прилавки, все будут знать кто такая Одри Парк.

— Это потрясающе! Сегодня вечером я все же выпью бокал шампанского за тебя — пообещала Анжела. — И за нашу дружбу. Надеюсь, что, когда ты станешь, мега популярным писателем, ты не забудешь про подружку Анжелу и возьмешь с собой на какую-нибудь звездную вечеринку.

Мы рассмеялись.

— Все очень здорово, но мне пора бежать — Клэр посмотрела на часы, и с досадою добавила. — Райн болеет, и я разрываюсь от работы. Еще сегодня встреча с начальством. Одри, держи меня в курсе дела и обязательно заранее сообщи дату нашей вечеринки. Ты знаешь.

— Все по плану — добавила я.

— Да, все по плану. Анжела, увидимся.

Обняв нас на прощанье, она выпорхнула из кафе, и сев в свою белую Ауди поспешила догонять уходящее время.

— Что на это сказал тебе Сэм? — спросила Анжела.

— Ну, он был очень рад. Вечером пригласил меня в ресторан, чтобы отпраздновать это.

А на следующий день уехал во Флориду на очередную сделку.

— Одри, он такой милый. Когда ты к нему переедешь?

— Не уверена, что хочу этого сейчас. Тем более он очень редко бывает дома — мне никогда не нравились разговоры о наших с Сэмом отношениях. Поэтому, я решила сменить тему, тем более по Анжеле было заметно, что ей не терпится рассказать последние новости о предстоящей свадьбе. — Хватит обо мне. Лучше расскажи, как идет подготовка к вашей свадьбе с Тимом?

— Зря об этом спросила — Анжела сказала это так, как, будто ей надоело об этом говорить. Но тут же реабилитировалась и, подвинув стул поближе ко мне заговорила:

— Тим говорит, что я могу говорить об этом часами. Ну, а как по-другому? Это же наша свадьба! Главное событие в жизни. Одри, ты не знаешь, что такое свадьба пока с этим не столкнешься. Это хуже работы. Начиная с утра и до самого вечера, не переставая решаю кучу проблем. Я устаю так, что вечером мне ничего совершенно не хочется делать. И спасибо Господу Богу, что он подарил мне Тима. Он меня понимает и вторую неделю подряд мы заказываем китайскую еду на дом.

Тим был не прав, Анжела может говорить об этом не часами, а сутками. Удивительно, что они сошлись. Он такой сдержанный и всегда серьезный, и Анжела, для которой покупка новых туфель — это целая история. Но в том, что они искренне друг друга любят никто, не сомневался. Слушать Анжелу мне доставляло удовольствие. Она рассказывала это так легко и непринужденно. А некоторые истории поражали своими нелепыми ситуациями, которые могли произойти только с ней во время организации свадьбы. От этого ты невольно начинаешь смеяться и требовать продолжения. Мы просидели в кафе около часа, и когда расстались на одном из перекрестков, я была счастлива вдвойне. За свою книгу и предстоящую свадьбу Анжелы и Тима, которая обещала быть незабываемой.

Моя одинокая квартира на окраине Лос-Анджелеса находится на третьем этаже пятиэтажного дома. Она небольшая, но очень милая. А за то, что она была моей — я любила ее вдвойне сильнее. Когда я впервые переступила порог этой квартиры, она показалась мне ужасно маленькой. Но стоило перевести все свои вещи от мамы, все изменилось. Я ощутила, что она моя. И каждый в ней дюйм часть меня. Закрыв за собой дверь, я попадаю в свой мир, где иногда бывают, разбросана вещи после утреннего сбора, где чашка с недопитым кофе стоит на журнальном столике в гостиной, а на письменном столе разбросаны блокноты и тетради с разными набросками рассказов. Люблю свой диван в гостиной и вечера, проведенные на нем перед телевизором в обнимку с Сэмом или с пледом. Все это моя жизнь.

После того, как я простилась с Анжелой, я думала о том, что сегодня тот самый день, когда «IBooks» должны прислать мне на электронную почту план продвижения книги. Я думала о том, насколько будет напряженным предстоящий месяц. То напряжение, которое я ждала столько лет, с того момента, когда начала писать. Зайдя домой, я первым делом открыла ноутбук и нажала кнопку включения, после этого налила себе стакан молока.

На почте было два непрочитанных письма. Первое от Сэма, второе от издательства. Я почувствовала, как чувство радости прильнуло к моим ушам, отчего они стали гореть. Сделав глоток молока, я нажала на первое письмо со словами:

— Извини Сэм, но ты должен уступить место «IBooks».

Письмо начиналось со слов: «Уважаемая Одри Парк, мы рады, что вы присоединились к нашей команде и надеемся на долгое и плодотворное сотрудничество. Мы составили для Вас

план продвижения книги, второй экземпляр направлен вашему агенту Джорджу Миллеру. Не выполнение плана приведет к расторжению договора согласно пункту 5.2. и выплате неустоек издательству за потраченное время и денег. Обо всех возможных изменениях плана Вас будут информировать за два дня до начала мероприятия. По всем вопросам Вы можете обращаться к Джейн Картер (232) 516-77-19. Желаем Вам творческих успехов!»

Издательство «IBooks»

План мероприятий с 14 апреля по 12 мая

14.04.2016 г. Вторник, 13–00

Интервью для журнала «Лос-Анджелес». Журналист Джони Мендес. Выход журнала из печати 17.04.2016 г.

Выполнено

22.04.2016 г. Среда, 10-00

Встреча с редактором.

22.04.2016 г. Среда, 12-30

Интервью для журнала «Книга о книге». Журналист Лаура Брикс. Выход журнала из печати 10.05.2016 г.

24.04.2016 г. Пятница, 16-00

Посещение презентации книги «По дороге в рай», автор Бен Мейсон.

27.04.2016 г. Понедельник, 11-00

Фотосессия для журнала «Планета знаменитостей». Выход журнала из печати 13.05.2016 г.

28.04.2016 г. Вторник, 15-00

Посещение презентации книги «Ты не один», автор Дин Бейкер.

30.04.2016 г. Четверг, 10-00

Встреча с Джейн Картер.

30.04.2016 г. Четверг, 14-00

Встреча с директором книжного магазина. Подготовка к презентации.

01.05.2016 г. Пятница, 11-00

Встреча с редактором и Джейн Картер.

01.05.2016 г. Пятница, 15-00

Посещение вечера «Литературные гении».

04.05.2016 г. Понедельник, 12-00

Подготовка к презентации.

07.05.2016 г. Четверг, 10-00

Встреча с Джейн Картер. Репетиция.

08.05.2016 г. Пятница, 08–00

Интервью для программы «Просыпаемся вместе».

11.05.2016 г. Понедельник, 11-00

Подготовка к презентации.

12.05.2016 г. Вторник, 16-00

Презентация книги.

13.05.2016 г. Среда, 12-00

Интервью для журнала, колонка «Книги и кино». Журналист Дин Хофман. Выход в печать 16.05.2016 г.

14.05.2016 г. Четверг, 14-30

Интервью для газеты «Жизнь этого города». Журналист Аманда Тойз. Выход газеты из печати 18.05.2016 г.

15.05.2016 г. Пятница, 13-00

Встреча с читателями.

Отдельным вложением были расписаны контакты и адреса. Меня охватило волнение. Я вспомнила интервью с Джони Мендесом и волна мурашек окатила меня. Когда я отвечала на его вопросы, мне казалось, что он слышит, как дрожит каждый произносимый мною звук. И я безумно рада, что никто из читателей никогда не услышит этот голос. Но что делать с интервью для телевидения. Соглашусь, я не совсем готова к этому. Так неожиданно и резко я должна стать публичным человеком, каким до этого не являлась. Да, мне приходилось посещать светские вечеринки и деловые встречи, благодаря Сэму и его работе. Но я всегда находилась в стороне от каких-либо разговоров и не была в центре внимания. Сейчас мне предстоит совершенно другая роль и это немного пугает меня. Мое недолгое замешательство от увиденного плана стало постепенно рассеиваться, когда я представила, как книги с моей фамилии будут красоваться на стендах в книжных магазинах, а покупатели с воодушевлением будут их приобретать. Я только окунулась в свои фантазии, как звонок телефона вернул меня обратно в квартиру. Звонил Сэм. А я даже не открывала его письмо.

— Да — ответила я.

— Ты видела мое письмо? — первое, о чем он спросил меня.

— Я как раз его открываю, прямо сейчас — нажав кнопку «открыть», на мониторе тут же появилась красочная картинка с изображением моря и пальм.

— Тогда я жду твоего ответа по почте в течение пяти минут — сказал он. — Сегодня вечером я прилетаю. Надеюсь на вкусный ужин. Бутылку вина я захвачу с собой. Договорились?

— Да — ответила я, но почти не слышала его. Мое внимание было полностью у письма. — Конечно — добавила я и положила телефон рядом с ноутбуком.

Он предлагал — отправиться на первый совместный отдых в Панаму, уже на следующей неделе. Сэм подобрал туроператора, выбрал гостиницу. В письме он описывал дайвинг, каякинг, пляж, погоду. Ниже прилагались фотографии, и это место казалось раем. Несколько минут, я не знала, что мне делать. Панама — мечта любого человека. Я нажала «ответить» и уже была готова написать «ДА! ДА! ДА!» задыхаясь от счастья, но тут же замерла. Я не могу поехать на отдых сейчас. Почему он предложил мне поездку именно сейчас? Когда я в шаге от своей мечты. Он ужасно расстроиться — первое, что пришло в голову. Видно, что он очень старался и мне хочется поехать. Но в ответ я лишь отправила план от издательства с комментарием — вот, что мне сегодня прислали.

2

Отказ от отдыха было решительным шагом в наших отношениях и в принципе для меня. За всю свою жизнь я однажды была на море, вместе с Клэр мы летали в Тайланд. Это было здорово, поэтому я знала, от чего отказываюсь. Но также я знала, ради чего делаю это. Книга — была целью моей жизни, к которой я медленно, но все же подобралась. И бросить на половину пути то, ради чего я потратила несколько лет жизни? Знаю, что Сэм расстроится и возможно, откажется от отпуска в этом году. Если не летит сейчас, он не сможет полететь потом. Он слишком высокое место занимает в компании, которым тоже рисковать не будет.

После моего письма он на ужин не приехал. По телефону сказал, что плохо перенес перелет и лучше ему отлежаться у себя дома.

Несмотря на небольшие разногласия с Сэмом, на следующий день я проснулась в хорошем настроении. Я собралась на пробежку и перед выходом написала ему смс «Не злись. Ты должен меня понять».

Я бежала по парку и думала о том, что Сэму пришлось много работать, ему приходилось отказываться от многих удовольствий и соблазнов ради кресла заместителя коммерческого директора. И сейчас он делает тоже самое, иногда жертвуя и нашими отношениями. Я никогда не была против, и всегда с понимаем, относилась ко всем его поездкам. Внезапно мне стало обидно за то, что, когда пришла его очередь отнестись с пониманием к моей работе — он этим пренебрег. Я не заметила, как набрала скорость и бежала изо всех сил. И тут же остановилась, чтобы отдышаться. Воздуха не хватало.

Смс от Сэма пришла во второй половине дня, когда я сидела с блокнотом, планируя свое время, которое оставалось у меня в запасе до встречи с редактором. В смс было написано: «Вечером созвонимся. У меня совещание». Прочитав его, я улыбнулась. Это было подтверждением того, что он уже не обижается. Я вернулась к блокноту. Встреча с редактором состоится 22 апреля, остается не так много времени, а мне нужно успеть решить все насущные дела. Обязательно нужно съездить к маме, которая в последнее время ворчала все больше от того, что я, цитирую «отделяюсь от нее звонками и уже забыла дорогу домой». Не мешало бы посетить салон красоты. Прошло два года, как я уволилась с основной работы и занялась писательством, с того же самого момента я не делала себе даже маникюр. Посмотрев на свои ногти, я со вздохом записала в свой блокнот «2. Сделать маникюр», затем добавила «и педикюр». Клэр учила меня записывать все в блокнот по пунктам. Это помогает правильно распланировать свое время и не забыть того, что хочешь сделать — говорила она. И я с ней соглашусь, это действительно оказалось удобно. Поначалу было сложно, но я привыкла. Единственное чему я так и не научилась, так это расписывать все с точностью по минутам.

«3. Встретиться с Джорджем». С недавнего времени Джордж Миллер стал моим литературным агентом. Меня с ним познакомил Сэм, спасибо ему за это, потому что именно Джордж меня привел в «iBooks». Мой агент незаурядный человек и у него своеобразный вкус в одежде. Он предпочитает сочетать несочетаемое, особенно в одежде. В первый день нашей встречи, я думала о том, что он ничего не сможет и только из-за того, что был одет в ярко-желтый пиджак и светло зеленые брюки. Хотя они и были хорошего кроя и сидели на нем идеально, я сомневалась, что такой человек может иметь свой «вес» в литературном бизнесе. То, что Джордж превзошел мои ожидания, и говорить не стоит. Он хотел со мной встретиться прежде, чем я увижусь с редактором. Хорошо, я добавила тебя в мой список дел.

«4. Встретиться с Сэмом в ближайшие дни». Уверена, что после длительной командировки во Флориду, у него много работы. И он проведет в офисе длительное время, пока не сделает все отчеты о поездке и не приведет в порядок все местные дела после длительного отсутствия.

Я постучала ручкой по блокноту, вспоминая, что еще мне нужно сделать.

«5. Купить платье и туфли» Это нужно к презентации.

«6. Организовать вечеринку с Анжелой и Клэр». Девочки, не простят, если мы не отметим мое становление в роли писателя.

Я покрутила ручку в руках. Убедившись, что больше ничего в мои планы не входит. Я решила начать с первого и самого важного пункта — поездка к маме.

3

Мама и мой младший брат живут в Глендейле. И пока у меня нет своей машины, я доезжаю к ним на автобусе. Одним днем моя поездка не обойдется, мама просто не выпустит из дома, встав в дверях. Однажды мы это проходили, и я не любила вступать с ней в спор — бесполезное дело, только отнимающее силы. В автобусе было ужасно душно, а я как назло надела сверху джинсовую куртку. Солнце через окно пригревало, а люк сверху не могли открыть уже двое мужчин. Первое, что я так не любила в поездках в Глендейл — это некомфортабельные автобусы. О машине я мечтала уже третий год, но никак не могла отложить денег. Сэм неоднократно предлагал мне купить ее в качестве подарка, но я не могла на него согласиться. Мне казалось, что если он купит мне машину, то я потеряю маленькую независимость от него, которая мне так была необходима. И все же я склонна к тому, что такие покупки должны быть совместными в браке, ну или хотя бы, когда ты ведешь совместный бюджет, и вы живете в одной квартире, что нельзя сказать про нас с Сэмом. Второе, что мне так не нравится в поездке в родимый дом — обсуждение наших отношений с Сэмом. Мы вместе полтора года и до сих пор встречаемся, а о свадьбе ни разу не заходили разговор. Я не знаю, как Сэм, но мне вполне нравятся такие отношения, но только не маме. Она начинает злиться, когда я говорю, что свадьба для меня не главное.

Автобус резко затормозил, встряхнув пассажиров. Осмотревшись, я заметила, что мы еще не в Глендейле, в салоне неприятно запахло, а над капотом автобуса клубился дым. Мы сломались и это очень хорошее начало поездки.

Добралась я до дома к вечеру с попутным автобусом, который ехал в Глендейл мимо того места, где мы остановились. Люди, буквально забились в него, что даже дышать было тяжело. Уставшая и взмокшая я брела по улице в сторону дома. А при виде него внутри потеплело. Я была рада снова вернуться сюда.

Дверь была открыта. Мама очень часто забывает ее закрывать. Эта привычка осталась с того времени, когда я была еще ребенком. И я, и Джерри постоянно бегали из дома на улицу, с улицы домой, что родители просто устали постоянно открывать и закрывать дверь. Поэтому с утра до вечера она была всегда открыта. На кухне шумело горячее масло. Мама жарила мои любимые пирожки с ягодами, я узнала их по запаху. Оттуда же доносилась музыка из радиоприемника.

— Мам, привет! — я остановилась в проеме кухни, оставив свою сумку в прихожей. Она не услышала меня и продолжала напевать песню Элвиса Пресли. — Мам! Я здесь!

Она замолчала и наконец, отвернувшись от плиты, раскинула руки в стороны и воскликнула: «Одри!». Через секунду мама сжимала меня в объятиях, и я чувствовала, как ее волосы пахли пирожками. Этот незабываемый запах впечатался в мое подсознание еще в детстве и приносил особое удовольствие, когда я его ощущала. В этот момент я поняла, как счастлива, что приехала домой.

— Неужели, моя дочь почтила меня своим присутствием? — сказала мама, грозно посмотрев в мои глаза, но я видела, как в них гуляла искорка веселья.

— Мам, ты же знаешь...

— Сколько времени тебя здесь не было?

— Я была занята. А где Джерри?

— Так сколько?

— Семь месяцев — я опустила глаза, почувствовав угрызения совести, а на щеках появился румянец стыда.

— Этого я и хотела — сказала мама, отпуская меня.

— Так, где Джерри?

— Он в комнате — она снова вернулась к плите. — Смотрит сериал. Он тебя ждал каждый день. Последний месяц только и жил тем, что ты приедешь — мама тяжело вздохнула. — Не знаю, как ты будешь выпрашивать у него прощение, но это будет нелегко.

Я обещала Джерри, что приеду в феврале, но так и не смогла выбраться в поездку пока не решила все вопросы по книге. Последние четыре года он инвалид и если бы не коляска, то давно перебрался ко мне в город погостить. Когда он перестал отвечать на мои звонки, было не трудно догадаться, что он обиделся. Джерри сидел спиной к двери, когда я приоткрыла ее. Он слышал, что я приехала, но не подавал вида и продолжал смотреть любимый сериал.

— Привет! — сказала я.

В ответ ничего не последовало.

— Я могу весь день простоять на коленях, если это поможет сгладить мою вину — сказала я. — Или если хочешь, мы можем вместе всю ночь смотреть сериал. И весь завтрашний день.

Он молчал. Тогда я села рядом с ним, опустившись на пол.

— Джерри, я знаю, мне нет прощения. Но... все чем я занималась в последнее время — связано с книгой. Ты же знаешь, как это важно для меня. Ради нее я оставила работу, ради нее я провела дома много-много часов, лишив себя других удовольствий. Но ты же знаешь, что это приносит мне счастье.

— Ты отказалась от нас с мамой и это тоже приносит тебе счастье?

— Нет, ты не прав. Я не отказывалась от вас.

— Одри, ты не сдержала обещание — это тоже, что и забыть. Ты обещала мне, значит, ты забыла про меня.

Он не сводил глаз с экрана телевизора, а я пыталась найти слова, чтобы ответить ему. Его медового цвета волосы были аккуратно уложены, а серые глаза казались такими взрослыми. Джерри пятнадцать лет, но иногда казалось, что он старше. Возможно оттого, что находился в кресле и его круг занятий в последнее время был ограниченной, чем у обычного человека. Он отлично учится, много читает и смотрит детективы, где логика превышает любви. И сейчас я чувствовала, что зашла в тупик. Невозможно объяснить брату, который безумно любит тебя и для которого ты единственный друг, что написание книги стало важной частью твоей жизни. И да, я совершенно забыла про обещание.

— Мне нечего сказать — продолжила я. — Но я хочу, только одного, чтобы ты никогда не забывал, что где бы я не находилась — ты главный человек в моем сердце. Ты мой младший брат, ради которого отдам жизнь. И я никогда, никогда не забываю о тебе.

Он посмотрел мне в глаза. Я заметила, как он сдерживается, чтобы не обнять меня.

— Я попробую простить тебя, если ты выполнишь одно условие.

— Конечно — я ласково улыбнулась.

— Нет, два.

— Все, что угодно.

— Мама сказала, что ты подписала контракт на издание книги. — Я кивнула, и он продолжил. — Ты возьмешь меня на презентацию книги.

Мысленно я облегченно выдохнула, это условие выполнить не так уж и сложно.

— Второе. Ты будешь приезжать домой раз в месяц.

Я замялась.

— Так и знал — с досадой сказал Джерри.

— Я постараюсь.

— Тогда сделка не состоится.

— Возможно, рассмотреть дополнительные условия? — Джерри заинтересовался. — Я постараюсь приезжать каждый месяц, но в случае непредвиденных и независящих от меня причин, смогу отложить поездку до того момента пока не представится возможность.

— Но не больше, чем на две недели.

— Джерри! Не все же зависит от меня.

— Хватит торговаться, Одри. Мы не на рынке. Две недели и с обязательным предупреждением.

Я сдалась под его взглядом.

— По рукам.

Он пожал мне руку и, не удержавшись — обнял меня.

— Одри? — сказал он, продолжая меня обнимать.

— Да.

— На счет сериала, все в силе?

Я расплылась в улыбке и закрыла глаза, вот он — родной дом.

— Конечно Джерри, в силе.

Мне кажется, я давно так не смеялась, как сегодня. Не знаю, сколько чашек чая я выпила за этот вечер, но вот пирожков съела предостаточно, чтобы почувствовать переедание. Ближе к вечеру мы перебрались в комнату Джерри, и стали пересматривать шестой сезон про его любимого агента Брэда Ш. Через час мама задремала в кресле. Она часто в нем засыпала, и Джерри пользовался моментом, чтобы продлить удовольствие перед телевизором. В этот раз, как только мама уснула, он подъехал ко мне на своей давно не новой коляске и сказал:

— Ну, давай рассказывай.

— Что? — удивленно спросила я.

— Все. Про Лос-Анджелес, про книгу. Как дела у Клэр?

— Ну, даже не знаю с чего начать — я потянулась вдоль дивана и села поудобнее напротив него. — Клэр без изменений, работает в журнале и все так же расписывает свой каждый день по секундам. Она считает, что это дело разумное и пыталась научить меня ему.

— Ты планируешь свой день?

— Нет. До этого мне далеко, хотя... — я сделала вид, что задумалась, а потом посмотрела на Джерри таинственным взглядом. — Тебе можно рассказывать секреты?

— Одри, что за вопрос? Дальше этой коляске ничего не уйдет.

— Ну, не знаю — я закатила глаза, из-за чего Джерри меня дернул за плечо.

— Я Джерри Парк, — он поднял левую руку, как это делают, когда дают присягу, — обещаю, что все сказанное моей сестрой Одри Парк этой ночью и в этой комнате останется «тайной двоих». И обязуюсь понести любое наказание, если позволю узнать кому-то об этом.

— Окей, Джерри Парк. Я расскажу об одном плане, который составлен специально для

меня. Этот план расписан по часам — то, что так любит делать Клэр. И он является коммерческой информацией, заключенной в договоре между мной и издательством. Никто не должен знать об этом, пока он не будет выполнен. Ну, и потом тоже.

— Они составили для тебя PR?

— Что-то вроде этого.

— И что в нем? Покажешь?

— Нужно принести ноутбук.

— Тебя покажут по телевизору?

— Там есть один пункт про телевизор, но это не центральный канал. И пока это не очень популярное утреннее шоу, но у него есть свой зритель. «Просыпаемся вместе», кажется, оно так называется. — Джерри разочаровано хмыкнул. — Но план может меняться, и может быть, завтра... или через несколько дней мне пришлют на почту — 24.05.2016 г. Шоу с Элен ДеДженерис и все.

— Тогда ты станешь звездой. Шоу с Эленой смотрит вся Америка, и даже мама.

Я засмеялась.

— Ты молодец! — сказал брат, взяв меня за руку. — Я так рад, что у тебя все получается.

Его губы изобразили улыбку, только не глаза.

— Если бы я мог ходить, то обязательно стал бы лучшим детективом Америки. Я бы тебя не подвел.

— Джерри, ты самый лучший брат во вселенной. И я горжусь этим.

Я часто задумывалась о том, как тяжело найти доводы, когда успокаиваешь своего собеседника. И как тяжело бывает, когда ты ничем помочь не можешь в тот момент, когда в глазах близкого человека стоит горечь. Эту горечь иногда я видела в глазах своего брата, и мне безумно хотелось ее прогнать. В этот вечер я обняла его так, как делала это в детстве. Когда за окном была темная ночь, а ему снились кошмары. Тогда мы половину ночи разговаривали, придумывая различные истории, в которых добро обязательно побеждало зло. А ближе к рассвету он засыпал, и я следом за ним.

— Ты обязательно должна мне показать свой PR — Джерри спас меня от поиска утешительных слов, заговорив снова о плане.

— Сейчас принесу ноутбук.

Несколько часов мы обсуждали его и книгу, которая должна появиться на свет в ближайшее время. И может быть, мы еще долго говорили о том, как необходимо ее презентовать, если бы не мама, которая проснулась около двух часов ночи. После этого она отвезла Джерри в ванну, а затем в кровать. Дом погрузился во мрак и тишину. Я смотрела в потолок и вспоминала, каким несносным был раньше Джерри. Как маме было тяжело справиться с его бесконечным потоком энергии, и как жизнь решила этот вопрос за нас. Я вспомнила отца, который рано ушел из жизни и комок жалости по времени, которое мы могли бы провести вместе, подкатил к горлу. Я перевернулась на бок и посмотрела в сторону окна. Вдалеке горел фонарь, пробивающийся в комнату слабым светом. Он напомнил мой огонек надежды, который был у меня, когда я приняла решение оставить работу и заняться любимым делом. Решение, о котором, я еще ни разу не пожалела, которое дало мне надежду обрести себя. Джерри нужен такой же огонек надежды, нужно помочь ему, иначе, в чем смысл. Пока я рассуждала о жизни, рассвет стал медленно подкрадываться, и заснуть я смогла только ранним утром.

У мамы новый день традиционно начинался рано. Но из-за вчерашних посиделок возле телевизора до поздней ночи заставили ее проспать на несколько часов дольше обычного. Приготовив завтрак, она принялась за Джерри. На нем всегда была чистая и аккуратно выглаженная одежда, а волосы зачесаны на левый бок. Утренние процедуры занимали пару часов. Мама сама занималась с ним упражнениями для ног — ежедневно, с того момента, когда была вынуждена оставить работу ради ребенка. Она ни разу не сказала, ни слова, по поводу этой новой жизни, которая состояла только из Джерри. Казалось, что в тот момент, когда главы семейства не стало, она посвятила всю свою необъятную любовь сыну. Раньше, я молча могла наблюдать за тем, как они занимаются. Глядя на это, я задавалась вопросом — ей нравится это делать каждый день? Но в тот же момент меня посетила другая мысль — если бы не Джерри, трудно представить, что могло с ней быть после смерти папы. Он стал единственным человеком, которому она могла посвящать свою заботу изо дня в день. И тут же я отвечала сама себе на вопрос — ей нравится за ним ухаживать, в этом и есть весь смысл каждого дня. И как бы ужасно, это не звучало, но благодаря положению Джерри мой отъезд дался нам всем проще. Иначе бы мне пришлось бы побороться, чтобы покинуть родительский дом.

Я застала ее в тот момент, когда она готовила начинку для торта. Удивительно, сколько в ней энергии и желания сделать что-то особенное для нас. Именно поэтому мне тяжело сейчас представить себя в роли матери. Джерри был во дворе дома. В первой половине дня он читал книги. А с того момента, как на улице потеплело, он проводил время с книгой во дворе дома. Я налила кофе и села за кухонный стол.

— Как спалось? — спросила мама, покрывая коржи кремом.

— Я думала о Джерри — сделав глоток кофе, я встала из-за стола, чтобы взять свой ноутбук.

— Попробуй — мама протянула мне чайную ложку с кремом, когда я вернулась обратно. — Изумительный крем получился. Я решила немного поэкспериментировать и добавила немного корицы.

— Ммм... Неплохо. Необычный вкус — вернув ложку обратно, я встала рядом с ней. — Как проходят ваши утренние упражнения?

— Почему ты спрашиваешь? — поинтересовалась мама и убрала чашку с кремом на другую сторону от меня, чтобы я не могла достать до нее.

— Интересно. Есть ли какие изменения?

— Одри, не темни. Говори, что сегодня ночью придумала. И оставь крем, иначе его не хватит на торт — сказала она, еще раз переставив чашку с кремом на другой стол.

— Мам, врач говорил, что если упорно заниматься, то можно достичь изменений в его состоянии и я напомню — я подняла указательный палец вверх, — в лучшую сторону. Все же не так плохо. Прошло почти четыре года. Вы делаете все те же упражнения?

— Что ты хочешь сказать? — мама остановилась и посмотрела на меня сердитым взглядом. Ей не нравилось разговаривать о болезни Джерри. Я пожала плечами, не понимая ее вопрос.

— Ты хочешь сказать — уточнила мама, — что я недостаточно делаю для того, чтобы Джерри мог встать на ноги? Ха... и это мне говорит родная дочь — она снова вернулась к торту.

— Я говорю о том, что эти упражнения не работают. Нужно попробовать что-то новое. Я знаю, что ты все время посвящаешь только Джерри, но нужно пробовать и пробовать новое каждый раз, если не получается сдвинуться вперед.

— Ты что-то можешь предложить? И подай мне ягоды. Они в холодильнике.

Я достала из холодильника желтую пластмассовую чашку и протянула ее маме.

— Пока у меня нет ничего определенного, но можно посмотреть в интернете. Обязательно найдутся видео уроки или какая-нибудь дополнительная информация. Мы не должны стоять на месте — нужно двигаться. Ведь жизнь — это непрерывающийся круговорот, который ни на секунду не останавливается и никого не ждет. И если мы тормозим на минуту, то отстаем на час. А догнать — я запнулась, потому что мама смотрела на меня, замерев с ягодой в руке, — догнать потом тяжело.

Закончив, я села за стол и открыла ноутбук.

— Хорошо говоришь. И почему ты раньше об этом молчала? Почему именно сейчас?

— Раньше, мам, все было по-другому.

— И что же изменилось?

— Я изменилась.

— Ты уверена?

Я промолчала, и мама добавила:

— Джерри перестал делать упражнения, которые советовал ему доктор на последнем приеме. Я думаю, что он потерял веру.

— Ты с ним разговаривала об этом?

— Пыталась и не раз. Иногда мне кажется, что он не только не может ходить, но и слеп, и глух.

В этот момент зазвонил ее мобильный. Это был Джерри, который закончил читать и хотел вернуться домой. Я пошла за ним вместо мамы. На улице меня встретил весенний освежающий ветер. Солнечный свет играл в волосах брата. Он был одет в вязаный джемпер, один из тех, что любила мама вязать вечерами. Ноги были укутаны в теплый плед, а на его лице появился легкий румянец. И если бы не инвалидная коляска, уверена, что у него не было бы отбоя от девчонок. Его серые глаза бегло переходили от строчки к строчке, пока я не подошла к нему совсем близко.

— Превосходный день, чтобы прогуляться — сказала я, глубоко вдохнув. — Может, прокатимся по улице?

— Не хочу — сказал он, и снова принялся читать.

— Мама сказала, что ты уже дочитал. Хочешь вернуться домой?

— Ты можешь что-то другое предложить?

— Уже предложила — прогуляться.

— Это, что утренняя шутка?

Я отрицательно покачала головой, не скрывая своей улыбки.

— Не хочу я показываться среди людей в коляске — Джерри нахмурился. — Отвези меня лучше домой.

— Что в этом плохого?

— Просто не хочу.

— У тебя сегодня плохое настроение?

— Встал не с той ноги — съязвил он и посмотрел прямо перед собой.

— Значит, так? Ну, хорошо.

Я взяла из его рук книгу и пошла домой, оставив его на улице без объяснений. Через несколько минут я вернулась, надевая джинсовую куртку. Перекинув через плечо сумочку, я посмотрела на Джерри, который пытался по пандусу самостоятельно заехать на крыльцо. Но ему не хватало сил подняться наверх. Подойдя к нему, я развернула его в обратную сторону от дома и повезла на прогулку.

— Что ты делаешь? — закричал он, пытаясь затормозить колеса руками.

— Пытаюсь взбодрить тебя.

— Одри, вы куда? — крикнула мама из окна.

— На прогулку. Через час вернемся — ответила я и решительным шагом пошла по тропинке в сторону центральной улицы.

— Если ты сейчас же не развернешься, я до конца своей жизни не буду разговаривать с тобой.

— Перестань паниковать. Ты мне напоминаешь девочку, которая боится показаться перед людьми не накрашенной. Это смешно. Ты такой же полноценный человек, как и все. Тебе нечего стесняться. Не нужно ограничиваться только телевизором и книгами.

— Я ничего не боюсь! Мне нравится так жить!

— Перестань кричать, ты привлекаешь внимание.

Он оглянулся, затем прошипел:

— С чего ты взяла, что можешь приезжать раз в год и командовать мной? Ты сама сколько времени провела в заточении?

— Я не была в заточении — это раз. И знаешь, могу вполне объяснить, почему просидела дома, не выходя на улицу несколько дней подряд — я работала! В отличие от некоторых. Это два.

— Из-за того, что я не могу ходить, мне нужно еще перед тобой оправдываться?

— Не передо мной, ты оправдаешься перед собой.

Джерри ничего не ответил, только скрестил руки на груди и насупился. Улыбка раздирала меня, и я не стала ее сдерживать. Тем более погода радовала, и было приятно вновь пройтись по улицам, где прошло мое детство. Мы вышли на центральную улицу. На нас почти никто не обращал внимания, не считая безработных, которые выпрашивали денег у прохожих и тех, кто находил удовольствие утром в выпивке. Остальные люди спешили — сегодня вторник и все заняты повседневной жизнью. Я направилась в сторону местного парка, который находился недалеко. И это было хорошо, потому что я порядком подустала везти нелегкую коляску.

В парке было тихо. Птицы напевали, а навстречу нам иногда попадались пожилые люди, проводившие утро на прогулке. Недалеко от озера, я заметила свободную лавку и, подъехав к ней, остановилась. Поставив коляску рядом, я села на лавку.

— Мы можем просто молчать и любоваться природой или можем поговорить — сказала я, подставляя свое лицо к солнцу, пробивающееся сквозь деревья.

— Чего ты хочешь?

Это был знак — Джерри готов говорить.

— На счет работы. Ты не думал, что твоя работа сейчас — это твое здоровье? Объясню. Доктор сказал, что ты сможешь ходить только если...

— Только не нужно говорить о том, чего ты понять не в силах. Ты никогда не узнаешь, что значит быть инвалидом — он сделал такое отвратительное лицо, что мне захотелось дать ему подзатыльник.

— Не ты первый, не ты последний — ответила. В этот момент захотелось схватить его за плечи и встряхнуть. — Как ты думаешь, если бы после очередной спецоперации величайший детектив Брэд Ш. оказался бы в инвалидной коляске. Он бы похоронил свою жизнь в ней?

— Не тот пример, сестричка.

— Почему?

— Он делает то, что не способен сделать обычный человек. Все это вымысел.

— И все же. Ты один из самых преданных его поклонников. И тебе не понравился бы конец сериала, если бы детектив сказал — я сделала насупившееся лицо и дурацким голосом проговорила — «Вы никогда не узнаете, что значит оказаться в коляске. На этом — моим историям конец». Ты бы сказал, что он слабак — помолчав, я добавила. — Мама сказала, что ты перестал делать упражнения. Почему Джерри?

— Лучше бы ты не приезжала — зло проговорил он и отвернулся.

— Теперь я не твой самый лучший друг? Потому, что не одобряю твою лень?

Я замолчала, давая ему немного переосмыслить мои слова. Мне хотелось, чтобы он что-нибудь сказал на это. Но минуты шли, а он молчал. И я понемногу начинала жалеть, что слишком надавила на него и косвенно назвала слабаком. Я провожала взглядом мимо проходящих людей. Сначала бабушка с любопытной внучкой под ручку. Затем два школьника, не торопившиеся в школу. И тут, я вспомнила, что во второй половине дня к Джерри должна прийти учительница. И нам нужно было успеть вернуться к ее приходу. Но я продолжала ждать ответа. А Джерри за все это время даже не пошевелился.

— Хорошо — не выдержала я. — Если не хочешь, мы больше не вернемся к этому разговору, никогда. Твоя жизнь, ты уже взрослый и смысленный парень. И тебе решать. Только хочу, чтобы ты не забывал. Существуют множество людей, попавшие в тяжелые ситуации, но не так много людей готовых бороться. Но те, кто боролись, всегда побеждали. Можно тратить время на жалость о том, что уже случилось, а можно думать, как это исправить. У тебя есть выбор.

Еще некоторое время мы сидели. Убедившись в том, что Джерри не собирается со мной говорить, я взяла кресло за ручки и повернула в сторону дома.

Спустя час к Джерри пришел преподаватель. Они занимались несколько часов, а мы в это время с мамой были на улице и приводили в порядок клумбы с цветами. Дома у меня не было ни одного цветка, но мама всегда давала советы, как правильно за ними ухаживать.

— Этот цветок дала мне Кристин. Она сказала, что он неприхотливый и его достаточно поливать два раза в неделю. И он многолетний. Главное не дать ему разрастись, иначе эти цветы будут повсюду и не дадут расти другим.

Я кивала на все, что мама говорила о цветах.

— Одри подожди. Я тебе помогу — она засыпала корни землей и ладонью немного прижала ее. — Ты бы могла оставить на время нам свой ноутбук? — неожиданно спросила она. И я не смогла скрыть свое удивление. — Наш компьютер сломался и мне все никак не удастся вызвать мастера. Да и услуги у них не из дешевых.

— Хорошо — ответила я. — Если он вам необходим. Сходить за водой?

— Да.

Я неслышно зашла домой, чтобы не отвлекать Джерри и преподавателя. Прокравшись на цыпочках в ванну, я набрала воды. Было слышно, что Джерри изучал математику. Он

объяснял решение задачи. Возле дверей его комнаты, я остановилась и стала прислушиваться. Он говорил уверенно, и я представила учителя с внимательным выражением лица и кивающего после каждого предложения. Мне снова стало немного совестно, что с Джерри я была немного груба и против его воли повезла в парк. Раньше никто из семьи не перечил ему, все вопросы решались мирно и с согласием каждого. Джерри замолчал, и я, не желая попасться им на глаза, заторопилась на улицу.

Мама продолжала рыхлить землю.

— Спасибо — сказала она, взяв у меня бутылку.

— Зачем тебе мой ноутбук?

— Я думала, ты уже не спросишь — улыбнувшись, она продолжила говорить серьезно. — Наверно, ты права на счет Джерри. Если мы его не расшевелим сейчас, то потом уже будет поздно.

Я почувствовала легкую эйфорию оттого, что наконец-то ко мне стали прислушиваться и согласились с тем, что я права.

— Пока вас не было, я посмотрела несколько видео в интернете, которые меня заинтересовали. Надеюсь, что на Джерри они тоже произведут впечатление. Поэтому нам без ноутбука не обойтись. Но мы обязательно его вернем.

— Не нужно, мам. Это мой вам подарок.

Мама странно посмотрела на меня.

— Я так рада, что ты поняла меня — объяснила я.

Она улыбнулась.

— Как Джерри отреагировал на вашу прогулку?

— Лучше не спрашивай. Мы с ним... немного повздорили — я решила смягчить наши разногласия с братом. Мама не любила, когда в семье кто-то ругался — на это было табу. И все, кто не следовал этому правилу, обязательно получал наказание в виде домашних дел.

Оставшийся вечер нам с Джерри так и не удалось поговорить. Мама была с нами повсюду. Ближе к вечеру мы снова перебрались в гостиную, и завели разговор о том, что показывают по телевизору. Затем плавно перешли к обсуждению фильма, которое в это время началось, в частности его актеров. В тот момент, когда началось самое интересное, в гостиной образовалась тишина. Все внимательно следили за движениями героев и не пропускали ни единого слова. Я подскочила от мелодии, заигравшей на моем телефоне, и быстрым шагом вышла из комнаты.

— Да, Сэм — ответила я шепотом.

— Привет. Ждал твоего звонка, так и не дождался.

— Я собиралась тебе звонить позже. Я с мамой и Джерри, поэтому раньше не могла.

— Когда возвращаешься?

— Завтра в полдень автобус. Надеюсь, обратно дорога будет без происшествий.

— Тебя встретить?

— Не обязательно. У меня мало вещей, смогу доехать сама.

— Во второй половине дня я свободен, мы могли бы увидеться.

— Хорошо. Тогда встречай меня на автовокзале. Как буду близко — позвоню тебе.

— Я соскучился.

— Я тоже. Целую — и я завершила звонок.

Иногда, мне казалось, что Сэм чувственнее относится ко мне, чем я к нему. Он мне нравится, и бывало много моментов, когда я на него смотрела восхищенными глазами и

говорила, что очень счастлива с ним. Порой я думала, о том, что до сих пор не вижу совместного будущего. Вернувшись обратно на диван, я посмотрела сквозь телевизор. Фильм меня больше не интересовал. Я думала о Сэме. Красивый, образованный, интеллигентный и любящий — качества, которые встретишь не в каждом мужчине. «Чего ты ждешь?» — спрашивала меня мама. Я не раз задавалась этим вопросом, и с каждым разом мне все труднее было найти на него ответ. С другой стороны, Сэм не звал меня замуж, и было всего лишь пару намеков на то, чтобы съехаться. Но он не настаивал, а я так и не дала согласие.

Фильм закончился, и мама предложила поиграть в настольную игру, как в старые добрые времена. Так и прошел наш вечер. Я пыталась шутить, подтрунивала Джерри, но он все равно казался каким-то отчужденным. И хорошо, что потом мама не стала расспрашивать меня, почему у него сегодня плохое настроение.

5

Мое пребывание в родительском доме подходило к концу. Утром я собрала свои вещи в небольшой рюкзак. Учитывая, что возвращение будет без ноутбука, можно сказать, что я была «налегке». Завтракала я без Джерри. Несмотря на то, что я встала раньше, чем в предыдущий день, чтобы позавтракать со всей семьей — оказалось, что я все равно опоздала.

— Он встал сегодня очень рано. Практически не ел и попросил меня сразу же отвезти его на улицу. Одри, у вас все в порядке? — мама сидела напротив меня, пока я пила кофе. — Мне показалось, что он не выспался.

— Мам, все нормально. Просто Джерри нужно побыть одному и подумать о нашем разговоре.

— Что ты ему наговорила?

— Ничего. Просто он упрямый мальчишка.

— Если не хочешь — не говори. Главное, чтобы хуже не стало.

Телефон завибрировал, пришла смс от Сэма.

«Доброе утро! Напиши, как сядешь в автобус». Я не любила переписываться по смс. И если все же хочется переписки, то я лучше предпочту письма, чем смс. Сэму напротив, нравилось писать короткие сообщения и в большом количестве.

«Хорошо» — быстро набрала я.

— Сэм? — поинтересовалась мама.

— Хочет меня встретить на автобусной станции. У него сегодня выходной. Мам, только не начинай.

— И не собиралась. Мое мнение ты знаешь. Как маленькие дети бегают друг к дружке. Взрослые люди и совершенно не думают о будущем.

— Мааам. Прошу тебя. Не надо — протянула я.

— Просто к слову.

— Я пообещала Джерри, что буду приезжать каждый месяц.

— Надеюсь, в этот раз ты сдержишь свое обещание.

Я пожала плечами.

— Мне не хочется уезжать. Я бы могла задержаться, но впереди большая подготовка к выходу книги. Много нужно успеть. Мне хочется быть на высоте. И если все пройдет успешно — это будет большим толчком в будущее, о котором я мечтала. Мам. Мне так хотелось, чтобы ты была рядом в тот момент, когда я подписывала контракт. Ты не представляешь, что происходило во мне — я почувствовала, как эмоции меня

переполняют. — Тысячу салютов одновременно взрывались внутри меня. Мне хотелось петь, танцевать, обнимать всех вокруг. Мне хотелось поделиться с тобой этой радостью. Вы приедете с Джерри на презентацию? Он очень хочет.

— Обязательно приедем — ее глаза засверкали от слез, и я прижалась к ней. — А что дальше, Одри?

— Дальше контракты на будущие книги. Возможно экранизация. Я буду чувствовать уверенно себя на этой земле. Будет будущее, которое я так долго ждала. Тогда я смогу вам помогать. Мы обязательно отправим Джерри на консультацию к лучшему врачу в Лос-Анджелесе. Перед нами откроются двери во многих домах. Начнется совершенно другая жизнь.

Я слегка отстранилась от нее и посмотрела прямо в глаза. Мои щеки порозовели, я почувствовала, прилив от того, что так близко. Безудержное счастье, опьянение от известности, торжество при виде конкурентов, любовь и преданность поклонников.

— Ты действительно этого хочешь? — с сомнением спросила мама. — А как же вездесущие папарацци, не дающие прохода?

— Не смертельно. Нет. Главное не в этом. Главное — успех писателя. А успех — это читатели, любящие твое творчество. То, что войдет в историю литературы.

— Одри, посмотри в зеркало — усмехнулась мама. — Ты на себя не похожа.

— Вам кажется, что это пустяки.

— Нет, конечно. Дочка, если счастлива ты — счастлива я.

Мы снова обнялись.

— Все скоро изменится — прошептала я.

Они проводили меня на станцию. Отправку автобуса задержали, и пришлось двадцать минут сидеть в зале ожидания. Если бы ты опаздывал на рейс, то автобус обязательно ушел бы вовремя. Удивительная закономерность в жизни, которая очень часто встречается. Мама обрадовалась, что есть маленькая возможность побыть еще немного вместе.

Наконец объявили, что посадка начинается, и я крепко обняла маму.

— Жду вас на презентации — улыбнулась я.

— Хорошо — ответила мама.

Я присела напротив Джерри.

— Буду по тебе скучать — я крепко сжала его руки. — Ты мой брат и самый лучший друг. А лучшие друзья никогда не желают ничего плохого друг другу.

— Я знаю — слабая улыбка появилась на его лице. — Увидимся на презентации.

— Буду ждать.

Сев в автобус, я еще раз им помахала. Когда автобус выехал на шоссе, я села поудобнее. Время в пути нужно было чем-то занять, и я написала Сэму смс: «Я выехала. У меня будет к тебе одна просьба».

Ответ не заставил себя долго ждать.

«Выезжаю на автостанцию. Что за просьба?»

«При встрече» — ответила я.

«Предлагаю поужинать сегодня в кафе».

Иногда я удивляюсь тому, как он успевает управлять машиной и писать одновременно смс, не попадая при этом в аварию.

«Соскучилась по дому. Предлагаю купить еды и поужинать у меня».

«Окей». Ответил он, а мой автобус продолжал следовать по направлению к дому.

Сэм встретил меня теплым поцелуем и небольшим букетом из полевых цветов. Когда он не занимался работой, то старался быть романтиком. И иногда у него это получалось.

Как бы хорошо не было у мамы, но я поистине обрадовалась возвращению домой, как только села на свой диван. И если бы не Сэм я бы отметила это громкой музыкой и домашними танцами. По дороге мы захватили несколько дисков с комедиями в видеопрокате. Пока он организовывал нам предстоящий просмотр, я распаковывала только что купленный ужин.

— Так, что у тебя за просьба ко мне появилась? — спросил он.

Я немного замялась. Еще никогда до этого я не просила у Сэма денег. Все, что он покупал — покупал для нас двоих и по своей инициативе.

— Я хотела попросить тебя одолжить мне денег. Мама попросила у меня мой ноутбук, и я не могла ей отказать. А без ноутбука, ты знаешь — никак.

— Без проблем. Почему ты сразу не сказала? Мы бы могли заехать в магазин по дороге и взять любой, который выберешь — он говорил об этом непринужденно, параллельно открывая бутылку вина.

— Я не знаю. Наверно, это лучше сделать завтра.

6

На следующий день я встретилась с Джорджем. Он ждал меня в кафе, находившиеся в пяти минутах ходьбы от издательства. Через два дня у меня была назначена встреча с главным редактором, поэтому, как и просил Джордж, мы встретились накануне. Он ждал меня всего несколько минут, но когда я зашла в кафе, то сразу заметила, как он нервно постукивает одним пальцем по своим часам. Джордж, как и Клэр не любил, когда люди опаздывали.

Я села напротив него и извинилась. Свою сумочку я положила на рядом стоявший стул, заказала стакан апельсинового сока у подошедшего ко мне официанта и внимательно посмотрела на Джорджа. Я была готова его слушать, ведь он меня попросил об этой встрече, а значит, он что-то хотел мне сказать.

— Как дела? — спросил он.

— Отлично. Готовлюсь к предстоящему интервью.

— Да, я видел тот грандиозный план. Хочу сказать, что они сильно увлеклись этим проектом.

Официант поставил передо мной сок, и я его за это поблагодарила. Во рту все пересохло, и я сделала глоток. Я постаралась выйти из дома раньше обычного, но из-за того, что неопытный водитель легкового автомобиля не уступил дорогу автобусу, образовалась пробка. Несколько кварталов мне пришлось почти бежать. Джордж продолжал:

— Считаю, что слишком много на тебя навесили дел. Перед презентацией тебе не мешало хорошенько отдохнуть, набраться сил и подготовиться к главному интервью, которое будет во время презентации.

— Ничего. Я справлюсь — ответила я и снова сделала глоток.

— Хорошо, что ты в себе уверена. Я знаю, насколько выматывают эти поездки по интервью, фотосессиям и так далее. Но, ладно. Наша встреча не поэтому вопросу. Кстати, ты начала писать свою речь?

— Пока еще нет — медленно ответила я. — Не было времени. Мне нужно было на

несколько дней уехать из города.

— Может быть и к лучшему, что ты не начинала.

Я непонимающе посмотрела на него. Вместо поучительных слов, которые я слышала часто от него, когда задерживала работу над книгой, в этот раз я услышала одобрение.

— Мне вчера звонила Джейн Картер, и сказала, что речь они подготовят сами — пояснил он.

— То есть? — не поверила я.

— То есть, когда они ее напишут, тебе нужно будет ее выучить.

— Это я поняла, Джордж. Я не совсем понимаю, какое отношение имеет к этому Джейн Картер? Это моя книга, моя презентация и должна быть моя речь. Человек, который не создавал эту книгу — не может написать о ней речь.

— Не торопись — остановил меня Джордж. — Джейн ничего плохого не делает. Она всего лишь помогает. Тем более это сэкономит твоё время, которое и так будет ограничено в эти дни. И если ты захочешь внести в нее какие-либо изменения, то никто не будет против.

Я недоверчиво посмотрела на него, но он сделал такое лицо, которому нельзя было не поверить.

— Хорошо. Это все, что ты мне хотел сказать?

— Не совсем. Я получил копию твоего контракта. Ты его полностью прочитала?

— Джордж, не пугай меня — я почувствовала, как мое сердце учащенно застучало. — Конечно же, я не прочитала его полностью. В тот момент было бесполезно смотреть в текст, если ты его совершенно не понимаешь. Увидев свою фамилию, название издательства и заветные слова о сроках печати книги, я пролиставла остальные страницы и поставила подпись. На тот момент, для меня это было единственной важной частью.

— Значит, не прочитала. Я так и думал. Поэтому мы здесь.

— В нем что-то не так?

— Лучше ты узнаешь об этом заранее, чем послезавтра на встрече с главным редактором. В контракте прописан пункт, по которому издательство может вносить поправки в книгу, и я говорю сейчас не об ошибках, которые они могли найти.

— Ты серьезно?

— Не расстраивайся раньше времени. Я уточнил у Джейн по этому пункту, и она сказала, что они внесут изменения, но они будут незначительные. Возможно, речь идет всего лишь о нескольких абзацах.

Я закрыла лицо руками, мне показалось, что я покрылась пунцовыми пятнами. Моему негодованию не было предела.

— Никто и не заметит — добавил Джордж.

— Но не я. Несколько абзацев. Джордж, я не понимаю, зачем им это? Если они приняли книгу к печати, то нужно печатать в том виде, в котором она была передана им автором. Если они внесут изменения, она уже не будет моей.

— Одри, ты переживаешь раньше времени. Об этом никто не узнает. Тем более, ты дала свое согласие — поставив подпись.

Мои ладони громко упали на стол и люди, сидевшие в кафе — обернулись.

— Я просила поехать тебя со мной! И если бы ты меня не бросил, я не подписала тогда этот idiotский контракт.

Телефонный звонок перебил нас, и Джордж вышел на улицу, чтобы поговорить. Я откинулась на спинку стула, чувствуя, как дрожат мои ноги. Все, происходящее совершенно

не вписывалось в мой план. И не давала покоя мысль о Джейн Картер, которая участвовала во всех этих неприятных моментах. Еще больше мне захотелось увидеть ее, рассмотреть всю и задать несколько вопросов. А затем порвать контракт и бросить ей в лицо.

— Одри. Ты здесь? — поинтересовался Джордж, вернувшись на свое место.

— К сожалению — ответила я. — Мы можем отказаться от этого контракта?

— Нет. Механизм запущен. И если мы попятимся назад, то придется заплатить приличную сумму. Думаю, твой кошелек это не потянет, как и мой. Одри, подумай о другом.

Джордж взял меня за руку, и заставил посмотреть в его зеленые глаза.

— Посмотри на эту ситуацию, с другой стороны. Этот пункт они бы все равно не убрали. И ты бы лишилась контракта. Что нам сейчас нужно? Реклама. И они нам ее дадут. Этот план — он хорош. Значит, они уверены в успехе. А эти поправки будут не значительными, они не изменят линию сюжета. Эта книга останется все той же книгой, которую написал замечательный автор — Одри Парк. Думай о том, что они продвинут твое имя. А это дает больше возможностей. Подумай об издании второй книги. Вот тогда ты сможешь выбирать. Вот тогда ТЫ будешь решать, подписывать контракт или нет.

Я смотрела ему в глаза и верила. Наверно, он действительно прав. Сейчас все равно нет другого выхода. И остается только ждать. Если со всем этим пиаром книга будет иметь успех, то за издание моей второй книги издательства будут бороться. Тогда я смогу управлять этим процессом.

Хорошо, продолжала я рассуждать на эту тему, подходя к своему дому. Если им хочется немного повеселиться, то пусть. Пару абзацев ничего не изменят. Все остается на прежних местах. Нужно только пережить эти мелочи, и потом все будет именно так, как я хочу.

Подходя к двери, я набрала Клэр. Завтра у меня будет свободный день, и хотелось купить платье на презентацию. Лучше не думать о том, что портит настроение и заняться тем, что принесет тебе удовольствие.

— Привет — сказала я. — Я тебя не сильно отвлекаю?

Клэр была взвинчена. Кто-то из работников заперол ее статью, не организовал встречу, а журнал в печать выходит через два дня. Я остановилась напротив зеркала, когда Клэр дала возможность мне сказать.

— Я так понимаю, что завтра ты занята. Не буду тебя отвлекать. Попрошу Анжелу съездить со мной в магазин. Нет, я не обижаюсь. Надеюсь, что у тебя все уладиться. Хорошо. Пока.

Отключив телефон, я посмотрела в свое отражение.

— Ты справишься — сказала я сама себе.

Вечером я обо всем рассказала Сэму. Выслушав меня, он допил оставшееся вино в фужере и спокойным голосом сказал:

— Не вижу повода для расстройств.

Я оторвалась от тарелки и посмотрела на него, как ребенок непонимающий, о чем ему говорят родители.

— Небольшие тонкости издательства, вот и все — продолжал он. — Они могут вносить изменения в книгу, которую собираются издать. И это адекватный подход к ведению бизнеса. Они вкладывают деньги и хотят их вернуть. Поэтому мне понятны их действия.

— Хочешь сказать, что моя книга недостаточно хороша?

— Одри, я не силен в литературе, ты же знаешь.

— Получается, что книга недостаточно хороша для их издательства, раз им приходится ее редактировать. Может быть, им стоило написать свою книгу?

— Я не это имел в виду. Возьми любой продукт, пусть это будет не книга. Например — он защелкал пальцами, — машина. Завод решил выпустить новую линейку машин со старым механизмом, но в новом кузове. Несколько дизайнеров работают над этим проектом, потом предоставляют его руководителю. Дальше работа аналитиков, которые в курсе того, что хочет потребитель. И с учетом этого вносятся поправки в макет. И только после этого автомобиль выпускают на рынок. Это есть в любом бизнесе. Литературный бизнес — не исключение.

— Книга и автомобиль? Я уберу со стола.

Встав, я поставила тарелку и фужер в раковину. Сэм встал следом за мной.

— Ты не совсем поняла. Они платят тебе за идею, за хорошо написанный роман. Возможно, редактор заметил какие-то неточности, я не могу точно знать, что именно им не понравилось. Но два абзаца из всей книги не решают ничего. Совершенно ничего. Потому что идея твоя. Ну, что они там могут изменить? Если только переставить два предложения местами.

— Я надеюсь — ответила я, посмотрев на него.

— Ну, что ты. Не стоит из-за этого расстраиваться.

Сэм двумя руками аккуратно взял меня за лицо и, притянув к себе, поцеловал.

— Я с тобой — прошептал он, и стал целовать меня с каждой секундой страстнее.

Понемногу я стала забывать обо всей этой истории с книгой. Сэм переключился на мою шею, а я прижималась все сильнее к его груди. Через минуту мы уже были на кровати и мои мысли о книге окончательно испарились.

7

Я и Анжела уже несколько часов путешествовали по магазинам, но так ничего подходящего не могли выбрать. Позвонив накануне Анжеле после Клэр с предложением посвятить день шопингу, она была на седьмом небе от счастья. Оказалось, что мой звонок решил одну из ее проблем. Ей требовалась помощь в выборе оформления приглашений открыток на свадьбу. Мы договорились, что с утра заедем в офис к человеку, который занимается этим. Выберем один из дизайнов, который он покажет, а после поедем в торговый центр. Анжела знала, что ей этот выбор дастся тяжело, поэтому ей нужен был человек, который поможет ей определиться. Тим не мог составить компанию, потому что в последнее время был сильно занят. «Подписание крупного договора, вот о чем сейчас он думает» — сказала Анжела. Перед нами открыли каталог с набросками, сделанными карандашом. Сначала я подумала, что это надолго, но мы быстро определились с выбором. Достаточно было привести несколько веских доводов в пользу одного приглашительного, и Анжела согласилась. Мы остановились на том, что приглашение должно быть в форме свадебного свитка серебристого цвета, перевязанный цветами из атласных ленточек нежно розового цвета. Анжела была счастлива, а я довольна, что теперь мы можем приступить к моим делам.

Обойдя половину торгового центра, мы зашли в кафе немного передохнуть. Я чувствовала себя усталой. Ноги стали тяжелыми, несмотря на то, что я была в кедах. Анжела порхала на высоких каблуках, как в домашних тапочках. Вот оно главное отличительное свойство простой девушки от шопоголика. Анжела ни на секунду не переставала говорить о

магазинах, в которые мы не заходили, но обязательно должны были зайти. Она рассказывала о большом ассортименте, который обязательно мне вскружит голову. В другом магазине действовали акции, но выбор очень мал. Но еще у нее есть любимый магазин, в котором самые лучшие консультанты и вкусное кофе, которым угощают посетителей. Пока я буду примерять платье, Анжела будет наслаждаться настоящим бразильским кофе.

— Может, нам тогда следует сразу туда направиться? — спросила я. — Зачем мы тратим время на эти маленькие магазины?

— Чтобы оценить выбор — уверенно ответила Анжела. — Ты должна знать, что ты купила самое лучшее платье. В чем удовольствие, если ты покупаешь платье в первом попавшемся магазине, не зная есть ли такое же платье в другом магазине и вдруг там, оно окажется дешевле? А если купленное платье будет не самым красивым? Однажды, я уже испытала разочарование. Нет, я не хочу, чтобы ты чувствовала себя неуверенно. Каждая вещь покупается для души и тела. Если ты в ней чувствуешь себя комфортнее, значит, ты будешь успешнее.

— Мы достаточно обошли магазинов, чтобы оценить весь товар, что был представлен. Давай сейчас пойдем теперь в тот магазин, о котором ты сейчас рассказывала? Ты посидишь в кресле с чашкой кофе, а я наберу кучу платьев и буду мерить до тех пор, пока что-нибудь ни куплю. Там же большой выбор?

— Очень. У тебя закружится голова.

— Я рискну.

Магазин оказался не просто большим, а очень большим. В таком я ни разу еще не бывала. Короткие, длинные, обтягивающие и свободные, блестящие, разноцветные, все это были платья. Сначала я ощутила ступор, в какую сторону мне идти. Анжела, взяв меня под руку, повела по правой стороне. Я проходила между рядов и искала, что-то простое, не слишком яркое. Нежное, но в тоже время очаровательное. Может быть голубое или, я посмотрела на другое платье — белое?

— Одри, смотри какое красивое — окликнула меня Анжела, держа в руке нежно-розового цвета платье в пол с одной бретелью через плечо.

Или розовое, мелькнула мысль.

Я выбрала около шести платьев и отправилась в примерочную кабину. Анжела продолжала бродить между рядами. Девушка, работающая в этом магазине, помогла мне застегнуть на спине молнию первого платья. Как Анжела появилась с двумя платьями в руке. Только после этого она села на диван. Я вышла из примерочной. Голубое платье было красивым, но мне не нравился разрез, он был слишком откровенным и совершенно не подходящим для предстоящего мероприятия. Посмотрев на свое отражение, я сразу отложила в сторону платье алого цвета, ярко-розового и черное в пол.

— Почему? — Анжела остановила девушку, уносящая эти платья.

— Потому, что я иду не на светский прием и не на твою свадьбу. Это вроде деловой встречи, на которые ездит Тим. Он же не позволяет себе пойти в спортивных штанах, а не в брюках. Я не должна быть вызывающей.

— Хорошо — отпустив девушку, она подошла ко мне, и мы вместе посмотрели на мое отражение. — Что именно ты хочешь?

— У меня будет встреча с читателями. Они любят книги. И я должна быть привлекательной, но не яркой, как модель на вечеринке. Мы будем говорить о моей книге.

Анжела еще некоторое время не сводила с меня глаз.

— Светлое? — спросила она.

— Возможно.

— Если плечи будут слегка приоткрыты?

— Но, чтобы было приличное.

— Длина?

— Чуть выше колен.

— Туфли есть?

— Нет. Нужно купить.

— Я сейчас.

И она скрылась вместе с девушкой в маленьком царстве одежды. Я осталась одна наедине с оставшимися платьями. Они тоже не подходили мне. Мимо примерочной прошли две смеющихся девушки. Они заняли соседнюю от меня примерочную кабинку. И мне пришлось, невольно подслушивать их разговор, находясь в ожидании Анжелы. Говорили они о дне рождения, на котором они встретятся с парнями. И они искали яркие платья. Если этого они не сделают, то через год им не светит быть замужними девушками. По их разговорам, я поняла, что замужество для них, как марафон, который обязательно нужно выиграть. Мне немного стало смешно. Хотя не мне решать, правы они или нет. Я посмотрела на платья, которые все еще лежали здесь.

— Извините — сказала я, выглянув из-за шторки. — Я случайно услышала ваш разговор. Думаю, вам нужно обратить внимание на эти платья. Они яркие, короткие и парни будут ваши.

— Спасибо — сказала одна из них и, взяв у меня платья, хихикнула.

— Кстати, я обратила внимание — указав пальцем на стеллаж с платьями, — что там очень классные платья и недорогие.

— Мы посмотрим, спасибо.

— Одри! Я нашла то, что нам нужно — подходя ко мне, Анжела протянула мне платье светло-персикового цвета. — Я захватила пару туфель. И те, и те красивые — выбирай сама.

Я, молча, взяла у нее вещи из рук и спряталась за шторкой. Я не заставила долго себя ждать и сомневаюсь, что Анжела успела сделать хотя бы поток кофе, который ей должны были принести.

— Анжела, я тебя обожаю! — крикнула я.

— Вам помочь? — спросила девушка, стоявшая рядом.

— Да.

Приоткрыв шторку, она застегнула замок на моей спине. После этого я вновь закрыла шторку, не давая возможность Анжеле взглянуть на меня даже одним глазом. Я надела туфли белого цвета и посмотрела на себя в зеркало. Все было так, как я себе представляла. Ткань плотно прилегала в области груди, подчеркивая ее, юбка была прямой и чуть выше колен. Руки были полностью открыты. Оно было легким и ненавязчивым, а туфли на квадратном высоком каблуке делали меня элегантной и стильной. Я высвободила свои волосы из резинки, и они упали мне на плечи. Отдернув занавеску, я вышла из примерочной, поставив руки на бедра. Дойдя до Анжелы, я развернулась к ней спиной, затем снова повернулась и запрыгала на месте от радости, как ребенок получивший подарок, о котором мечтал.

— Оно идеально — сказала Анжела.

Я обняла ее, сказав на ухо — спасибо!

Вернувшись домой, я убрала купленные вещи в шкаф и с большим удовольствием открыла свой блокнот, который не открывала с того дня, как составила свой план действий. Я зачеркнула почти все за исключением двух пунктов: салон красоты и вечеринка. Это я решила оставить на самый крайний день.

Я открыла свой новый ноутбук, который Сэм купил без меня. Это было очень мило с его стороны, устроив мне сюрприз. Загрузив почту, я нашла в ней письмо с «моей» речью. Пробежав по ней глазами, я отметила, что она не плохо написана. Несколько предложений я бы все-таки поправила. Выписав их в блокнот, я решила это обсудить на встрече с редактором, запланированной на завтра.

8

Дальше все понеслось очень быстрым течением сменяющих друг друга событий. Иногда я не успевала реагировать, где я нахожусь и что мне сегодня нужно делать. Круговорот плана Джейн Картер закружил меня настолько, что с Сэмом мы стали видеться реже, а с мамой я стала созваниваться раз в три, бывало и в четыре дня. Я старалась держать ее в курсе всех событий, но иногда была не в силах разговаривать о чем-либо. Будоражающие меня эмоции высасывали меня всю и, приходя домой, я валилась с ног. Иногда мне приходилось заставлять себя сесть за ноутбук, чтобы подготовиться к следующему дню. На презентациях книг других авторов мне тоже приходилось выступать. Несмотря на то, что я рассчитывала на молчание в стороне, наблюдая за происходящим. Но как, оказалось, от меня требовалась подготовка к этим встречам. Накануне мне нужно было сделать небольшой обзор информации об авторе и книге, о которых потом нужно было сказать несколько предложений. Затем во время фуршета я отвечала на вопросы о своей книге. Вечера в кругу важных людей, с умными глазами и высокоподнятыми головами, оказались для меня самыми сложными. У меня создавалось впечатление, что эти приемы для них привычное времяпровождение, которым они занимались с тех пор, как научились ходить. Дамы были элегантно одеты, а разговоры заключались в оценке поступков, внешности и поведения всех остальных, кто в этот момент не участвовал в их разговоре. Иногда я представляла их разговор обо мне, как только отходила от них на несколько шагов в сторону и это единственное, что меня забавляло и давало сил дожить до окончания вечера. Как правило, я уходила где-то четвертая или пятая после самых первых покинувших нашу «зажигательную» вечеринку. Одно из указаний Джейн — не покидать мероприятие первой.

Джейн Картер решает все, что связано с книгой, а значит, на ближайшее время она владеет моей жизнью. Об этом я узнала на встрече с главным редактором, где мне ее любезно представили. Квентин Силберман — главный редактор в возрасте пятидесяти лет, но глаза его горели так словно ему двадцать. С таким же юношеским энтузиазмом он познакомил меня с Джейн. Почему-то именно в этот самый момент, у меня мелькнула немного пошлая мысль, которая потом еще долго не оставляла в покое. И чтобы он не говорил о ее заслугах перед издательством, ничего не удивляло меня, кроме того, что они спят в одной кровати и не в роли мужа и жены. Позже, когда я высказала эту мысль Джорджу, он тактично промолчал.

— Одри Парк познакомьтесь с Джейн Картер. Это наш один из лучших редакторов. Можно сказать, лучший игрок в команде — говорил Квентин сидя за большим деревянным столом. Джейн стояла рядом, ее улыбка не сходила с лица, а голубые глаза прожигали меня насквозь. От этого мне стало не по себе, но я постаралась выдержать этот взгляд. Ее светлые

волосы переливались на солнечном свете, который заливал большой кабинет главного редактора «IBooks». Он был обставлен в стиле девятнадцатого века, что подчеркивало еще большее могущество этих двух людей, перед которыми я сидела и ощущала себя маленькой серой мышкой. Справа на стене висели громоздкие часы, секундная стрелка, которых издавала тихий звук времени, и я его отчетливо слышала. В это время наш разговор прервала секретарша Силбермана. Она поставила перед нами три чашки чая, и спросив у Квентина с какой-то встрече, оставила нас втроем. Джейн продолжала стоять, только уже с чашкой в руках.

— Вы должны полностью доверять Джейн — продолжил Силберман. — Она в этом бизнесе выше пятнадцати лет.

— Восемнадцать лет, если быть точнее — поправила она и улыбнулась, когда он на нее взглянул.

— Восемнадцать лет — вернулся он ко мне. — Вы же понимаете, что это очень много времени.

— Конечно — кивнула я.

— Джейн будет курировать вас во всех вопросах. Вы должны слушать ее и соответственно следовать этим советам. И, в первую очередь понимать, как это важно для всех нас. В особенности для издания.

Советам, подумала я. Как красиво они это обозвали. Советы можно выслушать, но не выполнять. А здесь подходящее слово — приказы. Но я держала мысли при себе и только кивала на все, что они говорили. Я вновь и вновь вспоминала слова Джорджа, и успокаивала себя. Они дадут мне рекламу, а потом я их пошлю куда подальше.

Интервью в последнее время стали тоже выматывать. Особенно если перед ними нужно было пройти полный инструктаж от Джейн Картер. Она зачитывала мне мои ответы, которые я должна давать на заранее обговоренные вопросы между журналом и ею. Слушая ее, я не понимала, зачем мне нужно было ехать на интервью, если они могли обойтись и без меня.

На одном из вечеров под названием «Литературные гении» мне задали вопрос, о котором я знала заранее. Я тут я поняла, что не принадлежу сама себе. Вопрос был задан, а я молчала. Появилась неловкая пауза и ведущий был готов уже отпустить небольшую шутку по этому поводу. Но я не дала ему этой возможности и, собравшись, заговорила. В этот раз я говорила словами не только Джейн, которые она подготовила мне как обычно. Ее мнение я переплела со своим. Из-за этого ответ получился скомканный, но ведущий сделал вид, что ему все понятно и переключился на другого автора. После выхода этого вечера в эфир Джейн отнеслась к этому достаточно сдержанно. Я надеялась на истерику, но она всегда владела своими эмоциями.

— Что ж — сказала она по телефону. — Это смотрелось не так плохо. Все спишут это на волнение. Но, Одри, — она сделала многозначительную паузу, после которой ее голос стал еще мягче — прошу тебя в определенных вопросах следовать тому, что я тебе говорю. Если ты с чем-то не согласна. Лучше скажи сразу, мы что-нибудь придумаем. Хорошо?

Я чувствовала ее холодность по отношению ко мне даже через телефон.

— Хорошо, Джейн — ответила я.

— Во время интервью ты должна быть неподражаемой.

— Я тебя поняла.

Мне приходилось со всем соглашаться. И я стала к этому понемногу привыкать. Это уже

походило на обычную мою жизнь. В разговорах с Сэмом я старалась не спорить. Он заместитель коммерческого директора в крупной фирме и считает себя достаточно умным человеком во многих областях бизнеса и жизни. С этим трудно было спорить, да и не особо хотелось. Я понемногу привыкала и к Джейн. Но на очередной встрече с ней и главным редактором я поняла, что слишком рано стала относиться к ним снисходительно. В тот момент, когда Квентин мне сообщил, что одна глава полностью исправлена, мне хотелось кинуть в них все, что только попадется мне под руки.

— Целая глава? — переспросила я. — Я не ослышалась?

— Одри, мы долго думали — вступилась Джейн — и пришли к выводу, что разговор о войне в Ираке может негативно сказаться на репутации книги, а также на издательстве. Мы можем потерять читателей. Критики возьмутся грызть нас. Тема войны — не очень хорошая мысль, а тем более посвящать ей целую главу — необдуманно.

— Господи, но в этом весь смысл — я вскочила. — В этом заключается один из важных моментов — переплетение основной идеи с косвенной. Разные люди, разные истории жизни и разные победы над собой, над своими страхами! Джейн, необдуманно ломать то, что вы не понимаете. И я напомню, что это все еще МОЯ книга.

— Одри, тебе лучше успокоиться — сказала она.

— И не подумаю! — я сорвалась на крик. — Речь шла о нескольких абзацах, а не о целой главе. Джордж сказал мне — я ходила из угла в угол по кабинету, как несчастный зверь в клетке, пытаюсь найти выход на волю. — И вообще, я не понимаю, что эта за причина? Тысячи авторов пишут о войне.

— Ты даже не читала эту главу — сказала Джейн. — Она превосходна. Прочти и ты сразу же забудешь про Ирак.

— Кто ее написал? — я остановилась и не сводила с них взгляда.

— Человек, умеющий писать — ответила Джейн.

— Кто?! — настойчиво спросила я.

— Это не имеет значение — железным тоном ответила она.

В дверь постучали и попросили Квентина выйти на минуту для решения срочного вопроса. Мы с Джейн остались вдвоем.

— Это ты написала?

— Я же сказала, не имеет значение. Ты будешь ее читать или нет?

Она смотрела мне прямо в глаза, и я не выдержала:

— Почему бы вам всем не пойти к черту?!

Я выскочила на улицу, совершенно забыв о том, куда собиралась идти после встречи. Я шла прямо по улице, иногда ускоряясь до бега. Мне хотелось скрыться ото всех вокруг и дать волю своим эмоциям. Было ощущение, что меня сломали на две части и все смотрят на это, словно так и должно быть. Вот круговорот бизнеса, который никого не щадит. В этой главе не было ничего, что могло бы вызвать со стороны читателей неприязнь или негодование. Я не писала о войне, как она сама есть. Я написала всего лишь о чувствах людей, об их выборе, об их действиях, об их страхах. И они не могут просто так взять, и вырезать целую главу. Не могут и не имеют права. Ну, конечно же, имеют право. Не ты же лично своей рукой дала им это право? Необдуманные действия, ведут к краху. Я остановилась перевести дыхание. Несколько кварталов осталось позади. Я достала мобильный, чтобы набрать Джорджу. Он нужен сейчас, как никто другой.

— Мне нужно тебя увидеть — сказала я ему. — Это касается поправок в моей книге. Я

виделась с Джейн.

— Одри, я занят. Давай созвонимся позднее.

— Где ты? Я приеду к тебе сама. Это срочно!

— Хорошо. Давай через два часа в Гриффит-парке. Возле входа в ботанический сад.

— Договорились.

Я оглянулась вокруг, чтобы сообразить, где я нахожусь.

Добравшись на метро до Гриффит-парка, я приехала за сорок минут до назначенного времени. На улице было свежо, солнышко иногда пряталось за облака, и в парке было многолюдно. Я пошла в сторону ботанического сада медленным шагом. Атмосфера парка понемногу успокаивала меня, и я старалась хоть немного не думать о Джейн Картер и о книге. Остановившись неподалеку от входа, я наблюдала за людьми. Я наблюдала за молодыми мамами и думала о том, что их основные заботы были связаны только с детьми. А у детей их и вовсе нет. Пожилые люди вспоминали прошлое, наслаждаясь заслуженным отдыхом. И только я не видела будущего, которое еще несколько дней назад было таким ясным. Мне казалось, что я почти готова бросить все, что сделала за эти последние месяцы и спрятаться. Ком подкатил к горлу, а голова стала кружиться.

— Одри? Что случилось? — спросил подошедший ко мне Джордж. — Ты вся бледная.

Я обняла его, и уткнулась лицом в плечо, в его темно-зеленый пиджак.

— Что случилось? — голос Джорджа был встревожен, и он стал гладить меня по волосам. — Одри, тебе нужно успокоиться.

Он отвел меня в сторону. Мы встали под деревом, которое скрывало нас от солнца, и я прижалась к нему спиной. Джордж сунул мне в руку бутылку воды.

Я рассказала ему обо всем случившемся в кабинете Силбермана и ощутила сильную усталость. Было ощущение, что меня пропустили через соковыжималку, как какой-то фрукт, и теперь мне хотелось домой. Он отошел в сторону, чтобы позвонить Джейн. Не знаю, сколько он разговаривал с ней, но время казалось бесконечным.

— Одри, она сказала, что про Ирак они печатать не будут. У нас два выхода — он тяжело вздохнул, сжимая в руке телефон. — Первый, если ты устала, то мы отступаем назад. Сумму неустойки ты можешь посмотреть в своем контракте. Уверен, что у тебя нет таких денег. Если только тебе не поможет Сэм. Второй — мы продолжаем, а значит, принимаем их поправки. Я договорился и у нас есть возможность прочитать эту главу. Можем что-то в ней изменить, но это должны быть незначительные изменения. И конечно, ни слова про Ирак. До семи вечера это уже нужно будет сделать. В восемь запускают печать. Выбирай.

— И ты это называешь выбором? — усмехнулась я.

— Одри, не время для сарказма. Особенно когда оно работает не на нас.

Я посмотрела на него серьезным взглядом.

— Что сам думаешь?

— Мое мнение ты знаешь. Понимаю, что в последнее время на тебя много оказывали давление. Эти интервью, я тебя предупреждал. Помнишь? Ты сказала мне, что справишься.

— Да — я еще сильнее навалилась на дерево и сложила руки на груди.

— Ты уже у цели. И если повернешь назад, сама же этого себе не простишь. Не забывай, что нам нужна печать этой книги. Да, пусть немного не в том формате, как планировалось. Но у тебя уже будет опыт издания книг, а главное, в каком издательстве. Это будет не просто хорошим подтекстом в твоём портфолио, а кричащим. Давай опустим сейчас моральные стороны и вместе подумаем о будущем. Картер не умеет проигрывать, а значит, мы не

проиграем. Сразу после презентации они выплатят кругленькую сумму, которая покроет все, что ты пережила. А потом ты спокойно засядешь за новую книжку. И на следующий контракт я поеду с тобой — обещаю.

Я понимала, о чем он говорит и понимала, что отчасти он прав. Я положительно качала головой, соглашаясь с его словами, и не верила сама себе.

— Я поехала домой.

— Что будешь делать? — задержал меня Джордж рукой.

— Мне нужно подумать.

— Позвонить Сэму, чтобы он тебя забрал и отвез домой?

— Не нужно — затем добавила. — Я справлюсь.

Пустая и без сил, я рухнула на диван, сразу же, как только зашла домой. Около часа я лежала и смотрела в потолок и ни о чем не думала. Просто смотрела и не думала.

Телефон вывел меня из кроткого сна. Это был Сэм, и он едет ко мне. Я снова закрыла глаза. И тут же вспомнила про исправленную главу. Мне хотелось, чтобы все это приснилось. Через силу я взяла ноутбук и как обычно загрузила почту. Как бы мне хотелось, чтобы она была пустой. Несколько писем пришло от магазинов, предлагающие разные акции. Было письмо от Джорджа: «Прочти, по-моему, не плохо. Мне понравилось. Позвони мне до 7 вечера. Жду». А следом было письмо от Джейн с тем же вложением, что и у Джорджа — это была новая глава моей книги. Я помедлила, но открыла. Я читала текст внимательно, всматриваясь в каждое слово, в каждый знак препинания в надежде найти малейшую ошибку. Но все было без помарок. Правильно расставленные знаки препинания и не единой орфографической ошибки.

Не успела я закончить ее читать, как раздался дверной звонок. Я прикрыла крышку ноутбука и открыла дверь Сэму. Поцеловав меня, он всучил мне еду из китайского ресторана. Я отнесла ее в гостиную и поставила на журнальный столик. Сама снова села на диван, положив себе на колени ноутбук.

— Что-то случилось? — поинтересовался Сэм.

— Если не считать того, что мою книгу решили изуродовать, то в целом — Нет, ничего не случилось.

Он сел рядом, приобнял меня за плечо и поцеловал в висок.

— Мне звонил Джордж — сказал он. — Может, ты сама мне все расскажешь?

— Да, нечего здесь рассказывать. Джейн Картер решает все. Осталось лишь вместо моего имени на обложке написать ее. Она в игре, но не я.

— Но на обложке будет твое имя. Это важнее.

Я хмыкнула, потому что это не утешало.

— Ты читала, что они там изменили? — спросил Сэм, расстегивая рукава рубашки.

— Да — резко ответила я. — Целая глава...

— Что все совсем так безнадежно? — оборвал меня Сэм, и я передала ему ноутбук. Он стал читать, а я запрокинула голову назад и снова закрыла глаза. В комнате на время снова воцарилась тишина.

— Вроде нормально — сказал Сэм.

— Вот именно что «вроде». Вроде моя книга и вроде не моя. Вроде я решаю, а вроде не я.

— Одри. Ты просто устала. Тебе нужно поесть и лечь спать. Завтра ты согласишься на

все это по-другому.

— Что измениться?

— Мы с тобой уже говорили о том, что ничего в этом плохого нет — Сэм пытался меня успокоить, но злил меня этим еще больше. — Вполне вероятно, что все издательства выдвигают свои требования и вносят поправки. Ты не единственная с кем это происходит. Все книги проходят корректуру. Думай о том, что это может привести к успеху. Неважно как. Все главы написала ты или нет? Важнее результат.

— Это нечестно.

— Это бизнес! Одри, ты должна понимать, что книжный бизнес ничем не отличается от других. Все не так гладко и легко, как в книгах.

Он так легко говорил об этом. Для него, для Джорджа и возможно для Джейн Картер, это просто бизнес. Но никто из них не задумывался, как это важно для меня. Да, я хочу зарабатывать таким способом деньги, но на первом месте у меня творчество, читатель и мой внутренний баланс. Мы говорили на разных языках. Он объяснял мне про бизнес, а я чувствовала унижение.

— Но — я попыталась, что-то сказать.

— Никаких «но». Неужели это так принципиально? Ты начинающий писатель и на тебя обратили такое внимание. Ты должна радоваться. Издание книги это уже большой шаг вперед. Ты слишком серьезно восприняла все это. Как будто теряешь миллионы долларов.

Он подвел черту, не заметив этого сам.

— Хорошо — согласилась я. — Наверно ты прав.

Я забрала ноутбук и ответила Джорджу — «Отправляйте в печать».

— Я не хочу есть. Слишком устала.

Встав под душ, я попыталась успокоиться. Это давалось слишком тяжело. Во мне билась две противоположности, одна из которых была Одри, вторая лишь ее подобие. И найти равновесие между ними было невозможно. Я повторяла себе под нос одну фразу «Все будет хорошо» и надеялась, что она рано или поздно сработает.

9

Все постепенно входило обратно в свое русло. Я старалась забыть про эту историю с главой, делая вид, что этого не было. Поэтому больше никому не стала об этом рассказывать, даже маме с Джерри. Эту тайну я решила похоронить внутри себя. К тому же все остальные, замешанные в издание книги вели себя, как и прежде.

Продолжалась подготовка к презентации. Посетив салон красоты, я ощутила себя более счастливой, и было огромное желание встретиться с девчонками до презентации книги. Оставался один день, и мне нужна была их поддержка. Зная, что Клэр не любит спонтанных сборов, я решила позвонить ей первой. Неожиданно, Клэр согласилась и пообещала купить вино. Анжела была тоже в восторге и уже вечером я ждала их у себя.

Последняя репетиция, проходила без Джейн и это ускорила весь процесс. Мне показалось, что все включая организатора этого мероприятия испытали огромное спокойствие и уверенность в себе в отсутствие главнокомандующий Джейн. Я забежала в магазин за продуктами. Было отличное настроение и казалось, что сегодня на улице все встречные люди мне улыбались. Я заходила домой, когда позвонил Сэм. Мы договорились с ним встретиться на презентации. Поставив пакет на стол, я ответила на звонок.

— Одри, у меня к тебе большая просьба — его голос был взволнован. — После

завтрашней презентации, чем планируешь заняться?

— Я не думала. Мама с Джерри приедут, нужно потом их проводить.

— Это я организую. Мне только, что сообщили. Завтра состоится прием, мне обязательно нужно там быть. Я хочу, чтобы ты поехала со мной.

— На прием?

— Да. Там будет много партнеров и все с женами. Я хочу, чтобы ты пошла со мной. Мы же с тобой пара и это очень важно для меня. Завтра все объясню.

— Ну, хорошо. Только маму с Джерри нужно проводить.

— За это не волнуйся. Я обожаю тебя. Целую.

— Целую.

Я посмотрела на себя в зеркало. С презентации на прием? Я довольно хмыкнула. Платье, которое мы купили с Анжелой подойдет и для приема.

Анжела и Клэр переступали через порог моей квартиры, громко смеясь, так что их смех разносился на весь коридор. Не знаю, что их так могло рассмешить, но я не смогла устоять перед их заводным смехом и невольно стала сама хихикать. В этот момент я ощутила, как мне не хватало их, этого задорного смеха, и счастье от того, что рядом люди, которых ты знаешь и любишь. Они обе протянули мне по бутылке вина и попытались рассказать историю, которая их сейчас на стоянке развеселила. И я была не удивлена, что она связана с мужчинами.

Мы разместились в гостиной за журнальным столиком. Времени на приготовление еды у меня почти не было, но я постаралась приготовить немного закуски к вину. Клэр открыла бутылку и разлив белое содержимое по бокалам, предложила выпить за встречу. Мы с Анжелой помогли ей в озвучивание тоста, без конца перебивая друг друга. Я почувствовала, как внутри меня от вина разлилось тепло, приносящее еще большее расслабление. И наши разговоры полились рекой.

Анжела рассказывала о свадьбе. Она посвятила нас в задуманный ими с Тимом удивительный день, который будет похож на один из тех, что показывают в кинофильмах. Все продумано до мелочей, включая от цвета скатертей на столах до фейверка. Проговорилась о рассадке гостей и сюрпризе, который они с Тимом готовят для гостей. Затем недовольно сообщила, что родители ее будущего мужа приедут накануне свадьбы и ей придется около двух недель жить вместе с будущей свекровью.

— У нас с ней замечательные отношения — говорила Анжела. — И я всем говорю, что мне повезло с Тимом и его родителями. Но только подумайте. Одно дело жить вдвоем, а другое с родителями. Я так отвыкла от этого.

— Зато у вас каждый день будет обеспечен ужин — вставила Клэр.

— Тим никогда не жаловался на это — сощурившись, ответила Анжела.

— Он золотой человек — ответила на это Клэр и сделала глоток вина.

— Две недели не такой большой срок — высказалась я. — Тем более в свадебной суете, ты не заметишь, как время пролетит. А твои родители? Когда они приедут?

— Мама с папой приедут за несколько дней, но пока точно не известно. Приедет моя сестра с мужем и двумя детьми, дня за четыре до церемонии. Поэтому, представляете, что у нас будет твориться дома?

— Веселье — одним словом. Кстати, Анжела. Если тебе понадобится наша помощь с Одри — мы тоже можем переехать к вам на несколько дней — пошутила Клэр.

— Я буду только рада! Места хватит на всех. И с вами будет веселее, не забудьте только прихватить пару бутылок вина — ответила Анжела и подняла бокал кверху.

Мы плавно подоברались к Клэр и ее работе. В последнее время она была сильно загружена, и выяснилось, что не напрасно. Клэр надеется в следующем месяце получить место заместителя главного редактора журнала и уже уверенными шагами подбирается к этой цели. Но больше всего нас удивило, когда мы с Анжелой узнали, что она встречается с мужчиной. У Анжелы открылся рот от удивления, после чего она недовольно толкнула Клэр в плечо, упрекнув за то, что две недели скрывала хорошую новость. После чего мы громко рассмеялись, и выпили за Клэр. Я и Анжела очень были рады за нее. На протяжении последнего года, Клэр не удавались отношения с мужчинами, и из-за этого у нее иногда было скверное настроение. Учитывая, что Клэр девушка с характером и амбициями, это была адская смесь. В эти моменты, я и Анжела старались не перечить и всегда соглашались с ее доводами. Но это было редко. Целеустремленность и ум Клэр восхищали, а ее доброта по отношению к близким людям была безграничной. Когда Анжела спросила, как его звать, Клэр замолчала и сделала загадочную улыбку.

— Ну, же не молчи — сказала я, Клэр перевела свой взгляд на бокал, который она держала. — Мы его знаем? — я посмотрела на Анжелу, которая в ответ мне пожала плечами.

— Да — ответила Клэр. — Это....

— Нет — вскрикнула Анжела, не дав Клэр закончить.

— Служебный роман? — спросила я. — Не верю.

— Может и служебный, называйте, как хотите — сказала Клэр. — Да, вот так получилось. Но я сейчас действительно счастлива и мне все равно, что вы скажете. Райн — это тот, человек, который мне нужен.

— Он столько времени был рядом, и ты разглядела его только сейчас? — спросила я.

— Сама удивляюсь, что понадобилось столько времени, чтобы понять это.

Я подумала о том, что жизнь порой выставляет нам ребусы, но мы не всегда спешим разгадывать их. Мне всегда интересно было слушать истории, которые открывают новые возможности людей, которые заставляют что-то делать, прежде чем мы обретем истинное счастье. Но мы стремимся взять то, что лежит на поверхности, не обращая внимания на то, что самое главное внутри, где-то глубоко под кожей, скрывшееся от всеобщего зрения. Я знаю об этом, и как все забываю в самый нужный момент и живу так же поверхностно. Клэр и Анжела продолжали обсуждать эту новость, а я словно отключилась от них и их голоса были где-то вдалеке. Я задумалась, вдруг то, что сейчас является моей единственной мечтой в последнее время и это не есть то счастье, которое нужно мне. Может быть, Сэм именно тот, с кем я могу быть счастлива и мне нужно быть более чуткой по отношению к нему? И книга, на которую я ставлю всю свою жизнь, вдруг и она окажется слишком поверхностной? Ненавижу это состояние растерянности, когда ты начинаешь сомневаться в собственных поступках. Но больше всего не люблю, когда не знаешь, как это исправить. Рука Анжелы вывела меня из оцепенения. И тогда я обратила внимание на то, что Клэр сидит с мокрой рукой от вина и смеется.

Клэр пошла в ванну, а я протирала ковер, промокший от вина.

— Ты волнуешься? — спросила меня Анжела.

— По поводу?

— Завтра презентация.

— Немного. С вами я стараюсь не думать об этом.

— Ты выглядишь напряженной — сказала Анжела.

Я пожала плечами.

Больше книг на сайте — Knigolub.net

— Наверно, это от усталости. Слишком много событий за последние недели.

— Как у тебя складываются отношения с Джейн Картер? — присоединилась Клэр. — Я слышала, что она очень властная женщина.

— У нас чисто-деловые с ней отношения, вполне приемлемые — ответила я и вышла из комнаты.

Я немного постояла возле раковины. В последнее время при одной мысли о Джейн внутри меня начинало закипать. Поэтому все разговоры о ней я старалась избегать. Сэм давно понял это и старался не спрашивать меня про нее.

— Не думаю, что сегодня нам нужно говорить о Джейн, либо о книге — заявила я, вернувшись обратно. — Мне хочется немного расслабиться. Побывать со своими подругами, которые заставляют меня весь вечер улыбаться. Я знаю, что нам нужно с вами сделать.

Я оставила их на несколько минут и полезла на самую верхнюю полку шкафа, стоявшего в прихожей. Достав оттуда небольшую коробочку, я вырвала из своего блокнота три листка и взяла ручку.

— Сегодня. Мы возобновим нашу студенческую традицию — я помахала в воздухе коробкой и подруги весело загудели. — Ручка одна, поэтому будем писать по очереди.

— Я первая — сказала Клэр и взяла у меня листок с ручкой.

— Пусть это будет то, что сделает нас действительно счастливыми — сказала я.

— А я никогда не думаю о том, что не делает меня счастливой — заметила Клэр и Анжела засмеялась. — Тихо! Вы мне мешаете сформулировать свое желание.

Мы демонстративно с Анжелой отвернулись, как и раньше. Как только Клэр закончила, она передала ручку Анжеле.

Когда мы жили вместе в студенческом общежитии, то один раз в полгода записывали на бумагу наши цели, которые должны были достичь за шесть месяцев. Эта была для нас игрой и мотивацией, вроде обещаний друг перед другом, только были они безмолвными. Затем мы вскрывали коробку, и если ты не выполнил то, что написал на листке — тебе загадывали желание. Поэтому лучше было горы свернуть, но сделать то, о чем написала. Из-за этого наши цели становились все более мелкими и вполне предсказуемыми.

В этот раз, все было по-другому. Никто из нас уже не загадает — сдать экзамен, либо поцеловать однокурсника в губы. Мы покрасили губы красной помадой и свернув наши листы поцеловали их, оставив свой отпечаток. Закрыв коробку, я обмотала ее несколько раз скотчем и приклеила листок с надписью: «Не открывать до 20 марта следующего года». Число было спонтанным. Первое, что пришло на ум. И коробка снова вернулась обратно в угол шкафа на свое место.

Вино быстро действовала на нас, и легкое опьянение попросило музыки.

Мы танцевали, смеялись, дурачились, так же как это делали несколько лет назад. В последнее время мы стали слишком серьезными и следовало чаще находить время на детское баловство. Я была рада, что мы сделали это сегодня. Перед днем, который может изменить все: меня, окружающих, жизнь.

Я проснулась раньше будильника на несколько часов. Волнение гнало мой сон прочь. Время было в запасе, и я решила немного пробежаться, чтобы хоть как-то сбить дрожь.

Парк был тихим. Выйдя на тропинку, я не спеша побежала. Презентация все равно поглощала мои мысли, тогда я решила вспомнить свою речь и еще раз прокрутить ее в голове. Внутренним голосом я проговаривала каждое слово, вдумываясь в его значение. Каждое предложение имело смысл, и в каждое из них я вложила частичку себя. Запыхавшись на половине пути из-за долгого перерыва в утренних пробежках, я пошла медленным шагом. Я продолжала думать над тем, как мне лучше встать, в какой момент сделать жест рукой и каким должно быть мое лицо. Не замечая за собой, я стала жестикулировать руками именно в тот самый момент, когда в моей голове зазвучала нужная фраза. И я совершенно не думала, что могу быть замечена кем-то и кому-то могу показаться странноватой. Я полностью была погружена в свою речь. Я готова была открыть свою душу читателям. Я прониклась не только книгой, но и этой речью. Я верила в нее, как некоторые люди верят в религию, и это было важно.

На обратном пути я уже отвечала на вопросы зрителей и репортеров, которые могли мне задать, и старалась не думать о Джейн Картер, которая обязательно будет присутствовать. Я решила для себя, что мои ответы будут основаны только на моем личном мнении. И мне все равно, что она скажет, потому что это уже не имеет значение. Все уже сделано, книга напечатана и ничего не остается, как только ждать отзывы читателей и собирать лавры успеха. Закончив с пресс-конференцией, я снова побежала.

За час до начала презентации, в книжном магазине стали собираться люди. Это был один из самых больших книжных магазинов города. В нем часто проводились мероприятия вроде сегодняшнего, и поэтому случай со мной был для них обыденностью, для меня же важным моментом всей жизни. В центре первого этажа были поставлены стулья сегодняшних зрителей и небольшая сцена с одной ступенькой для автора. На сцене стоял стол, на котором лежала небольшая стопка книг, приготовленная ручка для автографов. По бокам смонтированной сцены стояло два больших плаката с меня ростом. На них была изображена обложка лицевой части книги, и большими буквами было написано Одри Парк «В погоне за страхом». Такой же плакат стоял и на улице, указывающей стрелкой на вход в магазин. Под потолком была натяжка с чередующимися друг друга двумя фотографиями: обложка книги и я с улыбкой в руках держала книгу. Фотография была сделана после очередного интервью. И хотя нам с Силберманом нравилось несколько фотографий, последнее слово было за Джейн. Но это меня сегодня не расстраивало, фотография определенно мне нравилась. Я огляделась, и моя голова почти закружилась от обилия моего имени и фотоснимков в этом магазине. По моим венам побежал адреналин, когда я увидела стенд, предназначенный для книг-бестселлеров. Он был полностью заставлен экземплярами моей книги, и мне стало страшно. Я испугалась, что не смогу совладеть с чувствами. Они окунали меня раз за разом в безудержное счастье, и мне хотелось кричать каждому входившему человеку в магазин: «Вы видите?! Это моя фотография! Да, это я Одри Парк! И это моя книга! Она прямо по центру, на полке бестселлеров!». Мне пришлось заставить себя прийти в себя и не ощущать ребенком. Это только начало, предстояло произнести серьезную речь. Да, еще эта мелка дрожь от волнения, что забуду слова, как только все посмотрят на меня. Я отошла вглубь магазина и спряталась ненадолго от окружающих.

Джерри и мама появились раньше всех и застали меня возле окна. Когда мама обняла, я

почувствовала, как уверенности во мне прибавило. Джерри был разговорчивым, его улыбка подбадривала меня, а глаза сияли от счастья. Их поддержка оказалась кстати. Было приятно чувствовать, что тобой гордятся и ради них я готова была сегодня блистать. Они сели в первом ряду, поглядывая на публику, которая постепенно заполняла просторный зал. Появилось несколько фотографов, которые тут же принялись за работу. Анжела смогла заглянуть на мое выступление, а Клэр предупредила, что не сможет присутствовать, но мысленно находится вместе со мной.

Оставалось пять минут до начала, когда ко мне подошла Джейн со своей непроницаемой улыбкой на лице. В конкурсе «лже-улыбка года» — она стала бы победителем, без всякого сомнения.

— Отлично выглядишь — сказала она мне.

Я ничего не ответила, только кивнула и еще шире улыбнулась.

— Переживать не стоит — продолжила она, скользя своим взглядом по присутствующим. — Все пройдет отлично. По-другому и быть не может. Согласна? — она снова посмотрела на меня пристально.

— Конечно — ответила я.

Джейн отошла в самую глубь зала. Я посмотрела в противоположную сторону от того места, где она остановилась. Директор магазина вышел на эмитированную сцену, распрямив свои плечи. Началось, подумала я и посмотрела на Джерри. Его улыбка снова вселила в меня уверенность, и я была готова к своему выходу.

— Уважаемые дамы и господа — на весь зал разнесся его голос и тут же все обратили на него внимание. — Мы сегодня рады вас приветствовать на презентации новой книги. Романа под названием «В погоне за страхом», автором которого является превосходная Одри Парк.

Он указал рукой в сторону меня и в зале раздались аплодисменты. Я поднялась на сцену с ровной спиной и счастливой улыбкой на лице.

— Это первая книга Одри Парк, изданием которой взялась одно из крупных издательств Лос-Анджелеса, что говорит о высоком качестве и индивидуальности этой книги. Нет никаких сомнений, что это книга полюбитесь многим читателям нашего магазина, и займет одну из главных полок вашей домашней библиотеке. О чем же эта книга и благодаря чему она появилась, вам расскажет сама Мисс Парк. Автор, который готов сегодня говорить с вами откровенно. Одри Парк!

Зрители снова зааплодировали, а директор, любезно пожав мне руку, покинул сцену.

— Спасибо! Спасибо Кэвину Горду — директору этого магазина — он снова махнул мне рукой и слился с людьми, стоявшие возле стены. — Я рада вас всех приветствовать сегодня здесь, в этом красивом и уютном книжном магазине. Отличительная особенность этого магазина ото всех других нашего города — это то, что здесь самый большой выбор книг, и каждый может найти именно ту, которая обязательно понравится. И мне, как писателю вдвойне приятно презентовать вам свою книгу сегодня здесь. Я расскажу вам о книге, которая возможно для многих станет началом нового пути, которая поможет переосмыслить свои поступки, и я верю в то, что она действительно станет неотъемлемой частью вашей библиотеки.

В зале стояла тишина, и только изредка были слышны щелчки фотокамер. Я перевела дыхание и продолжила:

— Чуть больше года назад я решила посвятить свою жизнь писательству, оставив

работу. И если бы меня спросили двумя годами ранее, готова ли я пожертвовать местом, которое дает мне заработок ради неизвестности, мой ответ был бы — нет. И это объяснимо. Потому что в тот самый момент мной управлял страх. Страх перед неизвестностью, страх остаться без материальной поддержки и страх перед возможностью допустить ошибку. Одним днем мое мнение изменилось. Я подумала о том, что, не попробовав — никогда не узнаю было это ошибкой или нет. Я написала на листке, что я могу приобрести и что потерять. Тогда я поняла, что именно страх не дает мне сделать шаг вперед. И это происходит не только со мной. Благодаря работе журналиста, я встретила людей, которых страх разрушил. Но я встречала людей, которые смогли преодолеть его. На следующий день я уволилась с работы. Но тема страха осталась для меня открытой, и положило начало моей книге.

Я продолжала говорить и ощущала со стороны присутствующих заинтересованность. Джейн написала неплохую речь, но, когда я ей показала свою версию, она попросила у меня несколько дней на раздумье. Она одобрила мой вариант и это была моя первая, хотя и единственная победа над ней. Я не смотрела в ее сторону. Мой взгляд блуждал по лицам присутствующих, в поисках понимания. За все время моего выступления, я беспокоилась только о том, что кто-то может встать и уйти. Но этого не случилось, и я плавно подошла к концу.

— Книга расскажет о страхах, которые возможно живут в каждом из нас. Она покажет, как люди могут бороться, сдаваться и добиваться. Спасибо.

После продолжительных аплодисментов, директор магазина озвучил, что у каждого есть возможность озвучить свои вопросы.

Вопросов было не много и вполне простые. Люди интересовались началом моего писательства. Что, когда и почему я решила писать. Первые мои записи. И еще немного вопросов по книге. После этого все присутствующие имели возможность приобрести книгу с моим автографом, и это была первая продажа моей книги. Я с удовольствием подписывала книгу за книгой с наилучшими пожеланиями. Многие желали мне успехов и говорили о том, что их очень заинтересовала моя предыстория к книге. Подписав последнюю книгу, меня охватила минутная грусть. Я все еще сожалела о том, что убрали главу о войне. Она имела сильную сторону и была третьей ключевой частью книги.

— Вы мне подпишите книгу?

Я посмотрела на маму, которая держала в руках книгу, а рядом с ней стоял Сэм с букетом красивых роз. Он опоздал на начало, но все же приехал.

— Это было потрясно! — сказал Джерри.

Я с гордостью написала «Моей любимой маме! С уважением и любовью, твоя дочь Одри!». Затем приняла цветы от Сэма вместе с поцелуем.

Люди продолжали бродить по книжному магазину, рассматривая полки с книгами. А я стояла в кругу близких людей, которые по очереди меня обнимали. В этот момент к нам подошла Джейн Картер и попросила меня отойти с ней в сторону.

— Я хотела сказать, что все прошло, как я и планировала — сказала Джейн. — Ты справилась. Поздравляю — она сказала это невозмутимым голосом и протянула мне руку.

— Спасибо — я пожала ей руку, с надеждой, что это знак окончания нашей совместной работы.

— На сегодня все — быстро заговорила она. — Я уезжаю. На днях встретимся в издательстве. На почту отправлю тебе дату и время.

Я проводила ее взглядом. Через большие стекла было видно, как она села в машину и через несколько минут ее уже не было, только слабый запах ее терпких духов еще витал в помещении.

— Ты сегодня очень красивая — прошептал мне Сэм на ухо, подойдя сзади. — Особенно красива. Одри, ты не забыла, что сегодня мы идем на прием?

— Я помню — протянула я, наслаждаясь этим днем.

— Начало через два с половиной часа. У нас есть время проводить твоего брата и маму.

Некоторое время мы еще были в книжном магазине. Мною было подписано еще пару книг запоздавших посетителей на презентацию. После этого, все кроме Анжелы сели в машину Сэма. Мы посадили маму и Джерри в автобус, следовавший в Глейндел. Водитель был маминым знакомым, и он организовал специальные места для них и инвалидной коляски, которую сложили. Я поцеловала их на прощанье и вышла из автобуса. Без их поддержки, я бы сегодня не справилась.

Сэм оставил машину на стоянке возле моего дома, оттуда мы сели на такси. Сэм был взбудоражен. Он то и дело целовал меня и, не переставая говорил о сегодняшнем вечере на вилле.

— Там будет генеральный директор и многие из совета директоров. Это мой звездный час.

— Для чего?

— Я не могу много лет быть на втором плане и ходить в заместителях. Одри, мне нужно подниматься — его глаза загорелись. — А это шанс. В последнее время дела компании улучшились, и скажи мне, благодаря кому?

— Спасибо Сэму Бенсону!

Он учтиво кивнул и поцеловал меня в губы.

— А они в курсе того, что ты — я запнулась, — ну поспособствовал процветанию компании.

— Конечно. Я приложил немало усилий для этого. Кое-кто, обязанный мне — помог мне в этом. Теперь я на главной сцене.

— Что будет с нынешним коммерческим директором?

— Это не мое дело.

— Его же не уволят?

— Одри — он наклонился ко мне ближе, так что его глаза находились в нескольких дюймах от моих, — это бизнес. Каждый сам за себя. Не расслабляйся и держи все под контролем, тогда ты никогда не окажешься в затруднительном положении.

— Он будет на вилле?

— Да — его бровь дернулась — С ним и его женой я тебя познакомлю. Но помни, что главные для нас сегодня люди — это люди из совета директоров.

— Значит, на вилле мне тоже нужно выступить с тобой на одной «сцене»?

— Конечно, милая. Без тебя никуда.

Я зашла в огромный дом с высокими потолками и обставленный дорогой мебелью с огромным желанием помочь Сэму достичь желаемого. Он был прав, что вкус победы становится наркотиком, которого хочется всегда. Сегодня я чувствовала себя победителем этого дня. Присутствующие передвигались по большому залу с бокалами. Все мило друг другу улыбались, скрывая истинные чувства, и каждый преследовал свою цель. Женщины

были одеты намного элегантнее меня, но это не мешало мне, и я была уверена в собственных силах. Ведь я только, что раздавала автографы.

Сэм принес мне бокал шампанского.

— За нас и за удачу! — сказал он.

Я сделала глоток дорого шампанского.

— Посмотри вправо — Сэм за локоть слегка меня развернул. — Видишь в синем платье женщина и рядом с ней седоволосый мужчина в смокинге? Это генеральный директор. Он разговаривает с одним из членов совета директоров. А вот мужчина — и он показал мне на идущего человека, — коммерческий директор. Направляется прямо к ним.

Мужчина и правда, подошел к ним. Он вежливо со всеми поздоровался, поцеловал руку жене гендиректора и остался с ними.

— Теперь и наш выход — сказал Сэм и, поставив передо мной свою руку, предложил мне за нее взяться.

Это оказались довольно милые люди. Сэм представил меня им, познакомил с их женами, попутно раздавая комплименты. В этот момент я поняла, что он может играть. Он был обаятелен, и ни у кого не могла возникнуть мысль, что все это ради выгоды.

— Чем вы занимаетесь? — спросила меня одна из этих дам.

— Одри — писатель — ответил за меня Сэм. — Сегодня она презентовала свою первую книгу.

— Это просто чудесно. Вы нам расскажете поподробнее об этом?

И я увлеклась. Мужчины ушли в сторону, а я, оставшись в кругу интеллигентных дам — погрузилась в историю своей жизни. Конечно, многое я не договаривала и иногда ловила взгляд Сэма, который периодически посматривал в нашу сторону. У них оказалось больше вопросов, чем у журналистов на презентации. Они интересовались всем, пока нас не прервали и не пригласили занять столы, приготовленные к ужину.

Мы сидели за одним столом с коммерческим и генеральным директором. Сэм очень много говорил в этот вечер и их разговоры основывались на политике и бизнесе. Я заметила, что гендиректор во многом с ним соглашается, а затем они и вовсе покинули стол вдвоем. Они подходили к другим столам, а затем и вовсе скрылись из виду в компании еще одного мужчины. О чем они там говорили, для меня навсегда останется загадкой. Но то, что это был положительный знак, нет сомнений. Я старалась поддерживать разговор с оставшимися членами нашего стола. Улыбка не сходила с лица. Но стоило мне встретиться взглядом с женой коммерческого директора, то ощущала укол совести. Я подумала, что моя улыбка, как предательство. Но это быстро прошло, это же бизнес.

Через час, когда эйфория отпустила, мои собеседники потеряли ко мне интерес, а Сэма еще не было. Мне стало скучно. Оставшееся время вечера я провела в одиночестве. Я гуляла по залу, рассматривая стоявшие здесь вазы и статуи. Пару человек подошли ко мне поинтересоваться моим мнением о сегодняшнем приеме, но они быстро покидали меня, и я поняла, что всем здесь присутствующим не нужно мое мнение, как и я сама.

Когда Сэм вернулся, я облегченно вздохнула, мне порядком поднадоело здесь находиться. Он попросил меня еще немного потерпеть, но больше не оставлял одну. По его лицу было заметно, что он очень доволен сегодняшним вечером.

Мы возвращались домой в обнимку. А когда зашли домой, то Сэм с порога стал страстно меня целовать. Он прижал меня к стене, и я ощущала его горячие и сильные руки по всему телу. Это была страсть, которой нам не хватало в последние месяцы. Он был

сильно возбужден этим вечером. Успех действовал. Этот же успех разжигал и меня. Я отвечала на его поцелуи, попутно снимая с него белоснежную рубашку. Наши вещи валялись по всей квартире, и это была одна из лучших наших ночей за все время.

11

Успех проходит быстро, но голова еще долго продолжает кружиться.

В последующие недели я ощущала свой триумф. Забравшись высоко, мне стала доступна жизнь, которой я грезила в последние месяцы. Разом не стало многомиллионных поклонников, но они появились. Пусть не так много, но и этого для начала было достаточно. В сетях интернета велись обсуждения книги. Не все они были приятными, и я решила не читать их, довольствуясь только тем, что ее обсуждают. Джейн сказала, что им поступает информация о продаже книг, но об итоговом количестве можно будет судить по окончанию месяца. Пиар работал, а видео с презентацией попало в ютуб. Я скачала его и несколько дней подряд периодически просматривала. В этот момент я испытывала нескончаемое удовольствие и смущение одновременно. Мне было странно смотреть на себя со стороны, стоящей на сцене, а вспышки камер в это время периодически сверкают. И было так приятно, когда в зале раздавались аплодисменты. Все мои знакомые разом объявились, даже те, кто не видел меня много лет. Они присылали сообщения с похвалой и восхищением, желали творческих побед, и не одно сообщение я не оставила без ответа.

На днях Джордж сказал, что все неплохо и пока железо горячо, нужно ковать его дальше. Он посоветовал мне сильно не упиваться славой и в ближайшее время начать работать над новой книгой. Книгу прочитают быстро и тогда потребуют новую.

— Лучше с этим не медлить — говорил он. — Если будет большой перерыв, тебя могут потом и не вспомнить.

— Я тебя слышала, Джордж.

— Точно? — он недоверчиво на меня взглянул. Мы шли по тропинке в парке, где совсем недавно я стояла бледная и растерянная. — Помнишь? — он кивнул в сторону дерева.

— Да — я улыбнулась и слегка прижалась своим плечом к его плечу. После недолгого молчания добавила. — Я тебя поняла. В ближайшее время начну работать.

Он остановился и посмотрел на наручные часы.

— Тогда я могу спокойно уезжать. Меня задействовали в одном проекте в Миннесоте, возможно на один месяц, а может и дольше. Хотел убедиться, что ты не заболела — он приложил к моему лбу руку, от чего я засмеялась — и будешь работать. Помни — это только начало.

— Тебе не о чем волноваться. Желаю удачной поездки.

— Это Миннесота. Она не может быть удачной — он посмеялся, обнял меня, а затем оставил в парке.

За работу я принялась не сразу. Все как-то времени не хватало, да и в последнее время была суета: встречи, поездки. Сэм был в очередной командировке, но времени сесть за ноутбук у меня не хватало. Спустя неделю после своего отъезда, Джордж написал мне письмо. Он интересовался, как у меня обстоят дела. Я немного приврала, ответив, что у меня появилась идея и в ближайшее время начну излагать ее на бумаге. Это его порадовало, и я пообещала себе, что через несколько дней обязательно засяду за новую книгу.

Именно сегодня я хотела провести день в работе, но позвонила Джейн и попросила

меня срочно приехать в издательство. Я была ошеломлена ее звонком, поэтому собралась очень быстро и помчалась в кабинет Силбермана. Голос Джейн по телефону показался мне встревоженным, и я торопилась к ним.

Я влетела в кабинет главного редактора. А из-за спешки мои волосы выбились из резинки. Джейн Картер стояла лицом к окну, а Силберман сидел с нахмуренными бровями и читал газету.

— Что случилось? — поинтересовалась я у них.

Джейн повернулась, а главный редактор указал газетой на кресло, стоявшее напротив него. Я села, и он протянул мне газету. Я недоверчиво посмотрела на нее, но взяла. Название статьи гласило «В страхе за будущее литературы».

— Что это? — спросила я.

— Прочитай — сказал Силберман, Джейн отвернулась обратно к окну.

Начало статьи гласило: «Для меня мир литературы, как рай, который никто не должен осквернять. На днях я решил ознакомиться с книгой, которую в последнее время рекламировали на каждом углу. Кажется, даже бомжи знали о том, что некая начинающая, совершенно неопытная писательница по имени Одри Парк написала книгу с громким названием «В погоне за страхом» и издателем выступило, вы удивитесь, но это правда — издательство «IBooks»»

Дальше читать становилось невыносимо. Я перепрыгивала через слова, а затем через предложения. Но мне этого хватило, чтобы понять — на меня вылили машину отходов и не утонуть в них очень тяжело. Джейн и Силберман продолжали следить за мной, и они явно ждали от меня комментария. Но дочитав статью, которой отвели целую страницу, я ничего не могла сказать. Я онемела, словно у меня отрезали язык за то, что написала книгу. Подняв свои глаза, я сдерживала слезы. Это было неподходящим местом для истерики, поэтому я стала дышать глубже. Джейн взяла у меня газету и зашагала по кабинету.

— Это книжный критик — Блэр, если ты не поняла. И он разнес нас, как танк очередную мишень.

— И зачем он это сделал? — поинтересовалась я.

— Это его работа, если ты не поняла — она закатила глаза, как, будто ей было неприятно даже мое присутствие здесь. — Он делает то, что должен делать.

— Что именно? Уничтожать людей? Это его работа? Благородная, ничего не скажешь — я пыталась поймать ее взгляд.

— Вопрос сейчас не в этом — рывкнула Джейн, поставив руки на стол и наклонившись в мою сторону. — Вопрос, что дальше будет? В последнее время были очень маленькие продажи. По итогам месяца, мы и половину не продали того, что должны были. Отзывы в интернете пошли недоброжелательные, а после этой статьи — нас сотрут в порошок.

Я перевела взгляд на Силбермана надеясь заручиться его поддержкой, но он не смотрел на меня, и только сейчас я заметила, как он бледен.

— Не понимаю, как эта статья может изменить все? — сказала я. — Есть люди, которым книга нравится. Они будут рассказывать знакомым, делиться с ними впечатлениями. А знакомые будут говорить об этом другим своим знакомым. Неужели один человек может изменить...

— Может! — Джейн была беспрекословной. — Его слово имеет огромную силу. Извини, Одри, но это реальность. Проснись, ты не очень успешный писатель. Да, это была неплохая книга. И мы поставили на нее, поставили на тебя — ее указательный палец

установился в газету. — Но она не удалась.

— Неужели нельзя написать какое-то опровержение? Можно найти другого критика, и он напишет все, что мы захотим, только нужно заплатить.

— Издательство больше не собирается вкладывать деньги. С завтрашнего дня мы начинаем распродажу оставшихся книг. Мы возвращаем деньги, которые тоже рискуем потерять.

— И ты вот так готова сдаться? — я не смогла больше сидеть, поэтому поравнявшись с Джейн я пыталась найти в ее лице хоть какое-то объяснение. — Я могу найти деньги на критика, который напишет нам положительный отзыв. Не верю, что только этот — я взяла газету и прочитала его имя, — этот Блэр имеет право слова.

— Одри, все кончено! Дело не только в критике, книга не идет. Пойми это!

— Одри, послушай ее — вмешался Силберман. — Джейн лучше знает, что для нас хорошо.

— Джейн, Джейн, Джейн — взорвалась я. — А вы не думали, что ваша замечательная Джейн все только портит? И делает это намеренно!

— Одри, тебе нужно успокоиться — сказал Силберман.

— Оставьте ее — сказала Джейн. И ее спокойный тон меня удивил. И она добавила, расставляя каждое слово на свое место. — Мне не в первый раз слушать таких людей.

— А мне впервые встречается такой человек, как ты — ответила я. — Ты завладела моей книгой! Да, моей! Ты исправляла там все, что хотела, а теперь выставяешь меня бездарным писателем? Знаете, я расскажу об этом репортерам. Я оправдаюсь, а вот вы вдвоем — сомневаюсь.

— Удивительная идея, Одри. Делай, что хочешь — Джейн легким движением отмахнулась. — Только продумай свой ответ заранее, когда тебе скажут, что ты обманым путем пыталась вылезти в свет. ТЫ с удовольствием рассказывала о книге, заведомо зная, что она исправлена издательством и получается, ТЫ не единственный автор, но выдала книгу за свою. Значит, Одри Парк готова на все, ради своего имени на таблоидах?

— Я...

— И окажется, что твоя книга настолько была бездарной, что пришлось корректировать. Иначе ее выпускать в печать нельзя было. Этот же Блэр, сравнивает тебя с землей, если не ниже. Он похоронит твое имя, как писателя и ты не сможешь выйти даже на улицу. А твои знакомые будут потешаться этой историей, и развлекаться при любом удобном случае. Номер репортера запишешь?

Во второй раз я вылетела из здания, как ракета, только бесцельно, незнающая, куда мне лететь дальше. И снова я шла, лишь бы не стоять на месте. Остановиться меня заставил газетный киоск, попавшийся мне на пути. Я спросила, сколько у них есть экземпляров газеты со статьей Блэра, и купила их всех.

Я не стала звонить Джорджу, не хотелось его расстраивать. Поэтому попросила Клэр приехать ко мне домой, как можно быстрее. Убрав мягкий ковер с середины гостиной, я поставила перед собой мусорное ведро и с пачкой газет села на пол. Взяв первую газету, я открыла ее на странице с уничтожающей статьей и снова пробежалась по ней глазами. В каждом слове содержался яд в смертельном количестве, и мое тело охватили судороги отчаяния. Ключки страниц полетели в разные стороны, я рвала их с остервенением, попеременно всхлипывая. Тушь потекла, а я не переставала рвать одну газету за другой, пока мои руки не упали на колени от усталости. Запихав в корзину часть разорванной бумаги, я

чиркнула спичку и кинула ее туда же. Газета медленно начинала гореть. Я смотрела, как огонь уничтожает буквы и как бы мне хотелось, чтобы с этим огнем сгорела вся эта история. Я подкидывала в огонь газеты по очереди, как дрова в камин. Дым заполнял гостиную постепенно, в дверь позвонили.

— Чем у тебя здесь пахнет? И что произошло? Ты плачешь?

Я не ответила на ее вопросы и вернулась на свое место обратно.

— Ты же устроишь пожар — кинулась Клэр.

Она хотела его потушить, и я остановила ее за руку. Во вторую руку сунула уцелевшую страницу со статьей. Она села на пол, а когда дочитала, кинула ее в огонь.

— Я знаю, что это значит — сказала она. — Что Картер сказала?

— Я бездарна, а они убирают свои руки от этого дела. Все кончено, Клэр. Все кончено.

— Боже, Одри — она села рядом со мной и обняла, моя голова упала ей на плечо. Слезы катились по лицу. И я не в силах была их остановить.

Мы долгое время сидели в молчание, пока Клэр не вспомнила:

— Я принесла книгу, как ты просила.

Она вытащила ее из сумки и дала мне. Я с тоской смотрела на нее, крутила в руках и думала о несбывшихся мечтах, о разочарование и о том, как больно падать с небес на землю. Я вернулась в реальность, и она такая, полная жалости и обид.

— Одри Парк — сказала я. — В погоне за страхом.

Книга, которую больше никогда не напечатают. Книга, которую облили грязью и выкинули на помойку. Я открыла главу, которая была не моя и вырвала ее оттуда, бросила в догорающий огонь, который обрадовался новой пище, отчего языки пламени запрыгали.

— Я не должна сдаваться.

— Одри, ты должна бороться и возродиться, как феникс. Все это временно. Пройдет время, журналисты забудут. А кто-то и вообще не читал эту статью.

— Я должна быть сильной.

— Это все так эфемерно. Вся эта история. Я знаю этого критика, он очень известный и всегда пишет по делу, но как-то нереально и неожиданно все это произошло. Издательство принимает книгу, тратит деньги и вдруг выясняется, что это неоправданно — Клэр пыталась найти нужные слова. — Я работаю в этой сфере и знаю, что никто не будет печатать то, что не принесет денег. И Джейн, я много слышала о ней.

— И все же это произошло, Клэр. И именно со мной.

— Сделать тебе чай?

— Не хочу — и я снова положила голову на ее плечо.

— Ты должна бороться. Ты талантлива, я это знаю и говорю тебе без фальши — ты можешь писать. Не останавливайся. Это не предел.

Я закрыла глаза, ее голос действовал на меня успокаивающе. Я слышала ее голос и музыку, в моей голове играл Моцарт. Мне больше не хотелось думать, и я слушала, слушала.

Я сидела вот уже битый второй час за ноутбуком. Передо мной был открыт чистый лист, и я не написала еще ни одного слова. Мыслей было мало, в основном я просто смотрела и ни о чем не думала. Я не искала ни идей, ни тем, не представляла героев, просто наблюдала, как курсор мигает на белом листе. После нескольких дней истерик, мои эмоции и силы

иссякли. Я слишком сильно избила свои кулаки, на них остались синяки, а глаза были красными, несмотря на то, что я уже не плакала. В зеркало я старалась не заглядывать. Смотреть на неудачницу не было сил. К окну не стоило подходить, чтобы не увидеть людей, которые бежали вперед, когда я остановилась. Это было для меня слишком оскорбительно. Только темные круги под глазами от бессонных ночей могли понять меня на столько, на сколько, мне это было необходимо. Люди не проникаются чувствами, они только констатируют это, молчат или говорят несколько слов и снова переключаются на себя. И вот я, в этом сумасшествии жизни сидела на диване, в старой потертой домашней майке и штаны, давно выцветавшие, но теплые и они не раздражали меня. Я выдохлась и поэтому сидела бездвижно по несколько часов, пока не было нужды встать с дивана. Эти дни я жила в гостиной, отказавшись от улицы, друзей и остальной жизни.

Отложив ноутбук, я прошла на кухню. Холодильник был пуст. Я взяла оставшийся кусок сыра и вернулась обратно на диван. Время близилось к вечеру, а на листе была пустота, такая же, как и в моей душе.

Вчера звонила мама. По разговору я поняла, что она не видела статью, поэтому решила не говорить о случившемся, предоставив ей возможность еще какое-то время побыть в неведении. Сэм приезжал и несколько вечеров мы провели вместе, если это можно назвать так. Он пытался со мной разговаривать, включал фильмы, но мне совершенно ничего не хотелось. Однажды, ему удалось выгнать меня из дома. Он хотел поднять мне настроение, показать, что жизнь продолжается, но из этого ничего хорошего не вышло.

В тот вечер мы поехали с ним на очередную вечеринку, где бизнесмены любили устанавливать деловые контакты, а молодые девушки искали богатых женихов. Я даже не знала, чье это было день рождения. Это и не имело для меня значение в тот день, как и сейчас. Я привела себя в порядок и попыталась изобразить подобие улыбки. Первые пятнадцать минут я держалась ровно, когда нами никто не интересовался, не донимал вопросами и скучными беседами. Я очень быстро выпила первый бокал шампанского и взяла второй. Мысленно порадовавшись, что Сэм оставил меня ненадолго одну, я встала в самый укромный уголок и поглощала вкусное и дорогое шампанское. Пока меня не заметили. Меньше всего мне хотелось общаться с дамами с прошлого приема. Заметив меня, одна из них сразу ко мне подошла. Она поинтересовалась моим настроением, затем подозвала свою подружку, и я оказалась в замкнутом кругу.

— Познакомься это Одри Парк, она писательница.

Одной этой фразы было достаточно, чтобы начать нервничать, поэтому я сказала, что мне нужно в туалет и ушла от них. Около десяти минут я стояла в туалете и жалела, что поддалась на уговоры Сэма. Мне совершенно не хотелось общаться с людьми, в их взглядах я чувствовала подвох и осуждение. Мне казалось, что все они читали статью, а я, вызываю в них чувство жалости. Я снова помыла руки и решила незаметно пробраться к выходу и сесть в такси.

— Где ты была?

Сэм вырос передо мной как столб.

— Мне нужно уйти. Это была ошибка.

Я обошла его, но он остановил меня за руку.

— Что происходит?

— Я чувствую, что все осуждают меня. Я больше этого не вынесу.

— О чем ты говоришь? Успокойся.

Он взял фужер с подноса у официанта, оказавшегося поблизости, и протянул его мне.

— Сделай глоток. Если хочешь, мы можем подышать немного свежим воздухом?

— Это хорошая мысль.

Летний ветер встретил нас, и я попыталась надышаться. Мы стояли на оживленной улице, мимо нас проходили люди, проезжали машины — город шумел, и это казалось диким. Я думала, что тем днем, когда я жгла газеты дома, мир остановился, все замерло. Шумная компания прошла мимо нас. Девушки громко смеялись, неохотно отбиваясь от любвеобильных парней. Они были под действием алкоголя и таким способом наслаждались жизнью. Солнце зашло, но огни города не давали никому погрузиться в сон. Город призывал к веселью, но только я не поддавалась этому.

— Как ты? — поинтересовался Сэм.

— Уже лучше.

Он поцеловал меня, и мы вернулись обратно. В одно из лучших мест, где любили отдыхать люди при деньгах. Музыка служила приятным фоном для веселья. Многие стояли небольшими группами, разговаривали и громко смеялись. Оторвать от разговоров их мог только ведущий вечера, призывавший всеобщее внимание к себе. Мы зашли, как раз в тот момент, когда после очередного поздравления все громко аплодировали, сопровождая это гулом различных звуков. И все снова обратились друг к другу. Именинник блуждал среди гостей, собирая комплименты и поздравления. Несколько человек танцевали на площадке рядом с ди-джем. А я снова нашла укромный уголок.

Как оказалось, общение этим вечером было неизбежным. Сэм, взяв меня под руку, направился прямо к моим сегодняшним собеседницам. Мне пришлось даже им в ответ улыбнуться. Они обсуждали коллекцию модельера, имени которого я слышала впервые. Меня это не интересовало, поэтому я соглашалась с их доводами без колебаний. Таким способом можно было продержаться до конца дня, если бы одна милая дама не сказала:

— Одри, как ваши успехи с книгой? — в этой фразе, в этом голосе было больше, чем простой интерес. Мое сердце застучало быстрее.

— Спасибо. Все хорошо.

— Вы начали писать новую книгу?

— Еще нет. А вас интересует литература?

— Она интересует всех — ответила женщина, и наш небольшой круг улыбнулся этой фразе. Они были заодно.

— У меня есть идеи и в ближайшее время они лягут на бумагу — я соврала, но защитилась.

— Я рада за вас.

— Спасибо.

— Недавно, в одном популярном журнале, я натолкнулась на статью о вашей книге.

— Что это была за статья? — поинтересовалась другая женщина, обвешенная вызывающими украшениями.

— Очень содержательная. Я слышала много противоречивых мнений о книге, но думаю, что каждый из нас воспринимает этот мир по-своему. Так же и книгу, каждый воспринимает по-своему. В этом деле, нужно доверять только своей точке зрения и своим чувствам, а не авторам статей.

— Интересно, для вас журналы и есть литература? — не удержалась я.

— Не понимаю. Что вы хотите сказать?

— Вы сказали, что вас интересует литература. Читаете только журналы?

— Конечно, я не книжный червь и не штурмую одну книгу за другой — узкий круг снова улыбнулся. — Но немного разбираюсь и...

— Зато журналы вы штурмуете от корки до корки — я не дала ей договорить, в висках застучало и мне не хотелось молчать. — И знаете, это не делает вас умней или образованнее. На случай, если вы не знали этого.

Сэм обернулся, мужчины замолчали и стали прислушиваться.

— Что? — удивилась она.

— И уж точно не вам судить обо мне — я приблизилась к ней, мой голос становился громче. — Да, это моя книга и у нее было много разных отзывов. Но я написала ее сама. А что сделали вы? Вам нравится приходить на эти встречи, одевая на себя все самое дорогое, чтобы лишний раз показать, насколько вы богаты. А под одеждой у вас ничего — только злоба и пустота. Вы ничего не смыслите в литературе и не вам рассуждать на эту тему.

Я почувствовала, как кто-то меня тянет за руку.

— Я пыталась всего лишь помочь — пробормотала женщина. — Не понимаю, что она говорит.

Седоволосый мужчина успокаивал ее, а Сэм пытался вывести меня на улицу.

— Вам нравится осуждать людей, считаете, что только вы и только вы правы. И этот модельер, у него есть своя коллекция — и это куда больше достижение, чем ваши деньги.

— Что ты творишь? — спросил Сэм, одергивая меня в очередной раз. Он вывел меня на улицу. — Что на тебя нашло?

— Она пыталась меня унижить! Она нарочно заговорила о статье. Им нравится смотреть, как люди унижаются. Осуждать проще простого. И я защищалась.

— Она хотела тебя подбодрить — не унимался Сэм. Я заметила, как его глаза бегали от негодования.

— Откуда тебе знать? Ты не присутствовал в этот момент!

— Я был рядом, и этого достаточно, чтобы слышать ваш разговор. И твой тон.

Я отвернулась от него.

— Мне нужно было уехать раньше — сказала я.

Сэм свистнул, и к нам подъехало такси. Я благодарно посмотрела на звездное небо. Он открыл заднюю дверь, пропуская меня в машину. Я села, и он захлопнул ее, оставив меня в недоумении. Он открыл переднюю дверь, положил деньги на переднее сиденье и попросил водителя отвезти меня домой в сохранности.

— Ты не едешь со мной?

— Я не могу уехать сейчас, особенно после этого инцидента — он дал понять, что я сильно виновата. — Тебе лучше отдохнуть одной, я приеду позже.

Я ничего не ответила и не посмотрела в его сторону, когда машина тронулась.

Мы ехали медленно, был большой поток машин и нам попадался красный свет на всех светофорах. Я разглядывала в окно идущих людей по тротуару. Я наблюдала за ними и спрашивала себя — они счастливы? Довольно ли они своей жизнью? Все ли у них получается? Я думала о молодежи, которая весело бродила по улицам, о людях, спешащих после работы домой, о смысле этого вечера. Но все это были пустые мысли, они не выводили меня на новый уровень, а только забивали в угол машины. Мы проезжали мимо бара, из которого выходили люди, а название переливалось разными цветами. Я попросила водителя остановиться.

— Зачем, мисс? — спросил таксист.

— Вы, что не слышите? Остановите машину. Мне нужно выйти.

— Меня попросили вас отвезти домой.

— Посмотрите на меня. Я что похожа на ребенка или он был похож на отца? Остановитесь вы уже! — я прикрикнула, тогда он свернул к тротуару.

Хлопнув дверью, я направилась в сторону бара название, которого переливалось цветами и зазывало к себе.

Внутри было много народу, музыка громко играла. Я пробралась к стойке бара. Два бармена работали одновременно, заказы сыпались, и мне еле удалось втиснуться между двумя парнями и сесть на высокий стул. Как только я поймала взгляд бармена, то заказала коктейль. Я обернулась. Бар был переполнен танцующими людьми, возле стен стояли столики, и все они были заняты. Передо мной поставили коктейль, и я сделала три больших глотка утоляя жажду.

Первый стакан быстро кончился, и я повторила заказ. Допивая второй коктейль, мне становилось веселее, и я уже не без улыбки смотрела на танцующих людей. Моя нога стала постукивать в такт музыки. Когда я попросила еще один коктейль, бармен игриво улыбнулся мне, и я почувствовала легкое смущение. После третьего коктейля, я пошла танцевать. Оказавшись в середине танцпола, я перестала замечать вокруг себя людей. Я двигалась в такт музыки и чувствовала легкость в своем теле. Мне нравилась каждая песня, которая заставляла двигаться все быстрее. Я поднимала руки кверху, потом опускала их, дотрагиваясь до своих бедер. Голова слегка кружилась, и это доставляло удовольствие. Я никого не видела рядом, словно я осталась одна на этом танцполе. Я забыла сегодняшний вечер и Сэма, который предпочел остаться с теми людьми ради своей выгоды, а не быть со мной рядом. И хорошо, потому что это лучший мой вечер за последнее время. Понемногу возвращаясь обратно, я стала замечать танцующих рядом со мной людей. Я вернулась к бару и попросила коктейль. На моем телефоне были пропущенные звонки от Клэр.

— Где ты и почему не отвечаешь на мои звонки? — ее голос был встревожен.

— Клэр — я запиналась, — я отдыхаю! Все здорово. Увидимся позже.

Я выключила телефон, а бармен поставил передо мной коктейль голубого цвета.

— Коктейль «Голубая леди» за счет заведения — сказал он.

— Это намек? — спросила я, прищурив глаза.

— Это комплимент — улыбнувшись, сказал он. — Отличный коктейль для приятной девушки.

— Спасибо — протянула я, не скрывая улыбки.

Сделав глоток, я почувствовала необычный вкус ликера, горячо побежавший по горлу внутрь меня. Я вернулась на танцпол и снова потерялась в нем. Здесь время не имело значения, мысли порхали, а тело неосознанно болталось. Я прыгала, кружилась на месте, нечаянно задела кого-то, извинилась, продолжила двигаться дальше. Мои волосы были растрепаны, глаза блестели, а походка стала неровной. Я столкнулась с парнем и чуть не упала. Но он удержал меня за руку, оценив с ног до головы. Я извинилась и выскользнула из его рук в сторону бара. Выпив еще один коктейль, я поплыла. Контролировать свои движения становилось невозможным. Мое тело было само по себе, но оно продолжало танцевать. Ему понравилось это делать, моему мозгу это тоже нравилось. Я не напрягалась, не думала, в этот момент я просто существовала в этом времени и в этом месте. Я была здесь, и меня не было.

Я с трудом взобралась на высокий стул, включила телефон. Цифры и буквы плыли перед глазами. Но я рассмотрела, что все это время Клэр не переставая звонила, и прислала несколько смс. Бармен без моей просьбы обновил стакан с коктейлем. Я сделала глоток и набрала Клэр. Она с трудом понимала меня, а я не могла объяснить, где нахожусь, потому что не знала. Я передала трубку бармену. Когда он вернул телефон мне обратно, я вымолвила «Спасибо» и снова посмотрела на танцпол. Мне хотелось туда вернуться, но внезапная усталость охватило все тело. И никак не удавалось себя заставить встать.

Через какое-то время в баре появилась Клэр. Она рассчиталась с барменом и попробовала меня поставить на ноги. Мы вышли на улицу в тот момент, когда подъехал Сэм. Мне было смешно, когда они вокруг меня ходили и пытались что-то сделать. Я прекрасно себя чувствовала и мне не нужна была их помощь. Я пыталась высвободиться от их рук, но они то и дело одергивали меня. Я вновь и вновь пыталась убрать их руки от меня.

— Она чертовски пьяна! Нужно ее усадить в машину — сказала Клэр.

Я слышала все, что они говорили. Передо мной плыли машины, дома, но я слышала и понимала. Зачем они это делают? Мне так хотелось все забыть, мне так хотелось просто все зачеркнуть, стереть, удалить файл. Все! Все, что связано со мной. Воздух плохо действовал на меня, он заставлял меня вернуться обратно к жизни. А я хочу заглушить свой внутренний голос. Боже, я хочу, чтобы он замолчал.

— Сэм держи ее.

Клэр передала меня ему, и я поняла, что все внутри меня продолжает жить. Тело не слушается, но я знаю, кто я. Мы ехали в машине, дома мелькали, пока мы не остановились. Я хотела выйти из машины сама, но они только мешали мне, делая вид, что хотят помочь. Мне не нужна ничья помощь. Я могу сама идти, я смогу сама дойти до квартиры. И кто их просил меня забирать из бара?

— Что? — закричала я. — Что вам нужно?

Выдернув свою руку, я пыталась ровно стоять на месте.

— Я тебе помогу подняться домой.

— Отстань — ответила я Клэр. — Я в порядке. Идите к черту! Мне не нужна ваша помощь. Мне не нужны вы. Уходите! Оставьте! — я кричала из последних сил и, кажется, даже гланды напряглись, готовые сорваться в любой момент.

Я поднималась по лестнице, держась о стену. На втором этаже меня под руку схватил Сэм. Сначала он молчал, но чем ближе мы подходили к двери, тем больше он начинал говорить.

В коридоре зажегся свет, и я сняла туфли.

— Одри, не понимаю, что с тобой происходит — Сэм продолжал, и меня стало это раздражать.

— Не знаешь? — я усмехнулась. Наверно, именно сейчас я была с ним искренне. Мама бы не простила.

— Чего ты хочешь? — спросил Сэм.

Что он сказал? — мелькнул вопрос, и я истерически рассмеялась. В этот момент я поняла, что действительно напилась и очень сильно. Но мне нравилось мое состояние.

— А с кем я говорю? — я стала крутить голову из стороны в сторону. — Здесь есть кто-то? Я говорю с человеком или вычислительной машинкой?

— Одри, тебе лучше лечь спать.

— Прости, Сэм. Но я наверно, не из высшего общества. И как его там, бизнес, да. Я не

из вашего бизнеса. Ты разве не заметил? Я не умею выдерживать тупое лицо с намерением продать его подороже. Я такая. Да, такая. И знаешь, меня бесят эти дешевки, которые считают, что имеют права надо мной смеяться. А ты их поддержал.

— Что ты несешь? — его щеки стали багроветь.

— Я ничто, и я это знаю. Они ни что, но не готовы, признаться. Это так смешно. А я готова. Знаешь, на что готова? Ты знаешь. Ради того, чтобы стать писателем я бросила работу и знаешь, я достигла то, что и должно было быть взамен всего. Я позволила изменить свою рукопись, я позволила впечатать туда все, что угодно. Я разрешила распоряжаться своей жизнью. Я сделала это! Знаешь, кто я?

Он молчал, держа руки в карманах брюк, а я улыбалась и размахивала руками.

— Я ничтожество. Я продажная. Я не писатель, я жажду денег, как и все те, с кем ты каждый день встречаешься. И мне противно. Меня тошнит не от коктейля, а от вас, от себя. Я ненавижу все это.

— Тебе нужно лечь спать.

— Настоящий писатель никогда, никогда бы не дал внести слово, которое ему не принадлежит. А я дала возможность изменить главу. Я продалась. Ты мне говорил, что это правильно. И я ненавижу себя за то, что согласилась.

Рухнув на диван, я не чувствовала ничего кроме разочарования.

— Ненавижу все это. Оставь меня. Все, что я хочу, так это утонуть, хотя бы ненадолго. Исчезнуть в никуда. Я больше не хочу думать о том, что я уничтожила сама себя. Уйди.

— Я буду рядом — он присел рядом с диваном.

— Сэм! Нет! Я больше не та Одри — глаза закрывались, и я поплыла в мир недолгого счастья. В тот мир, где нет меня, нет прошлого и будущего.

Я продолжала сидеть на диване с ноутбуком. Я вспоминала тот вечер, глядя на пустую страницу документа. Тогда я впервые напилась и чувствовала себя такой спокойной. Меня не тревожила неопределенность, я ощущала умиротворенность. И это то состояние, которое я хотела обрести. Но выпивка — это не выход, и я поняла — на каком уровне нахожусь. Я шла по ровной дороге и внезапно упала в колодец, оказавшись на дне без желания выбраться оттуда.

13

В дверь позвонили. Клэр пришла с пакетом еды. Она прошла на кухню, а я побрела следом за ней.

— Я купила молока и немного еды — сказала она, выкладывая из пакета содержимое. — Сегодня тепло на улице. Дождь давно закончился. Может, прогуляемся?

— Не хочу — я села за стол.

Клэр сделала несколько бутербродов, поставила их передо мной и налила чай.

— Ты рассказала маме о случившемся?

— Нет. Пока не время.

— Одри, она должна знать. И то, что ты почти месяц не выходишь из дома — это ненормально. Жизнь продолжается, а ты сама загоняешь себя в угол. Если не скажешь ей ты, то я сделаю это за тебя.

Я промолчала.

— Анжела завтра заедет к тебе — добавила Клэр.

— Зачем?

— А это глупый вопрос. Она хочет тебя повидать. Сэм на работе?

— В очередной командировке. Хорошо, что он в последнее время в разъездах — я вертела в руках бутерброд, не решаясь его укусить.

— Вы поругались?

— Нет. Просто немного отделились. В последнее время я все больше думаю о том, что я ему не подхожу.

— Почему ты так говоришь? — Клэр села напротив меня.

— Мы разные.

— Но вы так долго вместе.

— Он успешный, умный, расчетливый. Знает, чего хочет от жизни. Не уверена, что смогу дать ему то, что он хочет. Меня не радует мысль о нашей с ним свадьбе, как радуется Анжела своей.

— Анжела и Тим отменили свадьбу.

— Отменили? — я недоверчиво посмотрела на нее. — Ты шутишь?

— Она расскажет тебе все сама.

— Мир продолжает разочаровывать.

Я продолжала сидеть дома, упиваясь своим крахом. Я пробовала писать, но ничего не получалось. Клэр и Анжела заходили ко мне. Чаще Клэр приходила одна. Анжела в последнее время была занята семейными проблемами. Отец Тима попал в больницу, и они были вынуждены отложить свадьбу. В ближайшие два месяца она не станет замужней женщиной. С Сэмом все разговоры заходили в тупик. Он не понимал меня, и я не могла его осуждать за это, потому что сама не понимала себя. Я знала, что мне нужно написать книгу, но не знала, как это сделать. Это сравнимо с тем, что я забыла буквы, их значение и как они пишутся. Я знала, что нужно воспрянуть духом, все вокруг твердили об этом, но не понимала, как заставить себя выйти на улицу, если совершенно этого не хочется. Мне не хотелось ни с кем говорить, поэтому не отвечала на звонки. Я не смотрела телевизор и не знала, что происходит вокруг, мне нравилась эта всепоглощающая тишина вокруг. Она единственная меня не раздражала. В своей квартире я находилась одна, как в целой вселенной. Так мне было легче — не видеть того, как другие люди добиваются успеха.

Однажды Клэр сидела со мной на диване. Мы вытянули ноги и положили их на пуфик, она молчала, как и я. Клэр всегда пыталась поймать то состояние, в котором я нахожусь. Она пыталась понять и помочь найти выход. Иногда я начинала говорить все, что лезло в голову, и она слушала. Потом я замолкала, и она молчала вместе со мной. Я держала на коленях ноутбук открытым и пыталась в белом листе рассмотреть очертания собственной жизни, очертания самой себя. Я хотела за что-нибудь ухватиться, но у меня не получалось. Меня раздавили, и я не сопротивлялась этому.

— Что ты чувствуешь? — спросила меня Клэр, нарушая тишину.

— Это ощущение. Не знаю, как его описать. Это когда ты находишься в пещере, и у тебя нет факела, который тебе освещал бы путь. Вокруг темно. И тебе страшно — я глубоко вздохнула. — Ты слышишь голоса, которые хотят тебе помочь. Но они так далеко. Ты пытаешься на ощупь найти выход, потому что знаешь, что там свет. И... это то, что я чувствую сейчас. Знаю, это моя дорога. Я должна ее пройти, и я не останусь в пещере. Я выберусь из нее. Как ты думаешь, я смогу? — я посмотрела на Клэр.

— Конечно, сможешь — она погладила меня по руке. — Все получится.

— Не думай, я не сумасшедшая.

— Я и не думала об этом.

— Ну, конечно. Ты же моя подруга.

— Я тот голос вдалеке. Но если мне нужно кричать громче — ты только скажи.

Клэр обняла меня. Ее тепло передалось мне, я закрыла глаза. Минута нежности стоит дорого, и эта минута навсегда осталась во мне. Слезы появились внезапно и были настолько реальны, что невозможно было их сдерживать.

14

Я боялась выйти на улицу. Я боялась смотреть в лицо прохожим, чувствуя за собой необъяснимую вину. Мой мозг требовал безопасности, а безопасность была дома. Я представляла, что на улице меня может поджидать какой-нибудь репортер и тогда, все увидят в каком я состоянии. Я боялась, что не будет репортера, и тогда я увижу, что никому не интересно, что стало со мной. Мне не хотелось видеть, как мир продолжает жить дальше, в тот момент, когда я оказалась в тупике. Я оставалась наедине со своими страхами в своей недорогой квартире, оставшейся от бабушки, и мне было комфортно. Я думала о том, что мне нужно выйти из этой квартиры с триумфом, с книгой в руках. Но дело не сдвигалось, а время шло.

Я только, что закончила разговаривать с мамой. Я рассказала ей все. Почти все. Она теперь знала о статье, знала о разрыве контракта с издательством и думала, что я работаю над новой книгой. И именно эта книга не дает мне возможности приехать в Глендейл. Я смотрела на улицу из окна, когда дверной замок открылся. Ключи были только у Сэма. Вчера мы в очередной раз поругались. Он позвонил мне с предложением прогуляться по ночному городу. Но я отказалась, и он вспыхнул. Мы цепляли друг друга словами, пока я не повесила трубку. Я слышала его шаги, понимая, зачем он пришел. Нам следовало давно поговорить.

Я не повернулась, когда он зашел в гостиную.

— Как прошел день? — спросил он.

— Неплохо — я продолжала смотреть на то, как девушка пытается припарковаться между двумя стоящими машинами.

— Какие планы?

— Ты же знаешь. Зачем спрашивать? — я начинала злиться.

— Я хочу понять какие у тебя планы на будущее — пояснил он. — Всю жизнь просидеть взаперти или продолжать жить, как все?

— Жить, как все. Никогда о таком не мечтала — я повернулась к нему. — Жить, как все.

Он стоял посередине гостиной. Одетый в строгий костюм, как всегда идеально сидевший на нем. Его руки были спрятаны в карманах брюк, и он был уверен в себе. Я еще сильнее закуталась в теплую кофту. Мои выцветавшие штаны и наспех собранные волосы в резинку, говорили за меня обо мне.

— Я пытаюсь помочь тебе, но ты отталкиваешь меня — заговорил Сэм. — Постоянно. Не разговариваешь со мной, отказываешь от всего, что я предлагаю. Скажи мне, что я еще должен сделать?

— Сэм, это так глупо. Ругаться из-за этого.

— Одри, я хочу понять тебя. Я готов сделать все, только попроси. Чего ты хочешь?

— Ты разве не знаешь?

— Нет. Помоги мне понять — он сделал шаг ко мне. — Скажи, я сделаю это для тебя. Я куплю все, что нужно. Хочешь, мы уедем отдыхать. В Панаму. Помнишь то предложение, которое я тебе отправлял на почту?

Я кивнула, вспомнив красочное письмо, обещавшее райское счастье.

— Все это еще можно организовать. Ты только скажи. Давай купим новые вещи и выкинем все старое, чтобы ничего не напоминало о прошлом. Мы начнем заново.

— Это невозможно.

Он был уже так близко ко мне, что я ощутила его запах.

— Я могу тебе дать многое.

— Я знаю, Сэм.

— Дом, машину, будущее.

— Я знаю.

— Богатую жизнь, высший свет, дорогие курорты. Ты ни в чем не будешь нуждаться.

— Я знаю, Сэм.

— Будь рядом. Не отталкивай меня — он провел своей рукой по моей щеке, и я застыла, глядя ему в глаза.

— Я запуталась — убрав его руку от своего лица, я отошла в сторону. — Извини, но я не уверена, что этого хочу. То есть, я не уверена, что знаю — чего хочу вообще, понимаешь? Нет, ты не понимаешь — я закрыла лицо руками. — Боже, я сама себя не понимаю. Все так запуталось внутри меня. Я хочу побыть одна.

— Неужели, ты хочешь сидеть здесь в этой жалкой квартире? — он оглянулся. — Для чего?

— В жалкой квартире?

— Я не это имел в виду. Посмотри на себя.

— Но ты сказал. Ты назвал эту квартиру жалкой. Квартиру, в которой ел, пил, занимался сексом. И она стала для тебя жалкой?

— Ты меня не поняла. Речь не об этом.

— Я поняла столько, сколько мне нужно было. Тебе лучше уйти. У нас все равно не получается разговор — я снова отвернулась к окну.

— Одри, ты знаешь меня. Если контракт не подписывают, я упрашивать не буду. Я нахожу партнера лучше прежнего и заключаю сделку с ним. И в этом я никогда не ошибался.

Я ничего не ответила, тогда он добавил:

— Подписание каждого контракта имеет срок — две недели. Одри, две недели. Я надеюсь, что ты все обдумаешь и примешь здоровое решение.

Он ушел, и я села на диван, пытаюсь переварить весь этот разговор. С каждым днем я отдалялась от той жизни, которая у меня была. Бездарный писатель, плохая девушка. Кто еще?

15

— Клэр, я смотрю на курсор. Он мигает. То он есть, то его нет. Есть, нет. И я думаю, то ли я есть, то ли меня нет — я сделала паузу и еле слышно сказала. — Сэм дал мне две недели на раздумье, и я не знаю, что ему ответить.

— Ты должна сделать правильный выбор.

— Я знаю. И оттого, что я боюсь ошибиться, мне становится страшно — после этих

слов я засмеялась.

— Ты чего? — удивилась Клэр.

— Я написала книгу о страхах! О людях, которые с ними боролись. А в итоге сама иду за ним попятам. Иронично.

Я вскочила с дивана.

— Знаешь, у меня огромное, просто необъятное — руками я пыталась Клэр показать — чувство растерянности. Я не знаю, что мне делать с этим. Не знаю, как заставить себя выйти на улицу, взглянуть в глаза новому дню, но я точно знаю, что иду на поводу у страха. Я хочу снять с себя этот поводок, но останавливаю себя и говорю, все вроде и так неплохо. Зачем его снимать? Пусть идет своим чередом.

— Что ты хочешь сказать?

— Я думаю, что мне пора начать отвечать за свои поступки. Я не могу Сэму обещать будущее, но и не могу быть эгоисткой.

— Одри, он ждет твоего возвращения очень долго.

— Да. Поэтому я должна дать возможность ему жить, и он будет счастлив. Но без меня — я говорила это с таким энтузиазмом, которое не испытывала со времен написания моего первого рассказа. — Он не должен терять время из-за того, что сейчас твориться со мной. У него свой взгляд на жизнь. И так будет лучше для нас двоих.

— Я ничего не буду говорить.

— И не нужно. Мне надо писать книгу — я снова села на диван. — Мне нужно просто начать.

Я напечатала на белой странице «Глава I» и остановилась. Затем отложила ноутбук и взяла в руки блокнот.

— Скажи мне какое-нибудь слово. Не думая Клэр, скажи мне одно слово.

— Кошка — сказала она, пожимая плечами.

Кошка — написала я в блокноте и задумалась.

— Кошка любила гулять по парку в обеденное время — я говорила вслух то, что писала. — В это время у нее было меньше шансов встретить недоброжелательную собаку. Их выгуливали утром, когда она наслаждалась сном на кровати хозяева. В этом парке у нее было свое любимое место, и сегодня она направлялась к нему. Это место, нет, лучше будет начать так: Невысокое дерево находилось недалеко от озера. Взбираясь на него, она ложилась на ветку, толстую ветку и наблюдала сверху за мимо проходящими людьми. Птицы, садившиеся на другие ветки Она не обращала внимания на птиц, которые садились на соседние ветки. Все ее внимание было приковано к людям. Когда она уставала, то закрывала глаза клала свою симпатичную мордашку на передние лапки, закрывала глаза и наслаждалась дневным сном.

Я положила ручку и перечитала текст.

— Вроде неплохо — сказала Клэр. — Я представила себе парк и умную кошку, и мне подумалось, что это вполне реально может быть.

— Главное начать — сказала я, глядя на небольшой текст.

Клэр взяла у меня блокнот и внизу страницы нарисовала кошку. Потом я выдернула этот листок, освободила рамку от фотографии и вставила его туда. Теперь она стояла у меня на столе и, если во мне просыпаются сомнения, я смотрю на рамку и напоминаю себе, что могу писать.

Джордж позвонил мне, как только узнал известия о произошедшей истории. Это случилось не сразу. Он был сильно занят в Миннесоте, и до него не всегда удавалось дозвониться. Приехав туда, Джордж сменил номер телефона. С него он прислал мне смс, но я не торопилась ему звонить. Кто-то опередил меня, рассказал про статью, и он, находясь в другом штате, нашел ее и прочитал. Когда на экране своего мобильного я увидела его номер, то не стала отвечать на звонок. Он оказался настойчивее, и я сдалась. Джордж расспрашивал меня обо всем: как узнала о статье; что сказал Силберман; чем я сейчас занимаюсь; мое настроение и сколько тысяч знаков я уже написала. Джордж всегда интересовался исключительно количеством знаков. Он сразу прикидывал, сколько это авторских листов и оценивал ситуацию, как профессиональный агент. В этот день мне не хотелось врать, и я сказала правду — книги нет, и я нахожусь в поисках идеи. В трубке послышалось молчание. Обдумав все, что я сказала, он пообещал после своего возвращения из Миннесоты встретиться со мной при первой возможности. Но к этому времени должно быть что-то написано и ему неинтересны оправдания, нужен результат. Я воздержалась от обещаний, потому что не могла отвечать за «себя-сегодня» и за «себя-завтра». Это могут быть совершенно два разных человека, настроение на этой неделе менялось, как погода в Ирландии. Только местные люди привыкли к такой погоде, а мои друзья ко мне привыкали с трудом. Я не замечала, как это происходило, вроде бы все хорошо и внезапно — все отвратительно.

Клэр приехала вместе с Анжелой. Мы старались говорить о разном, не затрагивая моего вида, заточения и книг. Изначально, я была не в самом лучшем настроении, потому что Клэр за эту неделю приезжала уже в третий раз, и меня это стало беспокоить. Мне не нравилось, что меня отвлекают в тот момент, когда я нахожусь в творческом раздумье и казалось, что меня начинают считать сумасшедшей. Анжела рассказала нам, что им в очередной раз приходится откладывать свадьбу. Отец Тима пошел на поправку, и они уже назначили новую дату, как неожиданно у Тима появились проблемы на работе. Ему потребуется время, чтобы их решить. Один из его проектов горел синим пламенем и его нужно было спасать. Пока Анжела говорила, я ощущала на себе недоверчивый взгляд Клэр. Сначала я хотела понять, что она хочет увидеть. Не стала ли я равнодушна к чужим проблемам или быть может у меня вид психически неуравновешенного человека? Может она опасается, что я кинусь на собеседника, и она готовилась его защитить? Я сдержалась, чтобы грубо не спросить ее об этом и решила дать ей возможность оторвать от меня глаза и посмотреть на Анжелу, потому что именно она сейчас говорила:

— Думаю, что еще пару месяцев, и я смогу проводить курсы с темой «Организация свадьбы». Столько времени, как я, никто не готовился к свадьбе. У меня исключительный опыт и когда вы будете выходить замуж, я сделаю ваши свадьбы волшебными, которые вы никогда не забудете.

— Это идея — заняться организацией свадеб. Ты сможешь зарабатывать на этом неплохие деньги — сказала я и посмотрела на Клэр. — Согласна?

— Да, это очень хорошие деньги — подтвердила Клэр.

— Ты бы могла поговорить со своим координатором — продолжала я, — узнать у него как можно этим заняться. Может она что-то посоветует тебе?

— Я подумаю об этом — ответила Анжела. — Но это будет только после свадьбы. Только бы хватило мне сил. Иногда, я чувствую, что нахожусь на грани.

— Из-за свадьбы? — спросила я.

— Конечно из-за свадьбы. Одри, ты меня слушала, что я сейчас говорила? Ты даже не представляешь, как это тяжело. Мысли крутятся в твоей голове, не переставая.

— Я и подумать не могла — сказала я.

Анжела хмыкнула, не поняв моей иронии.

— Но я не допущу того, чтобы вы так мучились, как я. Обещаю, я вам все устрою. К тому времени у меня будет хорошая закалка в этом деле.

— Хватит на меня смотреть! — не выдержала я и Анжела вздрогнула.

— Что случилось? — поинтересовалась она.

— Да! Что случилось Клэр? Почему ты смотришь на меня, как на полоумную?

— Я не смотрю.

— Весь вечер! У меня скоро дырка появиться на лице. Ты стала врачом, который проводит опыт, наблюдая за реакцией своего пациента?

— Я просто хотела убедиться, что у тебя все в порядке.

— У меня все в порядке! Не в порядке с головой у Анжелы, но почему-то ты смотришь на меня, а не на нее.

— Ты сейчас сказала, что у меня проблемы с головой? — Анжела не понимала, что происходит.

— Одри, ты должна извиниться — сказала Клэр.

— А ты? Ты не хочешь передо мной извиниться? Вы вторгаетесь ко мне, я вынуждена часами слушать бредни о тяжелой жизни Анжелы, как подготовка к свадьбе ее выматывает. Чувствовать на себе твой взгляд и после всего этого я должна еще извиняться? Великолепно! Может быть, вы передо мной извинитесь?

— Мы тебе ничего плохого не сделали. Нам не за что извиняться. А ты только, что обозвала свою подругу и я считаю, ты должна извиниться.

— Клэр не нужно ее об этом просить — заговорила Анжела. — Я не обижаюсь. Просто Одри не в настроение.

Они сидели на диване и говорили спокойным ровным голосом, а я стояла перед ними готовая сорваться на крик. Это было похоже на разговор двух адекватных людей, которые пришли навестить психбольную подругу. Это раздражало меня еще больше. Их спокойствие выводило из равновесия, и они... смели улыбаться.

— Не говорите обо мне так, как будто меня здесь нет! У меня все было хорошо, пока вы не пришли. Я не буду извиняться. Вам пора идти. Сейчас же!

— Одри, что ты так завелась? — сказала Клэр.

— Клэр, не надо! Я не хочу сегодня слушать твои поучения. Я не хочу больше слушать про свадьбу, иначе меня вывернет прямо на вас. Боже, какие вы жалкие, с этими вашими надуманными проблемами. Если вы счастливы, то я рада за вас. Но лучше бы вам уйти.

Я по очереди их стала поднимать с дивана и толкать в сторону выхода.

— Да, остановись же ты — закричала Клэр. — Ты сама не понимаешь, что делаешь! Это ТЫ надумала свои проблемы! Закрылась в четырех стенах и ждешь, когда тебя все пожалеют! Хватит, Одри! Ты не ребенок. Пора заканчивать эту игру и возвращаться к жизни. Ты потеряла Сэма, ты теряешь себя. Ты хочешь потерять друзей?

— Я не просила меня жалеть! Я прошу оставить меня в покое. Неужели это так сложно?

— Ты не можешь всю жизнь просидеть в квартире. Это не конец жизни, все только начинается. Подумай и начни уже жить, а не существовать.

— Я пытаюсь, Клэр. Я борюсь, ищу пути. Я все, что есть сейчас и если кажусь вам

жалкой, значит вы не самые лучшие подруги. Не нужно приходить сюда и делать вид, что хотите помочь. Я справлюсь сама.

— Ты невыносима! — Клэр сдалась, приподняв руки кверху.

Я отвернулась к окну. Послышались шаги Клэр, которые прошли на кухню, затем вернулись обратно.

— Когда успокоишься — набери — сказала она.

После этого они с Анжелой ушли, и я осталась одна. На улице стемнело, я выключила везде свет и села на диван. Уличные фонари проникали через окно, образуя полумрак в комнате. Я заснула в таком же положении и проснулась, когда дождь забарабанил по карнизу. Был сильный ливень, который обещали еще неделю назад. Он так был похож на состояние внутри меня. Что-то прорвалось. Но что именно, не могла понять. Пододвинув кресло к окну, я укуталась в свой теплый свитер и смотрела, как образуются лужи. Дождь смывал с машин грязь, а пузыри в лужах обещали, что он не скоро закончиться. Я думала над словами Клэр. Думала о том, что бездействую, и это меня стало мучать. Мой выбор — это всего лишь нежелание бороться. Я успокаивала сама себя. Работа над собой — самая тяжелая. И не каждому удастся с ней справиться.

Я сделала первый шаг в работе над собой и написала Клэр с Анжелой сообщения «Простите меня. Я вас люблю».

Они ответили сразу, будто все это время ждали от меня сообщения. Я предпочла думать так и не спрашивать их об этом потом. Эта мысль мне нравилась больше всего.

16

Я решила искать своих героев другим способом. Я достала все свои вещи из гардероба и стала экспериментировать. Оказалось, что у меня много старых вещей, которые давно уже пора было выкинуть, но я всегда тяжело расставалась с ними. И лишний раз убедилась, что не зря их оставила. Мне было приятно сейчас их трогать, охватила ностальгия студенческой жизни и беззаботной юности. Тогда я по очереди стала примерять их и искать в отражение большого зеркала героев, которые заживут на страницах моей книги. Я примеряла платья, смешные юбки, штаны и майки с Микки Маусом. Сделав конский хвост, я надела темные очки и приспустив их на нос, посмотрела поверх прямо в зеркало. На мне были темно-синие спортивные штаны, вышедшие из моды лет пять назад и толстовка на молнии. Я осталась в этом и села за ноутбук. Мне представлялась дерзкая девушка, готовая пойти на рискованные авантюры. Только на какие? Ограбление банка — банально. Может, она хакер? Нет, больше похоже на полицейского. Женщина полицейский, где это уже было. Она вышла замуж за миллиардера? — не похоже. Нет, она наглая и умная. Но, что она любит делать?

Через час я переделась в платье. Дама из высшего общества — симпатичная. Не хватает красной помады. С ней лучше. Тихая, но коварная. Убила мужа, нет лучше любовника из-за ревности. Ерунда какая-то.

А может быть это девушка, больная психическим заболеванием, которое с каждым годом ухудшается. Она счастлива, скоро выйдет замуж, у нее обязательно будут дети. Я надела строгую юбку и прозрачную блузку. Она успешный сотрудник банка и занимает руководящую должность. И внезапно, болезнь начинает прогрессировать.

Я нашла свой старый халат. Мне его подарила мама, когда я только собиралась переехать жить в Лос-Анджелес. Он был мне не по размеру, широкий и длинный до колен. Отражение подсказало — писатель, который оказался в депрессии, когда его покинула

преданная муза. Он сходит с ума в поисках идеи и, в конце концов, теряет рассудок. Это напомнило меня и стало грустно. Я открыла интернет и нашла свое видео с презентации. Я не стала читать комментарии, просто пересмотрела его. Несколько раз. Внутри меня что-то проснулось. На видео я была красивая и успешная. Аплодисменты вселяли в меня бодрость. Мне хотелось что-то делать, только не сидеть на месте. Я не бездарна, я все еще способна изменить свою жизнь. В душе затеплился огонек надежды.

В дверь позвонили, и я обрадовалась, что смогу кому-то об этом рассказать.

— Откуда этот халат? — Клэр еле сдерживала смех, но меня это не волновало.

— Подарок мамы. Клэр, я смотрела видео со своей презентации. Я чувствую себя полною сил и надежд. Я смогу всем доказать, что Одри Парк хороший писатель. Ты видела, как я выступила? А речь? Она просто превосходна, и я написала ее сама. Это все я!

Я оживленно ходила по комнате, затем остановилась возле окна.

— Все будет по-другому, с сегодняшнего дня все изменится.

— Одри, я рада это слышать. И видеть тебя на подъеме — это здорово.

Она посмотрела на гору вещей, валявшиеся на полу перед зеркалом.

— Не обращай внимание. Это пустяки. Ты должна меня выслушать.

Я говорила быстро. Описывая свои надежды на будущее. Составляла план действий, который обязательно приведет меня к успеху. Я говорила о книге, которая обязательно будет написана. И Блэр обязательно напишет извиняющуюся статью.

— Он напишет, что ошибался. У меня есть талант, и моя книга будет одной из лучших. У меня обязательно будут свои читатели. И может, мы снова встретимся с Сэмом. Я буду другая, но я буду лучше. Тогда я буду готова к семейной жизни. Это просто удивительно. Клэр, ты слышишь меня? Мне нужна ваша поддержка. Не оставляйте меня — я взяла ее за руку.

— Не оставим.

— Джейн Картер пожалеет, что когда-то назвала меня неуспешным автором. А Силберман будет умолять об издании моей книги через их издательство.

— Одри. Силберман больше не главный редактор «IBooks», его место заняла Джейн.

— Джейн? Но, как?

— После этой истории с твоей книгой, его сняли с должности за непрофессионализм и растрату бюджета издательства.

Тогда я не придавала этому значения. Когда во мне постепенно все эмоции успокоились, я поняла, что стала «собакой», которую подложили главному редактору. Я стала частью плана. Теперь все объяснялось. Действия Джейн, ее стремление изменить книгу. И в правдивости статьи Блэра я уже сомневалась. Но это уже оставалось прожитым этапом, будоражить которого не имело смысла. Я и Силберман оказались в дураках, а Джейн была победителем в этой игре и восседала в кресле главного редактора, как императрица. Что ж, пожалуй, она этого достойна, раз оказалась умнее нас.

Я долго не открывала дверь, потому что не слышала звонка из-за громкой музыки. Я танцевала восточные танцы, повязав на бедра пляжное парео, в тон ему надела розовый бюстгальтер и представляя себя восточной девушкой, двигала бедрами и руками в такт музыки. Я продолжала танцевать, даже когда в проеме гостиной показались Анжела и Клэр. Движением рук я предложила им присоединиться. Анжела откликнулась и в танце вышла в середину гостиной. Она так искусно виляла бедрами, что можно было позавидовать ее

пластичности. Мы танцевали, смеясь и только Клэр продолжала на нас смотреть. Она достала телефон и стала снимать нас. Но ей было не избежать танца, и я за руку вытащила ее в центр комнаты.

— Я придумала! — сквозь музыку крикнула я, чтобы они смогли услышать — Мне сегодня утром пришел образ восточной девушки. Она полюбит парня. Он европеец. Они будут преодолевать преграды, и любовь победит.

— По-моему уже есть такой фильм — сказала Анжела, и Клэр ее подтолкнула. — Что? Я сказала правду.

— Тогда танцы окончены — сказала я и выключила музыку.

— Но ты можешь написать про что-то другое, связанное с восточными танцами — оправдывалась Анжела. — Это интересная идея.

— Я подумаю.

Надев майку и штаны, мы перешли на кухню.

— Становиться тяжелее. Круг сужается. Идеи есть, но это все не то.

— Она обязательно придет — сказала Анжела.

— Знаю. Вопрос — когда? Надежда начинает — я задумалась, затем сказала. — Это не важно. Что у вас там? — я посмотрела на пакет, который они принесли с собой.

— Мороженное и шампанское. Откажешься? — спросила Клэр.

Открыв верхний ящик, я поставила на стол три фужера.

— Может, мне написать про трех подруг? — сказала я. — О том, как они сходили вместе с ума, переживали обиды и танцевали, несмотря ни на что.

— Точно! Это идея — обрадовалась Анжела — Только, когда будешь писать обо мне, будь немного помягче.

— Ну, это уже мне решать. Я автор — девочки тут же уставились на меня. — Шучу. Вышьем?

17

Впервые за последние несколько месяцев я вышла из дома. На удивление, пошел снег, что бывает редкостью в нашем городе. Вечером, он не переставал кружиться в воздухе, и покрывать машины белым полотном. Его было не так много. Еще дома я видела в окно, как дети радовались ему. Я сделала глубокий вдох, и голова слегка закружилась. На улице почти никого не было. Пару человек промчались мимо, их лица наполовину были замотаны теплыми шарфами. Вероятно, они спешили домой после рабочего дня. Засунув руки в карманы пальто, я осталась стоять на месте, чтобы привыкнуть к свежему воздуху. И только через несколько минут пошла вдоль дома. В окнах горел свет, и я с интересом заглядывала в них, пытаюсь разглядеть жизнь неизвестных мне людей.

Свернув за дом, я направилась в сторону парка. Теперь я точно знала, что нахожусь в депрессии и пыталась улыбнуться, но мне не удавалось. Мне хотелось саму себя развеселить и заставить оглянуться вокруг со счастливыми глазами. Но не удавалось. Нельзя за одну секунду, за один щелчок взять и изменить ситуацию, изменить то, что так болит внутри. С каждым глотком свежего воздуха, я ощущала небольшой прилив сил, а снег успокаивающе хрустел под ногами.

В парке мне встречались молодые пары. Они наслаждались погодой и друг другом. И им можно было позавидовать. Заметив впереди лавку, я решила присесть и падающий снег меня не остановил. Подняв лицо к темному небу, я ощутила, как снежинки стали падать мне

на лицо и тут же таять, превращаясь в маленькие капельки воды. Это напомнило детство, когда мы ртом ловили их, смеясь от счастья. В Глендейле снег был привычнее. Здесь завтра от него не останется и следа.

Клэр не знала о моей прогулке. Она обрадуется этому. А я мысленно радовалась, что заставила себя собраться и переступить порог. Прекрасный вечер, я им наслаждалась. Звезды усыпали небо и светили ярко.

Послышался щелчок фотокамеры, но я не сдвинулась. Затем еще один и я заметила, как вспышка озарила рядом стоявшее дерево. Еще раз и еще раз. Я перестала обращать на это внимание и подумала, что сейчас отличный момент и не стоит отвлекаться. Снег украсил деревья, и ими можно было любоваться долго. Жаль, что я не взяла с собой телефон, я бы обязательно сделала пару снимков.

Лавка дернулась от того, что на нее сели. Только не маньяк — подумала я и продолжая сидеть с запрокинутой головой, медленно закрывая глаза. Кроме меня и этого вечера никого больше нет. У нас свидание, которое стало самым лучшим за всю мою жизнь.

— Вы увидели что-то интересное?

Это был мужской голос. Скорее всего, мне нужно было давно вскочить с лавки и бежать подальше отсюда. Но у меня совершенно не было сил на это. И не хотелось прерывать вечернее свидание. Подавив в себе легкое волнение, я ничего не ответила.

— Хорошая погода для того, чтобы увидеть кого-то с запрокинутой головой, погруженным в транс. Извините, если я вас отрываю от медитации. Но меня мучает вопрос. У вас шея не затекла?

Я посмотрела на него в надежде, что он сможет прочесть по моему лицу о нежелание с ним разговаривать.

— Я так и не научился шутить — сказал он.

— Иногда даже хорошие шутки бывают неуместны.

— У Вас что-то случилось?

— Разве, по мне не видно, что я не желаю с Вами разговаривать.

— Кто-то умер?

— Нет — резко ответила я и задумалась. — Хотя, можно сказать — да.

— Тогда примите мои соболезнования.

— Не стоит. Это сделано осознанно. Возможно и к лучшему.

— Даже так? — он задумчиво покачал головой.

— Бывает же такое. Не думайте об этом, просто забудьте.

— Я попробую.

Я присмотрелась к нему. На шее висел фотоаппарат, теперь стали понятны недавние вспышки. А на его голове была причудливая шапка серого цвета.

— Мне пора — зачем-то сказала я.

— Удачи — ответил он.

И за моей спиной снова послышались щелчки фотокамеры.

Подходя к дому, я заметила, что в гостиной горит свет. Наверно, это Клэр. В последний раз она и Анжела зашли в квартиру сами. Я не открывала им дверь. С этими восточными танцами, я совсем забыла спросить, как они это сделали. Дверь была закрыта, я точно это знаю, потому что несколько раз в день проверяю ее.

Дверь и в этот раз была закрыта. Я открыла ее своим ключом и сразу прошла в гостиную. Удивлению не было предела, когда я увидела маму.

— Привет — сказала я. — Неожиданно.

— Твои подруги могли долго скрывать от меня твое состояние, но меня не проведешь.

Я разделась и задала один из волнующих меня вопросов:

— Как ты зашла?

— Клэр мне дала ключи.

— Вы с ней похожи. Она тоже любит приходить без предупреждения.

— Вот как ты рада видеть маму?

— Извини — я поцеловала ее в щеку и села рядом на диван.

— Я попросила Клэр взять вторые ключи, которые лежали на кухне. Они были спрятаны твоей бабушкой, на случай если она потеряет свои. Я так и думала, что замок ты не поменяла.

— Что еще для тебя сделала Клэр? Может, что-то рассказала?

— Не переживай, она верная подруга. За все это время ни слова. Ты лучше вспомни, когда в последний раз звонила мне?

Я задумалась.

— В тот последний и далекий раз, я почувствовала, что моя дочка скрывает от меня свои чувства. Ты рассказывала, что работаешь над книгой, и это было совершенно не похоже на тебя. Не хочешь рассказать мне правду?

— Мне не хочется говорить об этом — я опустила глаза. — Но скажу честно — у меня творческий кризис и я рассталась с Сэмом. Только не спрашивай, как это произошло. Потому, что это уже случилось.

Она помолчала, затем сказала:

— Это расстроило меня.

— Я знаю, он тебе очень нравился. Но бывают ситуации, когда нужно выбирать.

— И что ты выбрала?

— Будешь чай?

— Не откажусь.

Мы прошли на кухню. Я готовила чай, мама молчала. В ее присутствие я заметила, что у меня в квартире не очень чисто и готовилась объяснить это. Поставив две чашки с чаем на стол, я села напротив нее в предвкушении сложного вечера. Я всегда старалась маму оберегать от своих сложностей в жизни, но, как известно, если гора не идет к Магомеду — мама пришла сама. Мы продолжали молчать. Она ждала от меня ответа на свой вопрос.

— Я не уверена, что готова выйти сейчас замуж.

— Тебе скоро исполнится двадцать шесть.

— Это ничего не меняет.

— Это нынешнее поколение. Телевизор, газеты все направлено на то, чтобы вселить в молодежь, что брак — это что-то ужасное. Но это неправильно. Это ведь не так. Смысл жизни продолжать жизнь.

— Мама, это не при чем. Ты не задумывалась, что Сэм не тот человек, который мне нужен. Я не могу быть такой, как он. Я не готова. А ведь ты мне с детства говорила, что жена должна быть частью мужа, быть его поддержкой и опорой. Иногда мы с ним говорили, словно на разных языках. Отбрось его идеализм, который ты себе придумала и спроси меня — чего я хочу?

— Скажи.

— Точно не стать его женой. Прости, что разрушила твои планы.

— Тебе не за что извиняться — она вздохнула и сделала плоток чая. — Надеюсь, что ты встретишь человека, который сделает тебя своей женой, не смотря на твой характер.

— Нормальный у меня характер — и мы рассмеялись. — Ну, немного творческий, а так ничего.

— С книгой все так плохо?

Я опустила глаза, и мне захотелось плакать. Последние недели я держалась от слез в стороне, не давая возможности раскиснуть окончательно. Приободряла себя разными мыслями или просто истерила — только не плакала. Сейчас, напротив меня сидела мама, и мне хотелось, как пятилетнему ребенку прижаться к ее животу и реветь.

В десять лет мне говорили выкинуть булавку, которую нашла на улице, но я не послушалась и проткнула ею свой новый надувной мячик. Он сдулся, первое разочарование и собственная обида на себя, тогда слезы катились градом. В этот момент я видела себя тем самым мячиком, но не хотела признавать это, постоянно убегая от этой мысли. И тем более не хотелось, чтобы такой меня видела мама. Я сидела с опущенным взглядом, а мама не выдержала и подошла ко мне. Она обняла меня со спины, прижалась своей щекой к моей голове, и я перестала сдерживать слезы.

— Поехали домой, в Глендейл. Тебе нужно отдохнуть. Джерри скучает по тебе, приготовил сюрприз. Ему есть, что тебе сказать.

Я отрицательно качала головой и ничего не могла сказать вслух.

— Свежий воздух пойдет тебе на пользу. Побудешь внегородской суеты. Вне этих стен. Если ты захочешь, я не буду доставать тебя разговорами или наоборот, мы можем разговаривать ночи напролет. Вместе встретим рассветы, проводим закаты. Одри, ты так молода и у тебя вся жизнь впереди. Моя дочка. Все проходит и это пройдет.

Она подняла мое лицо и посмотрела в глаза.

— Ты же наша «улыбашка». Ты забыла?

После этих слов я улыбнулась, лицо было мокрое от слез. «Улыбашка» — так меня называли всегда в детстве. Мне безумно хотелось сесть с ней в автобус и уехать туда, где прошло мое счастливое детство, но сказала:

— Через неделю. Я приеду к вам, обещаю.

Этой ночью я рассказала ей, что не могу начать писать новую книгу. Стала рассеянной, дольше двух минут на одной мысли сосредоточиться не получается. Передо мной перестали всплывать образы, идеи, которые постоянно блуждали в моем творческом сознании. Я опустела, и эту пустоту нечем было заполнить. Это так тяжело объяснять, как говорить о космосе до конца, не осознавая его безграничность. Ведь наш мир устроен по-другому, все имеет начало и имеет конец. Она кивала, гладила меня по руке, и мне этого было достаточно. Хотя я знаю, что многое для нее оставалось непонятным.

На следующий день, я проводила ее на автостанцию, и мы заключили уговор — через неделю я приеду в Глендейл. Я была благодарна ей за то, что она приехала и перед отъездом сказала об этом. Еще попросила передать письмо Джерри, которое написала утром. В нем я извинялась, что снова не сдержала свое обещание и когда-нибудь обязательно исправлюсь. Перед тем, как сесть в автобус она вернула мне ключи от квартиры, сказав, что они мои, и она не сомневается — со мной теперь все будет хорошо. Мама села в автобус, и я помахала ей на прощанье.

На обратном пути я не могла решить, пойти мне в парк или вернуться домой. Вчерашний снег почти растаял, и было пасмурно. Синоптики не обещали осадков, но я недоверчиво посмотрела на небо. Внутри меня была борьба, выставляя все «за» и «против». На ринге были: в причудливой шапке — парк, в большом халате — дом. Когда основная часть доводов была за теплую квартиру, я отправилась в парк вопреки себе. С надеждой я думала, что воздух поможет мне преодолеть депрессивное состояние.

Подходя к вчерашней лавочке, я заметила знакомую фигуру. Несмотря на вечер, я смогла его рассмотреть. Он сидел на лавочке с фотоаппаратом в руках и не отводил глаз от экрана. Я остановилась неподалеку, не сводя с него глаз. Почему он здесь? Это совпадение? Другого объяснения не было. На нем были спортивные штаны и та же причудливая шапочка, запомнившаяся мне больше всего. На руках перчатки с открытыми пальцами, и спортивная куртка. Мне стало интересно, что он здесь делает, и я медленными шагами стала подходить к нему ближе. Тогда он посмотрел на меня, улыбнулся и сказал:

— Привет! — наведя на меня фотоаппарат, сфотографировал.

— Зачем? — я среагировала поздно, не успев закрыться руками.

— На память — сказал он и посмотрел в экран своего фотоаппарата. Улыбка не сходила с его лица.

— Покажи — сказала я и подошла к нему ближе. — Вроде ничего.

— Хорошая фотка. Вторую копию сделаю специально для тебя.

— С подписью «Первое свидание» — сказала я и ужаснулась от того, что произнесла. Он казался таким эксцентричным, и мне как будто хотелось соответствовать этому.

— А у нас разве свидание?

— Это была шутка — ответила я, сощутив глаза.

— Тогда, по чашке кофе?

— Согласна.

Кафе находилось рядом с парком и это была удача. Иначе не скажешь, потому что всю дорогу мы молчали, более длительной прогулки я бы не выдержала. Как только мы вышли из парка, я мысленно отругала себя за то, что напросилась на кофе. Это была не я. Одри на это не способна. Но повернуть обратно уже поздно и неудобно перед ним. Да, и я даже не знаю его имени.

Мы сели за столик. Брюнет, подметила я, когда он снял шапку.

— Макс — сказал он и протянул руку через стол.

— Одри.

— Приятно познакомиться.

Я кивнула, взяв в руки меню.

— Так значит ты фотограф?

— Да. А у тебя что-то случилось?

— Я же попросила тебя забыть это.

— Хорошо — сказал он, пожав плечами. — В следующий раз расскажешь.

— В следующий раз? — переспросила я. — Откуда такая уверенность?

— Предчувствие.

— И с чего ты взял, что я тебе что-то буду рассказывать?

— Обычно с хорошими друзьями делятся своими проблемами.

— Значит, ты мне друг?

— Безусловно.

— И это дружеское свидание?

— Определенно — сказал он, улыбнувшись.

— Ух, отлично. А я переживала.

К нам подошел официант в ожидании заказа, и мы снова посмотрели в меню.

— Друг, угостит меня пончиком?

— Хоть, двумя.

— Одного будет достаточно и капучино.

— Добавь к этому черное кофе с сахаром и еще два пончика — сказал он официанту и

тот оставил нас.

Я взяла лежащий флаер со стола и стала его рассматривать.

— Ты живешь рядом с парком? — спросил он.

— Да. А ты любишь фотографировать в парках, угадала?

— Я люблю это делать всегда и везде, в независимости от места. Если я вижу красивую картинку, я фотографирую. Но в парках определенно находишь что-то особенное.

— И, что особенного ты там находил?

— Тебя. Разве это не удача?

Мы встретились взглядом.

— Больше похоже на комплимент — сказала я с улыбкой.

— Я нашел друга, по-моему, это удача.

Если бы у меня было бы свойство моментально краснеть, как только чувствовала смущение — это бы случилось два раза за пять минут. Он был на шаг впереди, и я чувствовала себя ужасно глупо. Но все же дала себе последнюю попытку.

— Что ты больше всего любишь фотографировать?

— Природу. Она вызывает во мне дикую страсть.

— Почему?

— Что «почему»?

— Почему природа, а не люди.

— Природа — невинна, люди — порочны.

Официант поставил на стол кофе и пончики, мы замолчали. Пожелав приятного аппетита, которого у меня не было, официант снова удалился. Я посмотрела на пончик, который был заказан ради интереса.

— Снова неудачная шутка — сказала я.

— Я не шучу. Это правда. На эту тему я могу много и долго говорить. Но лучше скажи, чем ты любишь заниматься?

— Ничем.

— Прямо вот так — ничем?

Я кивнула.

— Не хочешь не говори. В следующий раз расскажешь.

— Знаешь, я не хотела напрашиваться на свидание, даже на дружеское. И на комплимент тоже. Не знаю, что произошло со мной. Вообще, я не люблю знакомиться с людьми сама и я не общительная, особенно в последнее время. Наверно, на меня так подействовал свежий воздух, что кругом голова. Спасибо за кофе и за пончик тоже.

— Ты даже не попробовала.

— Это была ошибка. Извини, мне пора идти.

Он остановил меня за руку.

— Все нормально. Зачем ты так переживаешь из-за этого?

— Переживаю? Из-за чего?

— Не знаю. Не вижу ничего плохого в том, что мы решили выпить кофе. Мы можем не говорить, только сделай хотя бы один глоток. Пожалуйста. Здесь самое вкусное кофе в округе. Ты потеряешь многое, если не попробуешь. Будешь жалеть, обещаю.

Я решила дать шанс, только ради его глаз.

— Ну, хорошо — и снова села за стол.

Я сделала глоток. Он был прав, кофе здесь вкусное. Мы не разговаривали, но он периодически поглядывал на меня. Скорее всего, надеялся, что я что-нибудь скажу. Но мне не хотелось говорить, за эти дни я и так слишком много разговаривала. Я смотрела в окно и подумала о том, что это первый человек за последнее время с которым я пошла куда-то.

— Тебе не понравилось? — спросил он.

— Нет, наоборот. Кофе очень вкусное.

Я делала маленькие глотки. Он подозвал официанта и попросил завернуть пончик, чтобы я смогла забрать его домой. Меня удивила это внезапная забота, но ничего не сказала на это. Оставив за ним возможность распорядиться этим пончиком.

— Спасибо за кофе. Теперь мне пора идти.

— Тебя кто-то ждет?

— Да — соврала я.

— Подожди меня на улице.

Он отошел к кассиру, а я вышла из кафе и осталась ждать его возле дверей. Мне стало смешно. Для чего мне его ждать? Зачем я это делаю? И почему я так легко соглашаюсь на все, о чем он меня просит?

— Это тебе — он протянул мне салфетку с номером телефона. — Если захочешь увидеться — позвони. На всякий случай, если мы не встретимся в парке.

Помешкав немного, я взяла салфетку. Свернула ее и положила в карман пальто. После этого оставила его возле дверей кафе, а сама пошла домой. Меня никто не ждал, и я была рада. Слишком много событий для двух дней. Внезапно на меня нахлынула усталость, и мне хотелось побыстрее прилечь на диван. Хотелось полежать с закрытыми глазами и помолчать. Не нужно думать над тем, что сказать и как ответить. Только тишина.

Я быстро закрыла за собой дверь, словно за мной кто-то гнался. Сняв с себя обувь и пальто, я быстрыми шагами прошла в спальню, закрыла за собой дверь, зашторила окна и легла на кровать. Пончик и салфетку я оставила на тумбочке в прихожей. Мне стало внезапно холодно, и я накрылась одеялом. Бессонная ночь, проведенная с мамой, давала о себе знать. Пригревшись, я уснула. Впервые за последние месяцы я спала в своей кровати, а не на диване в гостиной.

Я проснулась поздним вечером. Проходя мимо тумбочки с чаем в руках, я заметила пончик и, взяв с собой, решила посмотреть телевизор. Он был весь в пыли, ведь я забыла, когда последний раз его смотрела. Оставив его таким же, нажала на кнопку пульта. Пришлось долго щелкать в поисках чего-то интересного, но мне определенно хотелось что-то посмотреть. Я перескакивала новости, не давая сказать слова о том, что происходит в мире. Никогда их не любила. Наконец меня заинтересовал один фильм. Он был про любовь. Пара часов пролетело незаметно, и хорошо, что в конце был счастливый конец, другого я бы сейчас не вынесла. А пончик оказался вкуснее кофе, и я сразу вспомнила своего нового знакомого и кафе, мимо которого столько раз проходила мимо и ни разу до сегодняшнего дня не заходила. Я была не против позавтракать там еще раз. Но идти туда в одиночестве не было желания, а самой приглашать появившегося знакомого было неловко. Затем я вспомнила, как мы оказались в кафе, наш разговор и салфетку. Я взяла ее с тумбочки, покрутила в руках и решила, что не буду ему звонить.

Этой ночью я спала в спальне и мои ночевки в гостиной прекратились. Накануне я привела диван в порядок, сложила вещи в шкаф, протерла пыль, и этого было достаточно, чтобы снова почувствовать себя без сил. Перед сном я поставила заряжаться телефон, который был отключен несколько дней и меня это не беспокоило. Я не волновалась, что на него может поступить важный телефонный звонок, потому что считала, что самое важное происходит именно со мной здесь и сейчас. Все остальное за пределами этой квартиры — это был несуществующий мир, потерянный для моей жизни в нем. В кровать с собой я взяла ноутбук, чтобы проверить свою электронную почту, которая оказалась заваленной письмами. Среди них мне удалось отыскать письма от Джорджа. Он просил позвонить или хотя бы ответить на его письмо. В этот вечер я не сделала ни того, ни другого. Глаза постепенно закрывались, и я погрузилась в сон, который в этот раз радовал. Он не мучил кошмарами, не давал воли иллюзиям, он наполнял меня силами.

Наутро я почувствовала себя другой. Странно ощущать себя бодрее прежнего. Впервые за эти месяцы я выспалась и ни разу за ночь не проснулась, чтобы побродить в полумраке по квартире. Открыв шторы, я впустила новый день в свою жизнь. Это были последние дни уходящей осени, которая выпала из моей жизни безвозвратно. Я посмотрела на календарь, через четыре недели Рождество. Затем я надела теплую спортивную одежду и отправилась на пробежку. После нее я окончательно взбодрилась под душем и приготовила себе завтрак из оставшихся продуктов в холодильнике. Этот день наполнялся вещами, которые делают многие ежедневно, но для меня все это было ритуалом выздоровления.

После я ответила Джорджу на его последнее письмо, и в нем была чистая правда. Облегчив свою душу, я призналась в нем, что не работала над книгой и в ближайшее время не собираюсь. Написала, что мне нужно прийти в себя, начать дышать по-новому и в одном ритме с миром, жизнь которого, не переставая, продолжает идти за пределами моей квартиры. Может быть, через какое-то время я снова сяду за какую-нибудь историю.

Не знаю, сколько мне потребуется времени, поэтому прошу — не жди меня. Я знаю, у тебя есть и другие авторы. Уверенна, что сейчас ты им нужнее. Мне было приятно с тобой работать. Оказалось, что я не такая сильная, как думала. Я не справилась. Но надеюсь, что этот опыт у нас с тобой повторится и с лучшим успехом.

Спасибо за все.

Одри

Я закрыла ноутбук и почувствовала облегчение. С меня свалился толстый кусок камня, который все это время носила внутри себя. И одержимость написать книгу, как можно быстрее — отступила. Нет смысла бежать за тем, чего нет. Иногда полезно переждать бурю, чем наперекор всему стараться идти вперед. Если порыв ветра сильный, то тебя будет каждый раз отбрасывать назад и безрассудно тратить силы на повторение одного и того же действия.

Еще один новый день начался с утренней пробежки — это стало постепенно входить в норму. По дороге домой я зашла в кафе, в которое мы ходили с Максом. Мне упаковали в пакет два пончика и стакан кофе, и уже дома я наслаждалась завтраком.

На четвертый день мы встретились с ним в тот момент, когда я оплачивала свой утренний завтрак. Он не без улыбки подошел ко мне, и я невольно тоже улыбнулась.

— Доброе утро! — сказал он мне и девушке, которая передавала мне пакет с заказом.

— Привет Макс — отозвалась она. Как обычно?

Он кивнул и посмотрел на бумажный пакет, который я держала в руках.

— Завтракаешь дома? — спросил он.

— Да.

— Не составишь мне компанию? Или ты привыкла завтракать одна?

— Буду ждать возле того окна — сказала я.

Сев за столик, я достала из пакета свой кофе и оглянулась. Кафе было наполовину пустым. Но дверь постоянно открывалась и закрывалась. Люди заходили, чтобы купить себе кофе и тут же удалялись, прихватив его с собой. Все спешили на работу, потому что сегодня, я вспомнила календарь, висевший у меня на холодильнике, сегодня была среда. Не может быть, я знаю сегодняшней день недели и мне стало смешно.

— Что тебя развеселило? — спросил Макс, подсаживаясь ко мне.

— Ты знал, что сегодня среда?

— Да — он недоверчиво посмотрел на меня.

— Забудь — я махнула рукой и сделала глоток кофе.

— Что опять? Снова «забудь»? Давай рассказывай. Сегодня среда и... — он посмотрел на меня в ожидании ответа, но я снова улыбнулась, отрицательно покачав головой. — Что в этом смешного?

— Думаю, что ничего — для человека, который не выпадал на несколько месяцев из жизни. Для меня это смешно.

— Только не говори, чтобы я и об этом забыл. Ты заставляешь меня теряться в догадках.

— Интересно в каких?

— Ты была в коме?

Я засмеялась и чуть не подавилась откусанным от пончика кусочком.

— Я настолько кажусь ненормальной, что похожа на человека, провалившегося

несколько месяцев в больнице без сознания?

— Я бы сказал, ты безумна.

— Это комплимент для меня. И тебе, в этот раз, не отвертеться от него.

— И не собирался — он улыбнулся. — Так, значит, я ошибся? Это была не кома?

— Нет — ответила я. — Творческий кризис. На сегодня все.

— Ты опять уходишь?

— Останусь, если ты больше не будешь расспрашивать. Мне становится не по себе.

— Хорошо, не буду — он приподнял руки, сдаваясь.

— Ты когда-нибудь расстаешься со своим фотоаппаратом? — я посмотрела на его фотоаппарат, который лежал рядом на столе.

— Да, если не собираюсь фотографировать, а это бывает редко. Сегодня я встречал рассвет. Хочешь посмотреть?

Он включил его, пролистал фотографии на начало и дал его мне.

Это были потрясающе красивые фотографии. Похожие на нарисованные картинки и я не сразу поверила, что их можно было сделать в нашем городе. Всего один раз в жизни я встречала рассвет, и тогда я тоже фотографировала — это было в день нашего выпускного в колледже. Тогда мы гуляли всю ночь напролет. Но фотографии, сделанные мною, выглядели жалкими по сравнению с этими. Если их перещелкивать очень быстро, то можно проследить, как встает солнце. Я и подумать не могла, что он способен делать такие фотографии. Оторвавшись, я посмотрела на него, чтобы убедиться — это тот самый парень из парка в причудливой осенней шапочке.

— Ты настоящий профессионал — сказала я, перелистывая картинку вновь и вновь.

— Я знаю. Обожаю рассвет. Он везде разный. В каком бы городе я не был, никогда не пропускаю рассветы. Это, как начало новой жизни, что-то особенное. Все спит, пока солнце не встанет. Как только оно начинает всходить, вся природа начинает просыпаться. Листья деревьев приободряются, трава покрывается утренней росой, птицы начинают петь. Цветы постепенно начинают раскрываться. Это невозможно передать, даже фотографиями. Но благодаря им, я могу на некоторое время вернуться в это время.

— Поэтому ты любишь фотографировать?

— Я просто люблю это делать. Без каких-либо объяснений.

— Их нужно обязательно напечатать. Они очень красивые.

— Я могу подарить тебе одну из этих фотографий?

Я оторвалась от фотоаппарата и посмотрела на него.

— Какая тебе больше всего нравится? — спросил он.

— Сейчас выберу — обрадовалась я, снова перещелкивая их. — Они все великолепные.

Вот эту. И эту можно?

Он улыбнулся.

— Пошли со мной.

Он оставил деньги на столе. Окрикнул официанта, пожелал им удачного дня, и мы ушли.

Я шла к незнакомому человеку домой под впечатлением от фотографий. И как же легко поймать меня на удочку? Но мне хотелось ему верить, и он не был похож на человека, способного обидеть. И на социопата тоже не был похож. Его в кафе все знают — это хороший знак. Я успокаивала себя, что мне незачем переживать и изредка поглядывала на него, стараясь, чтобы он этого не заметил. Он был без шапки, не давая мне все эти дни

забыть ее. Его глаза блестели, и я позавидовала его счастью. Именно счастливым он казался мне и это благодаря фотографиям.

Мы поднялись на второй этаж многоэтажного дома. Большая квартира была разделена на фотостудию и комнату, похожую на спальню. Фотостудия была сделана в бежевом цвете. Я осматривалась, а Макс скрылся за дверьми маленькой комнаты, которая находилась здесь же. Освещение, специальное оборудование для профессиональной съемки и все это находилось в стенах обычного жилого дома. Квартира, переделанная в фотостудию. Когда-то я мечтала сделать в своей квартире комнату, в которой я могла бы закрываться и работать. Я думала о том, что это будет и кабинет, и библиотека одновременно. Царство, в котором правит только одна королева. Может быть, моя мечта когда-нибудь осуществится. Подумав об этом, тут же навяла грусть. Я дотрагивалась до этих предметов и надеялась, что когда-нибудь смогу обрести гармонию внутри себя, как у этого парня. Надеялась, что рано или поздно сомнения закончатся, и я буду жить только «сегодняшним» днем.

— Готово — сказал он, подходя ко мне. — Что-то случилось?

— Ты счастлив?

Мой вопрос был внезапным, и он слегка смутился.

— Ты счастлив от того, что делаешь? — я сделала шаг назад и, повернувшись на месте. — Все это доставляет тебе удовольствие?

— Конечно. Иначе, я бы этим не занимался.

Я взяла у него фотографии из рук и посмотрела на них. Они казались нереальными.

— Спасибо, за кусочек твоего счастья. Я их сохраню.

— Если хочешь немного счастья, то приходи завтра в парк в 6 утра.

Я задумалась, затем спросила:

— У тебя есть ручка?

Написав на обратной стороне фотографии свой адрес, я протянула ему.

— Верни мне завтра эту фотографию в 05–50 утра. В это время темно, прогуляемся до парка вместе.

Я попросила его не провожать меня. Всю обратную дорогу я почти бежала, переполненная эмоциями от своей смелости. С ним, я перестала бояться сказать или сделать что-то и надеялась, что он не посчитает меня слишком взбалмошной. А его глаза, безмятежные и живые, они не выходили из головы.

Вечером я предупредила Анжелу и Клэр о том, что собираюсь в Глендейл. Они обрадовались. Смена места — отличная новость и повод встретиться перед отъездом. Но я отказалась от этой встречи, сославшись на головную боль. Клэр настаивала на том, чтобы приехать и просто посидеть со мной. Мне пришлось найти много слов, чтобы ее отговорить от этого. И был момент, когда я чуть не сказала: «Мне завтра рано вставать. Я буду встречать рассвет с Максом». Но удержалась, иначе наш разговор затянулся бы надолго, либо Клэр была бы на половину пути по дороге ко мне.

Когда я вышла, он ждал меня возле подъезда. Макс протянул мне фотокарточку.

— С адресом я оставил себе, а тебе сделал новую.

— Спасибо.

Я сунула ее в свою сумочку, перекинутую через плечо, и мы пошли в парк.

На улице было темно и безлюдно, что придавало нашей утренней прогулке небольшое таинство. Он рассказывал, что рассвет в этом парке встречает не в первый раз, и все это

время он искал идеально место. Мы сели на лавочку того самого места, которое он открыл для себя вчера. Перед нами открывалась поляна, все деревья остались позади нас. Макс посмотрел на часы и сказал, что мы пришли вовремя и скоро начнется.

Для меня это было, как открытие чего-то неизвестного мне ранее. Он рассказывал, о том, как лучше фотографировать. В какой момент, и с какого ракурса фотография может получиться удачной. Рассказывал о рассвете в Сан-Франциско, в Сент-Луисе, Далласе, Детройте, Майами, Канзас-Сити. Он говорил о природе, о звуках моря, о влюбленных, которые провели всю ночь на пляже. Он видел закат бледно розового цвета, багряного. Говорил о горизонте, скрывающемся за туманом. А я слушала и задавалась вопросами — сколько ему лет и когда он успел объехать половину Америки?

Когда солнце показалось из-за горизонта наполовину, он замер, опустив фотоаппарат. Мы наслаждались коротким временем просыпающего дня. Еще несколько минут назад весь город спал погруженный в темноту, а сейчас солнце призывало пробудиться ото сна. Люди постепенно просыпаются и скоро город снова погрузится в привычную для него суету. И эта тишина в парке наполнится звуками, разговорами и криками детей. Несколько мгновений и на улице светло, и ты не понимаешь, как это произошло и почему так скоро. Новый день обещал быть сегодня солнечным. Когда рассвело, Макс посмотрел на меня.

— Доброе утро! — сказал он.

— Доброе утро — еле слышно сказала я и с грустью улыбнулась.

Я подумала — сколько таких рассветов я пропустила, путая день с ночью в поисках себя? Макс продолжил фотографировать. Он делал несколько фотографий, пересматривал их и снова фотографировал, тогда я спросила:

— А людей ты фотографируешь?

— Бывает, но не всегда. Если меня сильно попросят, то я соглашаюсь.

Он направил фотоаппарат на меня и щелкнул. Я не двинулась с места.

— Значит, ты популярный фотограф, если тебя спрашивают?

Он засмеялся и снова сел рядом со мной на лавку.

— Ты преувеличиваешь. Я не такой популярный. Но у меня есть знакомые, которые просят приехать на какую-нибудь тусовку, чтобы их снимать. В основном я работаю на журналы, которые печатают природу и животных.

— Круто — сказала я и посмотрела туда, где только что нам приоткрылось таинство начало нового дня. — Я тоже хотела, чтобы меня напечатали. И это случилось. Одно издательство взялось за мою книгу. А потом один критик решил изменить все и раздавил меня, как букашку. И я потерялась.

Мои глаза заблестели, и я быстро заморгала, чтобы это прошло. Он взял паузу, а потом сказал:

— Ты не потерялась. Ты сейчас сидишь в парке в компании друга, который показал тебе, что солнце встает каждый день, несмотря ни на что — Макс дотронулся до моей руки, и я резко посмотрела на руки, а потом на него. — Оно дает нам каждый раз шанс прожить день по-другому, чтобы он не был таким, каким был вчера. Бывает, что у нас что-то не получается, но у тебя всегда есть шанс попробовать все сначала. Потому что вчера ничего не закончилось и не закончится сегодня. Продолжение каждого дня — это продолжение тебя.

Я посмотрела в его глаза, добрые и улыбающиеся мне.

— Ну, скажи, что я не прав.

— Ты прав — прошептала я.

— Неужели?

— Да. Ты прав! — я сказала громче, и мы засмеялись. — Но, это не так просто, как нам кажется.

— Знаю. Когда мы все усложняем, все очень становится непросто — сказал он.

Теперь мы были не одни. В парке появлялись люди со своими собаками. Спортсмены, бегущие свой первый километр. Мы продолжали сидеть, разговаривая обо мне. Он говорил, что во мне творчества меньше не стало, и я сама устанавливаю границы. Как и все люди, мы торопимся ставить несуществующие барьеры в надежде, что так лучше и не торопимся выйти за их пределы. Мы погружаемся в суету серых дней, забывая про маленькие радости каждого дня. Но если это приносит счастье, то хорошо. А если нет — нужно меняться и менять жизнь вокруг себя. Не нужно делать то, что не нравится. Это неправильно. А иногда нам просто невдомек остановиться на минуту в толпе бегущих людей и взглянуть на небо, вздохнуть свежего воздуха и порадоваться тому, что живем.

— Но самое интересное. Одри, — говорил он, открывая дверь в кафе и пропуская меня вперед, — не нужно винить себя за то, что уже случилось. Это произошло и это не исправить. Нужно идти дальше, не заикливаясь на прошлом. Тебе все равно его не изменить. Просто не допускай тех ошибок, которые уже сделала.

Мы сели за столик и нам принесли горячий кофе.

— Завтра я еду к маме и брату. Хочу побыть с близкими и подальше от шумного города. Вернусь через неделю.

— Ты сохранила мою салфетку с номером?

— Что если — нет?

— Тогда я возьму другую, и напишу свой номер телефона на ней. Видишь? Всегда есть выход.

— Не всегда — сказала я. — Если нет выбора — нет выхода.

— Если мы загоняем себя в рамки, то выбора нет и никогда не будет. Не делай этого с собой. А выход? Выход есть всегда. Позвони, когда вернешься — и он пододвинул в мою сторону салфетку с номером телефона.

20

Я вышла на остановке в Глендейле, полная надежд. Во мне проснулось желание меняться и изменить свою жизнь. Макс действовал на меня, как антибиотик. Он вводил в меня маленькими дозами чувство жизни, чтобы оживить. Но во мне все еще жил необъяснимый страх и в собственной жизни, как в театре я оставалась за кулисами. Вместо того чтобы выйти и сыграть главную роль, я подсматривала за тем, что происходит на сцене. Я хотела стать ведущим героем, но не решалась. Иногда нам нравится оставаться зрителем, потому что это несложно.

Я позвонила в дверь. На удивление она была заперта. Я предупреждала маму, что подъезжаю, и они ждали меня. За дверью послышалась суета и несколько минут мне не открывали дверь. Тогда я позвонила еще раз и тут дверь распахнулась. Мама принялась меня целовать и обнимать, как, будто мы не виделись несколько лет. Оставив большую сумку в прихожей, я пошла к Джерри, но мама меня остановила.

— Не торопись — сказала она и повела меня на кухню. Я все еще непонимающе смотрела на нее, и не заметила, как она усадила меня за стол и поставила передо мной тарелку с тортом.

— Сначала попробуй торт. Я его пекла по новому рецепту. По собственному новому рецепту.

— Не сомневаюсь, что он вкусный. Но может, я сначала увижусь с Джерри? Или он снова на меня обиделся?

— Нет, что ты. Наоборот, он очень счастлив, что ты приехала.

Я встала из-за стола со словами:

— Тогда чего мы ждем?

Но мама тут же встала в проеме кухни, не выпуская меня из нее.

— Лучше посчитай до двадцати.

— Это розыгрыш?

— Одри, делай, что говорят. Иначе не скоро пойдешь дальше.

Я тяжело вздохнула и принялась считать. В этот момент я вспомнила, как Макс назвал меня безумной, и подумала о том, что он еще не знает мою маму с братом. На «четырнадцать», послышался голос Джерри, тогда мама оборвала меня:

— Хватит считать. Пошли.

Мы зашли в зал, Джерри сидел в кресле в конце комнаты и приказал мне остановиться.

— Что происходит? — эта скрытность стала действовать мне на нервы.

— Одри, отойди к двери и стой там — ответил Джерри. — Не задавай лишних вопросов. Просто стой.

Мне показалось, что его голос изменился, он стал грубее. Тогда я присмотрелась и заметила на его лице небритость, которой не было, когда я приезжала в последний раз. После этих месяцев отсутствия, я отчетливо почувствовала, что он повзрослел.

— Готова? — спросил он.

— К чему?

— Просто стой — сказала мама, у которой в руках откуда-то появились костыли.

Она подошла с ними к Джерри и один костыль протянула ему.

— Смотри — сказал он, — чему я научился и все благодаря тебе.

Он медленно начал вставать, опираясь на один костыль. Он протянул вторую руку к маме. Нащупав второй костыль, он продолжал вставать, опираясь на них оба. Коляска стала неожиданно пустой и одинокой, словно в ней и раньше никто не сидел. Он стоял с помощью костылей, но главное — он стоял. Улыбка на лице светилась, а глаза были полны счастья. Он излучал нежность и стойкость одновременно. Мои глаза наполнились слезами, и я не могла сдвинуться с места, как будто увидела одно из чудес света. И это на самом деле было чудо. Внутри меня все переворачивалось, и тысячи салютов взрывались одновременно.

— Видишь?! Я смог!

Слеза скатилась по моей щеке.

— Мне пока тяжело ходить, но я буду стремиться. Ты не обнимешь меня?

Медленными шагами я подошла к нему и обняла. Я плакала от счастья за его победу, от разочарования по отношению к себе. От того, что когда-то посмела сдать. Внутри меня произошел взрыв, заставивший посмотреть на все по-другому. Клэр была права — мне нравилось, когда меня жалели. Я довольствовалась тем, что со мной стало, не пытаюсь попробовать встать и сделать первый шаг. Я сжимала его своими руками, а он стоял, держась за костыли. Я чувствовала, как его руки порываются отпустить их и обнять меня, но он сдерживался. Все возможные эмоции в тот момент овладели мной, оставив за собой огромный след от желания и возможностей человека.

Эта неделя была совершенно другой, я набиралась сил. Ежедневные прогулки, проведенное время за чтением книги и общение с родными делали свое дело. Я помогала Джерри делать первые шаги без костылей и один раз мы вместе упали, из-за чего долго смеялись. Продолжая валяться посередине комнаты. Мама прибежала с кухни, как только послышался грохот, и, увидев нас — рассмеялась. Вечерами, я ложилась головой к маме на колени, и она делала мне массаж. Я лежала с закрытыми глазами, ее пальцы путались в моих волосах, а я наслаждалась этими прикосновениями. Одним вечером она заплела на моих волосах много маленьких косичек. Наутро я их распустила и мои волосы стали волнистыми, как в то время, когда я училась в школе. Тогда ходить с волнистыми волосами было модно. И мама старалась мне, как можно чаще заплетать косички на ночь. Эти минуты, как и юность, навсегда останутся в прошлом, но никогда не забудутся. Иногда мы играли в нашу любимую настольную игру, смотрели фильмы. После очередного такого дня, перед сном я достала свой блокнот и записала в нем пришедшую мне на ум фразу: «Ни деньги, ни слава, ни восхищенные взгляды не заменят счастья от внутреннего спокойствия!» Потому что именно здесь, в этот момент — я была счастлива.

Есть еще одно, что мне нравится в Глендейле, о чем я стала забывать. В километре от нашего дома начинается холмистая поверхность. А за холмами начинаются горы серого цвета, зимой покрывающиеся снегом. Раньше между холмами проходила небольшая речка, но она давно высохла, и на ее месте поросла трава и цветы. В детстве мы часто там гуляли. И я помню тот момент, когда мы могли купаться в речке жаркими летними днями. Сегодня я шла той же дорогой, поднимаясь вверх по первому невысокому холму и ощущала ласку того жаркого солнца, теплоту от нашего безудержного смеха, детское бесстрашие и радость, когда вбегали в воду. Поднявшись наверх холма, я посмотрела назад. Дома остались позади и отсюда казались маленькими. Я пошла дальше.

И сегодня я смотрела на все это другими глазами. Как будто та, кем я была несколько месяцев назад — это человек из другого века. Я потерялась в этом мире и захлебнулась суетой, и своими грезами. Я рисовала будущее вразрез с реальностью и вот внезапно, кто-то встряхнул шар земной, и все встало на свои места. А я оказалась не готова воспринимать мир таким, какой он есть. Жить в приукрашенном мыслями мире прекраснее, чем осознавать жестокость людей, готовых пойти наперекор всему ради своей выгоды. И теперь во многом тяжело сделать шаг вперед, потому что боишься снова оступиться. Я остановилась и сделала глубокий вдох чистого воздуха. Я знаю, что по-прежнему хочу связывать свою жизнь с писательством, и мне потребуется еще большего терпения и упорства, чем было раньше. Прохладный ветер стал дуть сильнее, и я почувствовала, что не смогу пойти дальше. Мои руки замерзли, и я вытянула рукава свитера до костяшек пальцев. Не сомневаюсь, что на моем лице появился легкий румянец, который украшает девушку. Остановившись, я смотрела на далекие горы впереди, до которых, как нам, кажется, невозможно дойти. Но если сильно захотеть? Как и в любом деле, важно желание.

Я вернулась домой замерзшая, когда стало темнеть. Весь вечер согреть меня пытались чай и плед. Джерри рассказал о том, что хочет поступать в колледж. Он много читал о нем. Переписывался с ребятами на форуме, и они многое рассказали об этом колледже. Для этого ему нужно будет закончить с отличными оценками школу, после этого сдать единый вступительный экзамен. Один парень из этого колледжа обещал помочь ему подготовиться и через месяц они начнут заниматься по скайпу. А еще там предоставляют общежитие. И тут

вступила мама со своими переживаниями. Она не была готова отпустить его туда одного, считая, что он недостаточно готов к этому. Она не хотела прямо говорить о том, что волнуется из-за того, что на костылях ему еще тяжело передвигаться, поэтому находила различные предлоги. Но в глазах Джерри горел огонь, он полностью был пропитан этой идеей, и это была машина, которую невозможно было остановить. Я слушала их разговор и старалась оставаться в стороне, потому что мне была понятна и сторона Джерри, и сторона мамы. Мне даже почти удалось выйти из комнаты незаметно, если бы мама не попросила меня что-нибудь сказать по этому поводу.

— Что? — спросила я.

— Одри, скажи ему.

— Что я должна ему сказать?

— Скажи, что ему лучше еще один год остаться дома.

— Я не знаю.

— Ты не знаешь? — переспросила мама, почему-то сильно удивившись.

— Мам, Одри не может решать за меня. Я уже взрослый и знаю, что мне нужно.

— Как быстро вы все повзрослели. Только еще вчера вы нуждались во мне. Хватали за юбку, и не могли сходить в туалет, пока я не сниму с вас трусы. А сегодня — раз и взрослые.

— Мама — сказала я.

— Я говорю правду. Одри ты должна с ним поговорить. Ему еще рано уезжать, он недостаточно...

— Ходит — закончил он. — У меня есть еще время.

— Да — подхватила я. — Времени предостаточно, чтобы об это чуть позже поговорить.

Кто будет чай?

Мама неодобрительно покачала головой.

21

Я приехала домой поздно вечером. Не предупредив никого о своем возвращении. Квартира мне показалась одинокой и безликой. Я остановилась в гостиной, опустив сумку с вещами на пол. Раньше все было наполнено неиссякаемым потоком энергией, сейчас это были стены, пол и потолок. Вся прошедшая неделя была наполнена мамой и Джерри. Не нужно было возвращаться в собственную жизнь и снова тупик.

Разобрав вещи, я отправилась в кровать с книгой, которую привезла от мамы. Но усталость от неудобной поездки в автобусе взяла вверх, и я быстро уснула.

Этой ночью мне снился странный сон. Он был мутным и постоянно меняющимся. В нем я плакала, потом смеялась. В нем был Сэм, он обнимал меня. Я чувствовала его прикосновения и мне это нравилось. Но тут к нам подошел Макс и предложил сделать фотографию. Тогда я отшатнулась от Сэма, и мне стало страшно. Я стояла посередине сцены, а передо мной был полный зал людей, и они смеялись. Некоторые из них показывали в сторону меня пальцами и смеялись еще громче. На сцене я была совершенно одна и понемногу стала отступать вглубь. На первом ряду сидела Джейн Картер. Она холодно улыбалась. Это была улыбка победителя, я чувствовала, как она насмехается надо мной. Послышался театральный звонок. Я сделала еще один шаг назад и полетела вниз.

Глаза резко открылись, а мое дыхание было учащенным. Звонок не переставал звенеть в ушах, пока я не поняла, что это мобильный.

— Да, Клэр — сонным голосом сказала я. — Приехала. Сколько? — я посмотрела на

часы. Они показывали начало первого. Я спала больше двенадцати часов. — Не знаю. Можно. А когда? Я подумаю. Хорошо. Позже позвоню.

Клэр просила завтра встретиться. Она нуждалась в моей помощи, в чем я сильно сомневалась. У нее очередной рабочий проект и она хотела на счет него поговорить. И чем я могу помочь ей? Ей — успешному журналисту, без пяти минут редактору одного из главных журналов города. От меня она ждала звонка — нужно было сообщить, когда я смогу с ней встретиться. Времени свободного было много, но я не торопилась.

«Вот это начала дня» — подумала я.

Предпочтение выпало на Макса. И он первый с кем я увиделась после своего возвращения из Глейндела. Это было вечером. Я была рада его видеть. И он тоже. При встрече он даже меня приобнял. Затем мы пошли, не спеша по улице до ближайшего кафе.

С этого дня наши встречи с ним стали каждодневными, только в разное время. Иногда он был занят фотографиями, и в эти дни я особенно ждала его звонка. Он был интересным, и он меня понимал. Мы разговаривали обо всем и обо всех. Я рассказывала о себе и не забыла упомянуть Сэма. Он тоже не скромничал в воспоминания о своих девушках и знакомых. Со стороны он казался серьезным, но каждый раз заявлял об обратном. У него необычное чувство юмора и я не сразу смогла привыкнуть к нему. Но уже через неделю стала заливаться смехом. В наших разговорах я чувствовала себя легкой, почти воздушной и это мне нравилось больше всего. Он успокаивал и поднимал настроение. Он жил каждым днем и учил меня этому же. Мы стали отличными друзьями.

— Открой мир для себя заново. Посмотри на него по-другому — сказал он, когда мы сидели на диване в моей квартире и просматривали диски с фильмами, взятые в прокате. На журнальном столике лежали оставшиеся три кусочка пиццы. — Ну, что будем смотреть?

Я пожала плечами.

— Я вижу мир таким, какой он есть на самом деле — сказала я, взяв в руки очередной диск. — Может этот фильм?

— Закрой глаза — сказал он.

— Зачем? — поинтересовалась я.

— Просто закрой и ни о чем не спрашивай.

Я послушалась. Убрав руку со спинки дивана, я выпрямилась и закрыла глаза. Все это походило на игру, поэтому я улыбнулась.

— Что ты видишь?

— Ничего.

— Представь, что весь прежний мир стерли. Его просто нет. Поэтому ты ничего не видишь.

— Если все стереть, то и тебя там не будет.

— Ты можешь меня оставить в своем новом мире, если этого хочешь.

Я продолжала сидеть. В это время передо мной возник его образ. Его серо-голубые глаза улыбались мне.

— С сегодняшнего вечера — начинает существовать новый мир Одри Парк. Подумай о тех, кого бы ты хотела оставить в нем. Вспомни все хорошее, что было, и оно навсегда останется в твоём мире. Остальное уничтожь. Забудь, как, будто этого и не было.

Я вспомнила улыбку Джерри. Тот день, когда мы упали на пол и счастливую маму, смеявшуюся над нами. Я так их отчетливо видела, что казалось, стоит протянуть руку, и я смогу к ним прикоснуться. Я снова в Глейнделе и мне хорошо. Вспомнилось Рождество. Это

было несколько лет назад. Я, Клэр и Анжела. На нас маскарадные костюмы. Мы были на вечеринке общего знакомого. Дурачество, смех, танцы. И мне не хотелось возвращаться обратно.

— Одри?

Я открыла глаза в тот момент, когда Макс ко мне приблизился. Его лицо было совсем рядом, что я почувствовала, как он приятно пахнет.

— Я оставляю тебя в своем новом мире — прошептала я.

В дверь постучали, и я вздрогнула.

— Кого-то ждешь?

— Нет — ответила я, настораживаясь.

На пороге стояла Клэр. Я обещала помочь ей, но несколько раз встречу переносила. В итоге она навестила меня сама, значит дело серьезное.

— Извини, что без предупреждения — сказала она, заходя в квартиру. — Я тебе звонила на мобильный, но ты не отвечаешь на мои звонки.

— Телефон лежит в другой комнате. Я его не слышала.

Я прошла в комнату, она за мной. Макс ставил диск с фильмом. При виде его брови Клэр изобразили изумление.

— Макс познакомься с моей лучшей подругой — Клэр. Я тебе про нее рассказывала.

— Очень приятно — улыбнулся он.

Я обратилась к Клэр.

— Это Макс. Мой новый друг.

— Я вам не помешала? Не знала, что ты не одна.

— Нет. Ты как раз вовремя. Мы с Одри составляли ее новый мир. Ты бы могла нам помочь в этом.

Клэр была в полном недоумении, и я рассмеялась. Она почувствовала себя неловко и попросила меня на минутку отойти. Мы вышли на кухню.

— Кто это? — спросила она, указывая в сторону гостиной. — Сколько времени ты его знаешь? И что он делает у тебя дома?

— Клэр, остановись — улыбка не сходила с моего лица. — Все нормально. Я его знаю столько, сколько надо, чтобы пригласить к себе. Мы с ним друзья и ничего больше.

— Про какой мир он говорит? Одри, вы что-то употребляете? — она пристальнее посмотрела мне в глаза.

— Клэр, не выгляди смешной. И то, что мы оставили его там одного, а сами шепчемся здесь — это как минимум не очень вежливо. Он все-таки мой гость. Давай лучше поговорим о том, ради чего ты сюда пришла.

Я взяла из ее рук папки и вернулась в гостиную. Было две папки, одна голубого цвета и толстая, другая поменьше и оранжевая. Я решила начать с той, что была тоньше.

— Я тебе говорила, что Клэр отличный журналист? — спросила я Макса, и он утвердительно кивнул. — И я даже не знаю какую помощь могу оказать ей.

Клэр села рядом. И мы втроем уткнулись в папку.

— Вкратце — заговорила Клэр. — У нас новый проект. Не знаю, что происходит с моим шефом, но он решил выпустить внеплановый номер журнала. Писательская деятельность, как один из видов заработка. Он сказал, что сейчас это популярно. Попросил меня подготовить этот номер от обложки до последней страницы и весь проект будет под моим контролем. Но я не знаю с чего мне начать.

— Зачем тебе я?

— Это будет серия выпусков от начала, как развить писательские способности и окончание — издание в нашем журнале. Он хочет, чтобы первый номер был адресован начинающим писателям. В нем будут истории писателей и журналистов о начале их творческого пути. Возможно, какие-то советы.

— Это точно не ко мне — я захлопнула папку.

— Подожди — остановил меня Макс. — Ты же ее не дослушала.

— В первом журнале необходимо рассказать, что это за проект — продолжила Клэр, — и как будет выглядеть основной конкурс. В каждом из последующих журналов будет выложено задание. По истечению определенного времени и по результатам выполнения заданий будут выявлены три победителя. Они смогут пройти двухмесячную практику в нашем журнале. А по итогам практики одного из них смогут взять на работу. Опять же зачем? У нас нет свободных мест. Но не в этом суть.

— Это же чисто журналистский конкурс — я снова оборвала ее. — Ты и без меня справишься. Ты была начинающим журналистом, сейчас ты помощник главного редактора. Делись опытом.

— Это не так просто, как ты думаешь.

— Кажется, я начинаю понимать — поддержал ее Макс. — Клэр хочет, чтобы ты помогла ей с организацией и оформлением этого журнала. Ей нужна помощь творческого человека. Особенно в организации заданий.

— Да — подтвердила Клэр. — И их анализ.

— Ты рассказывала мне про работу журналиста — продолжил Макс. — Так, что тебе тоже есть чем делиться. И этот проект, как раз то, что нужно в твоём новом мире.

— Будет приходиться уйма писем, и я одна с этим не справлюсь — сказала Клэр. — Мне выделили только одного помощника. Но мне нужен еще один и пусть это будет внештатный, но человек знающий, что значит писать. Одри, ты не можешь меня бросить.

— По-моему лучшая идея, которую я слышал за последнее время. Но выбирать тебе — сказал Макс.

— Но — я снова открыла папку и стала листать наброски Клэр.

— У меня три недели до выпуска первой серии этого проекта. Плюс печать ежемесячного журнала — сказал Клэр.

— Тебе нужен человек, который не работал в вашем журнале, чтобы привнести что-то свежее? — сказала я, вглядываясь в сделанные Клэр наброски. — Так сказать, взгляд со стороны.

— Ага.

— Человек, который сможет скреативить. И он должен уметь писать — я остановилась на одном рисунке. — В общем, это все про меня. Одна ты действительно не справишься.

Клэр кивала на каждое мое слово, а ее взгляд просил о помощи.

— Я согласна — Клэр обняла меня, а я перелистнула очередную страницу. На глаза попался рисунок.

— Что это? — спросила я. — Ужасно мрачно.

— Это я дурачилась — Клэр выхватила листок, собираясь порвать.

— Оставь — Макс выхватил рисунок у нее из рук. — Необычно и готически. Он срисован?

— Да. Я срисовала его с рисунка Абигейл Ларсон.

— Точно. Видел ее рисунки к книге «Алиса в стране Чудес».

— Она рисовала иллюстрацию к разным книгам — сказала Клэр.

— Неплохо получилось — Макс вернул рисунок в папку. — Не нужно его выкидывать.

— Не знала, что рисуешь — заметила я.

— Только в часы скуки. Например, на совещаниях. Беру карандаш и набрасываю что-нибудь на листок.

— Хотела бы я посмотреть твои наброски.

— Как-нибудь, обязательно покажу.

Клэр посмотрела на часы, и я поняла, что она торопится.

— Папки оставишь мне? — спросила я.

— Конечно. Только позвони, как что-нибудь придумаешь. У нас очень мало времени — затем Клэр обратилась к Макс. — Приятно было познакомиться. Оставляю вас.

— Мне тоже пора идти — сказал Макс, вставая с дивана.

— Все разом решили оставить меня? А как же фильм?

— Оставим его на завтра — сказал он и посмотрел на папки, которые я держала в руках. — Тебе есть чем заняться сегодня.

22

Начать все сначала. На словах кажется легким делом, на деле получается сложнее. Но если тебе сама судьба посылает человека, который словно тебя и ждал, то понимаешь, что все неслучайно. Неслучаен тот снег, та лавка и возможно каждый день, который мы проводили вместе. Такого друга найти удастся не каждому. Клэр и Анжела навсегда останутся моими лучшими подругами, но Макс — это что-то другое. Он делал каждый мой день особенным, без каких-либо усилий. Достаточно ему было появиться и все сразу становилось по-другому. С каждым нашим днем, я понемногу менялась.

В этот раз он что-то задумал, но не признавался.

— Куда мы едем? — спросила я, когда машина свернула с основного шоссе в переулок.

— Это сюрприз.

На улице был вечер. Огни города горели. Мы подъехали к какому-то зданию, похожему на букву Т. Я вышла из машины и осмотрелась по сторонам. С этой стороны была только одна дверь внутрь здания темного цвета. Рядом с крыльцом была винтовая лестница, доходившая до крыши здания. Я не могла определить, сколько этажей в нем, потому что кроме окон на первом этаже, больше нигде их не было.

— Мне стоит тебя опасаться? — поинтересовалась я.

— Тебе решать. Еще не поздно убежать.

— Я умею кричать громко.

— Никто не услышит.

Он закрыл машину и протянул мне руку. Без сомнений я вложила в нее свою.

Мы вошли внутрь здания. Впереди был темный коридор с небольшим проблеском света впереди. Все это было похоже на черный выход из здания. Но почему мы зашли с этого входа, а не с центрального? Мне ничего не оставалось, как гадать, куда мы пришли. Он шел впереди, не отпуская моей руки. Я решила не задавать вопросы ему, потому что они не помогут. В конце коридора нас встретил мужчина с седыми волосами. Он обрадовался, когда увидел Макса и дружески похлопал его по плечу.

— Вы припозднились — прохрипел он.

— Знаю. Сколько у нас?

— Минут тридцать. Не больше.

— Добрый вечер, мисс.

— Добрый вечер — ответила я.

Он провел нас к еще одной двери. Она была заперта. Мужчина неторопливо достал связку ключей, нашел нужный ключ и открыл ее. Яркий свет ударил в глаза.

Оказалось, что мы пришли на огромный каток. Свет от прожекторов на мгновение ослепил. И тихая музыка долетела до нас.

— В детстве я любила заниматься танцами. Но, как только я стала не успевать по школьным предметам, с танцами пришлось завязать. Мама настояла.

Этот разговор случился несколькими днями ранее.

— А я занимался хоккеем — сказал тогда Макс. — В пятнадцать лет это была моя единственная страсть, ради которой я готов был пойти на все. Ни дня безо льда. На протяжении двух лет.

— Ты так хорошо катаешься на коньках?

— Еще как. Мне даже довелось участвовать в соревнованиях. Правда, мы тогда ничего не выиграли, но мама сильно гордилась мною. До сих пор считает, что нас засудили.

— Ох, уж эти родители.

— Ты каталась когда-нибудь на коньках?

— Один раз и это было ужасно — я засмеялась, снова почувствовав легкий стыд, как в первый день своего катания на коньках.

— Что же ужасного было?

— Я не умею кататься — это самое ужасное. Все время падала. Была похожа на неваляшку, пытающуюся удержаться на ногах. А в тот момент, когда один парень мне чуть не проехался по пальцам, с коньками было покончено. Хотя, синяки долго мне напоминали о том дне.

Стоя сейчас перед огромным катком, я поняла, что это неминуемо. Радовало, что кроме нас никого не было. Он все еще был закрыт для посетителей. Мужчина, пожелал нам хорошего вечера и удалился, а Макс протянул мне коньки.

— Совсем забыл. Приглашаю на каток.

— Ты ненормальный.

— Покатаешься со мной?

— У меня разве есть выбор?

— Можешь остаться на скамейке зрителем.

Я взяла коньки из его рук и села на лавку.

Через несколько минут держась за борт, я пыталась спуститься на лед.

— Это было так давно. Ааа — схватившись в последний момент за борт, я все же устояла и закатилась смехом. Я не хотела думать о том, как выгляжу со стороны, но я это чувствовала — напряженная, ноги искривились в поисках равновесия, а руки зажали борт, так словно это был спасательный круг.

— Давай руку — сказал Макс, подъехав ко мне.

Я переключалась с борта на его руку и буквально схватила ее со всей силой. Страх потерять равновесие, чуть не потащил Макса за мной вниз. Но он удержался и удержал меня. Такие мелочи, в этот момент казались для меня огромнейшим экстримом.

— Расслабься — сказал он.

— Я стараюсь.

— Держишься?

— Ну, как сказать.

— Теперь одной ногой скользи отталкиваясь, затем другой.

Макс держал меня за руку. Он показывал и говорил, как нужно делать. Я старалась быть прилежным учеником, но не всегда это удавалось.

— По очереди. Сначала правая, потом левая. Расслабься. Все очень неплохо.

Я следовала всем его советам.

— Плавнее. Не бойся. Ты не упадешь. Я держу. Не бойся.

На втором круге, я почувствовала себя увереннее.

— Вот видишь. Все очень просто.

— Я бы так не сказала.

— Пару кругов и ты поедешь сама.

— Только не отпускай меня, пожалуйста. Я еще не готова.

Он посмеялся надо мной, и мы продолжали медленно катиться. На третьем круге, я почувствовала, что он увеличил скорость, и я старалась не отставать. Я набирала скорость, и мне стало это нравиться. Мои волосы развивались, и я то и дело поглядывала на Макса. У него появился румянец, и я подумала, что мои щеки, скорее всего тоже порозовели.

— Я еду! — крикнула я. — Только не отпускай.

— Немного наклонись. Ты слишком прямо держишься. Так ты упадешь, не успеешь набрать скорость. Уже лучше. Отлично. Молодец!

Он слегка расслабил мою руку. Я почувствовала, что еду сама без его помощи. Адреналин бежал по венам, как, будто я неслась с огромной горы вниз. И почему, я не прочувствовала это в детстве, когда мои сверстники проводили зимние каникулы на катке. Я смеялась, а Макс смеялся надо мной. И тут я сделала неловкое движение, он не смог меня удержать, и мы вместе упали на лед. Оказалось, что это не так больно, скорее весело. Потому что мы продолжали лежать на спине, а наш смех разносился по катку. Я посмотрела на Макса. На красивую улыбку своего друга. Послышались голоса. Каток открыли для посетителей, и он постепенно стал наполняться людьми.

Макс помог мне встать, и мы слились с толпой в одном потоке.

Я села на диванчик в местном кафе, расположенном на втором этаже. Отсюда просматривался каток и все, кто находился здесь, могли наблюдать за тем, что происходит на льду. В ногах почувствовалась приятная усталость. Макс принес кофе и пирожные.

— Спасибо, что вытащил меня. Это было здорово!

— Для чего еще нужны друзья?

— Да — сказала я. — Для этого и нужны друзья.

— Рад, что тебе понравилось.

— Кроме меня никто так не смеялся на всем катке. Поэтому все и смотрели только на нас.

— Ты преувеличиваешь.

— Ты просто не замечал.

— Тогда им повезло — они не увидели, как ты до этого каталась. Это было еще то зрелище.

— Я так и думала. Жаль, ничего нет подходящего, чтобы кинуть в тебя.

Он рассмеялся, и я вместе с ним, а после сказал:

— Хотел тебя предупредить, что завтра уезжаю из города на несколько дней. Это по работе.

— Отлично. У меня будет время вплотную поработать над проектом Клэр.

— Значит, я тебе мешал? Вот она, правда.

— Обещаю, что буду скучать.

— Пусть сладкая ложь, чем горькая правда.

— Ммм... Пирожное божественно — сказала я.

— Есть идеи по проекту Клэр?

— Кое-что есть — ответила я, не отрываясь от пирожного. — Вчера вечером я долго думала об этом журнале. Просмотрела весь материал, который принесла Клэр. Это и вправду классная идея. Кому-то сильно повезет. Получить работу в этом журнале не так просто. Хочу набросать на бумагу свои мысли, потом покажу их Клэр.

— Поделишься мыслями?

— Нуууу. Нет.

— Нет?

— Пока нет. Расскажу, когда вернешься.

— Теперь всю поездку буду думать об этом.

— Врун.

— Кстати, врать я не умею.

— Сделаю вид, что поверила. А что за поездка?

— Еду в Вашингтон. Организуется новый проект совместно с National Geographic. Необходимо решить некоторые формальности.

— Тебя напечатают в National Geographic?

— Если в эти выходные все пройдет хорошо.

Я задумчиво покачала головой и сказала:

— Буду ждать тебя с хорошими новостями.

Я откинулась на спинку дивана и посмотрела в сторону катка. Мне показалось, что людей стало больше. Отчего становилось на льду тесно, и все ехали друг за другом гуськом. Еще некоторое время назад мы были здесь вдвоем. Одним во всем здании.

— Получилась бы отличная фотография — сказал Макс, и я посмотрела на него.

Он сидел, как я, откинувшись на спинку дивана, и смотрел на меня через «прямоугольник», сложенного из пальцев. Одна из привычек всех фотографов заключать в рамку объектива хороший кадр.

— Хочешь, я организую тебе индивидуальную фотосессию? — спросил он, опустив руки.

— Я плохая фотомодель.

— Знал, что у тебя занижена самооценка, но, чтобы настолько.

— А это уже грубость.

— Я не называл тебя плохой моделью. Я фотограф и мне виднее. Мне бы хотелось тебя отснять.

— Я подумаю.

Он сел, положив руки на стол.

— Ты забываешь, что я редко фотографирую людей.

— Ах, да — я тоже приподнялась. — Мне сам «маэстро» предлагает сделать индивидуальную фотосессию. А я подвергаю его вопрос сомнению.

Он улыбнулся.

— Не томи. Соглашайся.

— Тогда после твоего возвращения из Вашингтона.

— На сто процентов был уверен, что согласишься.

— Я могу передумать.

— Это просто была шутка. Еще покатаемся?

— Нет. Мои ноги, как стальное железо — тяжелые. Ты иди, а я посмотрю мастер-класс отсюда.

— Оставить тебя одну здесь? Нет уж.

Мы покинули кафе одни из последних. Вечер пролетел одним мгновением, и вот машина остановилась напротив моего дома. Я еще раз поблагодарила Макса за вечер, пожелала удачи в поездке и взяла с него обещание — позвонить, как только сядет самолет в Вашингтоне. Я не любила перелеты на самолете и больше всего не любила, когда на них летали дорогие тебе люди.

До полуночи я просидела за столом перед разложенными листами. Они отдаленно напоминали будущий журнал. Еще ничего особенного в нем не было, но мне все нравилось. Я составила примерный план, по которому журнал должен был быть поделен на рубрики. До меня Клэр изрядно потрудились. Я нашла еще пару рисунков и долго не выпускала их из рук. Я подумала, что обязательно нужно сказать Клэр об ее рисунках. У нее хорошо получается и их можно вставить в журнал.

У меня еле хватило сил на душ и стоило мне накрыться одеялом, как тут же заснула.

23

В отсутствие Макса я погрузилась полностью в проект. Я пропиталась им насквозь, чем сильно удивила Клэр. При встрече я выдала множество идей и у нас почти была готова структура журнала. На обсуждение оставались две рубрики, между которыми нужно было выбрать одну. Первая — история становления журналистики, вторая — история выдающихся журналистов двадцатого века. Наш чай остыл не тронутый, а мы, не переставая обсуждали проект.

— Страничка истории должна быть однозначно — сказала я.

— Понимаю. Но у нас совсем мало остается места для этого.

— Поэтому я предлагаю оставить рубрику выдающихся журналистов двадцатого века. Так или иначе, это история. Здесь мы можем привести в пример конкретные статьи и разобрать их по пунктам. Замечательное пособие для начинающих, на них они смогут научиться многому. Это лучше, чем сухое изложение фактов и терминов.

— Но факты тоже важны. Например, описание стилей — возразила Клэр.

— Они это изучают в университете. Нам важно показать работу журналистов в деле. И желательно включить статьи, на которые ориентируется ваш журнал. Нужно показать их оригинальность.

— Хорошо — согласила Клэр. — Дай подумать. Мы даем им конкретные примеры и небольшой очерк о работе этого журналиста, чем прославился и где работал.

— С разбором его статьи.

— И еще здесь можно добавить комментарии популярных современных журналистов.

— Да.

— Мы определились — сказала Клэр и вписала в макет последнюю рубрику.

В это время к нам присоединился Райн.

— Все работаете? — спросил он.

— Почти закончили. На сегодня — сказала я, складывая листы с набросками страниц журнала.

— Остается самое интересное и трудное — сказала Клэр, — тексты. Нужно будет поделить рубрики между собой. Одри, есть предпочтения?

— Пожалуй. Возьму историю вашего журнала и рубрику «Писать, значит...». Остальное, как скажешь.

Клэр записала себе в блокнот название рубрик, а я отложила их в отдельную папку, чтобы взять с собой.

— Остальное поделю завтра — сказала она. — Итог скину на почту.

— Райн, ты с нами? — поинтересовалась я.

— Нет — ответил он. — Я остался вне этого проекта. Пишу важную статью. Она станет главной в следующем выпуске журнала.

— Тогда кто третий?

— Дочь главного редактора — в ответе Клэр послышались нотки неприязни. — Можно сказать, что мы с тобой вдвоем в этом проекте.

— Ты первый раз об этом говоришь. И давно она у вас работает?

— Пару месяцев. И об этом совершенно не хочется говорить.

— Если настаиваешь, то не будем. Тем более мне пора домой.

Клэр проводила меня до двери и в самый последний момент спросила:

— Как твой друг?

— Нормально — ответила я. — Он в Вашингтоне. Подписывает контракт с National Geographic.

— Рада за него.

— Я тоже.

Клэр погладила меня по руке со словами:

— Спасибо, что помогаешь.

— Это все что я могу сейчас сделать, чтобы отблагодарить тебя за твою поддержку. Без тебя мне было бы намного сложнее.

Она обняла меня и долго не отпускала.

— Забудь об этом — сказала Клэр. — Главное, чтобы у нас все было хорошо.

На улице было прохладно, но мне посчастливилось поймать такси, и я не успела замерзнуть. Глядя в окно, я вспомнила Клэр. Она выглядела уставшей, погоня за креслом главного редактора за последние месяцы стала для нее испытанием. От меня не ускользнул ее вздох, когда она сказала про дочь главного редактора. И снова интриги. Почему люди не могут мирно друг с другом сосуществовать? Неужели так важно ставить палки в колеса одним, чтобы добиться чего-то самим? Почему мы не можем честно конкурировать? А чем выше мы поднимаемся, тем опаснее становится игра.

Когда я вышла из машины, то пришла к выводу, что иногда победа требует большего от тебя, чем простое выполнение задача. Например, лицемерных улыбок по отношению к соперникам. Доброжелательность, как маска-добродетель. Прозорливость, чтобы быть на несколько шагов впереди остальных. Но главное, я не встречала за всю свою жизнь людей, которые побеждали, не прибегая к уловкам. И по отношению к кому-то — это бывает несправедливо. Дома я включила телевизор, но все что показывали по нему, до меня не

доходило. Я продолжала думать о Клэр, и у меня появилась уверенность в том, что она чувствует себя уязвленной с появлением неожиданного помощника в образе дочери редактора. Своих детей без надобности не ставят на хорошее место. И если Клэр не сделает важный шаг вперед, она проиграет. Тут же вспомнилась моя история с Джейн. Всегда будет победивший и побежденный. Победа вопреки всему. Хотела бы я, чтобы Клэр была победившей, в тот момент как кто-то окажется на моем месте? Я скажу, да. Но если она проиграет, то дай Бог, чтобы она это сделала достойно. Не так как я.

24

Макс звонил мне по возможности. Иногда, один раз в несколько дней. Ему пришлось задержаться в Вашингтоне дольше, чем он рассчитывал. Но свое отсутствие он компенсировал милым сувениром, привезенным для меня. В день его приезда мы выпили немного вина, чтобы отметить его новый статус. С этого дня он сотрудник National Geographic. Один из главных фотографов. Макс сказал, что в ближайшее время ему дадут задание и возможно придется уехать из Лос-Анджелеса на некоторое время. Но это будет не раньше, чем через месяц. И поэтому сейчас нет смысла говорить об этом. В последнее время я больше думала о предстоящем Рождестве. До праздника оставалась неделя, а я до сих пор не знала — где и с кем его буду отмечать. Я хотела поговорить об этом с Максом после фотосъемки, которую он мне обещал перед своим отъездом. Эти мысли были спровоцированы после разговора с мамой. Она настаивала на том, чтобы я приехала на Рождество в Глендейл и никакие отговорки она не принимала. Последние несколько лет я встречала Рождество с подругами и Сэмом. В этот раз мама не видела никаких причин, чтобы я не смогла приехать на семейный праздник в родительский дом. Тогда я призналась:

— У меня появился друг. И я, конечно, не знаю какие у него планы. Но вдруг... Ты не будешь против, если он приедет со мной?

В ответ было недолгое молчание. Я не знаю, почему у меня появилось это желание — встретить с ним Рождество. Но мне показалось, что нам не хватает времени обо всем поговорить. Это может показаться бредовой идеей, и я совершенно ничего не знаю о его планах и не могу предположить, как он на это отреагирует. Но определенно знала, что время, проведенное с ним, дает многое, и не хотелось это время потерять во время праздников.

— Как его звать? — спросила мама.

— Макс Хоуэлл.

— И давно вы с ним знакомы?

— Месяц. Сразу разграничу твоё понимание дружбы. Мы только общаемся и ничего большего. Мы не встречаемся.

— Хорошо. Будет интересно с ним познакомиться.

На следующий день, после состоявшегося разговора, я пришла к Максиму на фотосессию. Со мной была сумка с одеждой. Макс показал мне в сторону спальни, где я могла переодеться, а он остался ждать в студии. В моей сумке было не так много вещей, но я немного сомневалась с чего мне начать, и во мне проснулось странное волнение. Оно мешало, и поэтому во время съемки я была зажата. Фотографии. Как же нам хочется выглядеть на них красивыми, чтобы спустя какое-то время любоваться ими. А еще мне не хотелось выглядеть нелепо, позируя Максиму, и все же по-другому не смогла. В моих движениях была скованность, а в улыбке слишком много наигранности и я чувствовала, как мои губы слегка дрожат. И дрожали они не от холода, несмотря на то, что в студии было

прохладно. Я прилегла на белый диван, подложив одну руку под голову, откинула волосы назад и попыталась изобразить улыбку обольстительницы. Длинное платье немного задралось, оголив мои ноги выше щиколоток. Я замерла в этой позе. А Макс опустил камеру.

— Хочешь, открою тебе главный секрет съемки? — спросил он.

— Давай — ответила я, продолжая лежать в этой же позе.

— Будь настоящей — сказал он. — В природе нет притворств, поэтому она всегда превосходна. Одри, мне нужны твои чувства, а не наигранная картинка. Будь собой.

Он отошел к столу, чтобы сменить линзу фотоаппарата, а я перевернулась на спину. Теперь я мысленно повторяла себе одни и те же слова — будь собой. Вроде я и есть настоящая, но что-то не то. Макс навис надо мной, и камера щелкнула. Он улыбнулся, и моя улыбка тут же среагировала. Он сделал шаг назад, продолжая фотографировать. Тогда я села на диван, поправила платье, а руки положила вдоль спинки дивана.

— Мне нравится — сказал Макс. — Продолжай.

Он приближался, потом снова отходил, а я меняла позы. Я сижу на диване, а через минуту стою. Задумчиво всматриваюсь в окно, потом грущу. Теперь самая счастливая, а может быть и коварная.

Мы ушли от дивана. И фотографии делались на фоне белого полотна. Сейчас я была спортсменкой в штанах и топе. После нескольких кадров Макс надел на меня бейсболку. Пара кадров и я стянула ее на бок, потом на глаза. Он снова сходил в комнату и на этот раз принес мне бейсбольную битку. Фантазия понеслась по родным просторам. Макс шутил, поэтому иногда я просто смеялась, закрываясь от него руками. Устав, я села на пол. Он сел рядом, пересматривая получившиеся снимки. Я потянулась в его сторону, но он отвел камеру в сторону.

— Посмотришь, когда будет все готово.

— Я устала — сказала я и легла на пол. — Фотографируй так.

Он продолжил фотографировать, не вставая с пола. И я строила смешные рожицы.

— Ты сказала, что у тебя два платья.

— Хватит и этого.

— Вставай — он потянул меня за руки. — Мы не закончили.

Я прошла в его спальню и достала из своей сумки второе платье. Тогда я заметила, что на дне лежит пеньюар черного цвета. Я схватила его вместе с платьем. Он был куплен давно. В то время, когда у нас с Сэмом были хорошие отношения. Но я его так и ни разу не одела. Я развернула его и приложила к себе. Дверь была приоткрыта, я посмотрела на Макса через щелку. Он был занят камерой.

Через пять минут я шла босиком по белому полу наполовину раздетая. Я решила сделать то, на что раньше бы никогда не согласилась. Фотографии в шелковом пеньюаре. Я заметила, что Макс немного смутился, но тут же сделал фотографию, как я иду в сторону дивана и нарочно это делала медленно.

— Интересное платье — сказал он. — Немного коротковато.

— Тебя это смущает?

— Ни сколько. Приставать не буду.

Я улыбнулась и села на край диван.

— Кто ты? — спросил он.

— Робкая девушка, которая стесняется своего тела. Но она знает, что оно красивое.

— А в душе она настоящий демон.

— Еще какой.

— Ну, хорошо. Демон — он настроил объектив. — Я готов.

— Я тоже.

Он профессионал. В этом не следовало сомневаться. Я старалась позировать, как модели из гляцевых журналов, попутно вспоминая позы, которые видела. Вспоминала моделей нарисованных на упаковках трусов и бюстгалтеров. И хоть немного старалась походить на этих красивых девушек. Несколько раз я пыталась найти в его глазах — одобрение, что делаю все правильно. Но он был поглощен работой. Он смотрел на меня только через объектив фотоаппарата. Иногда он подсказывал, как лучше встать или как поставить руку. В конце съемки я увлеклась процессом, поэтому для меня было неожиданно, когда Макс сказал, что мы закончили.

— Ты отличная модель — сказал он. — Если бы все были такими, как ты, я бы чаще фотографировал людей.

— Спасибо.

Он отошел к своему рабочему столу, и я вернулась в комнату, чтобы переодеться и собрать свои вещи.

— И когда мне ждать фотографии? — спросила я, возвращаясь с сумкой в руках.

— Постараюсь до конца недели напечатать. Только не все. Самые лучшие. Остальные скину на диск.

— Дай хоть глазком взглянуть на пару снимков.

Он прощелкал и показал мне несколько фотографий, которые были сделаны в пеньюаре.

— Мне эта нравится. Еще — он прощелкал фотографии назад. — Здесь ты похожа на отъявленную болельщицу бейсбола. Все — он нажал на кнопку и экран потух.

Мы вышли на переполненную улицу людьми. Было по-зимнему холодно. Я закуталась в шарф, повязанный поверх пальто, а руки засунула в карман. Улицы города были готовы к празднику. Их украшали переливающиеся цветами гирлянды и игрушками в образе оленей и Санта-Клауса. Магазины были переполнены людьми.

— Скоро Рождество — сказала я. — Последние два года я отмечала Рождество с Сэмом. Мы заезжали за Клэр, затем отправлялись к нашему другу Тому. Он любил закатывать рождественские вечеринки. Когда мы приезжали, Анжела и Тим уже были там. Было весело.

— Скучаешь по Сэму?

— Нет.

— В этом году праздник без него.

— Даже немного рада этому. Тяжело объяснить, но без него мне лучше, чем было с ним. Не думаю, что стоит об этом говорить. Ну, а как ты отмечал Рождество? Давай делись.

— В основном с друзьями, редко с родителями.

— А девушка? — поинтересовалась я.

— Если учитывать серьезные отношения — он прищурился, вспоминая, — то всего одно Рождество было с девушкой. После этого я понял, что длительные отношения не для меня.

— Почему? — удивилась я.

— Не могу дать уверенность в завтрашнем дне — сказал он, пожимая плечами.

— Что за бред? Теперь ты сотрудник National Geographic, ты можешь дать гарантии сразу двум девушкам одновременно.

— Проблема не в деньгах.

— А в чем тогда?

— Не могу гарантировать, что завтра буду рядом. Не готов быть привязан, а девушки любят именно это. Нравится, когда каждая минута твоего времени принадлежит им. Предпочитаю путешествовать по работе. А с новой работой, я могу путешествовать месяцами. А что нужно девушкам?

Я посмотрела на него. В моих глазах застыл вопрос, и я как будто ожидала услышать от него самую заветную тайну — мнение мужчины о женщине.

— Утром просыпаться вместе, вечером смотреть фильмы, по выходным гулять в парке. А семья? Эта же такая ответственность. Нужно постоянно быть рядом. А это значит, что нужно где-то остановиться, обосноваться и привязаться к одному месту. Для меня — это все равно, что посадить на цепь. Извольте. Быть холостяком не так уж и плохо.

Мы остановились возле моего дома.

— Зайдешь?

— Не сегодня. Нужно обрабатывать фотографии.

— Но ведь рано или поздно все равно нужно будет обзавестись семьей.

— Возможно, когда-нибудь — ответ прозвучал уклончиво.

В этот момент, я подумала, что это очень хороший момент, чтобы предложить ему отметить Рождество вместе.

— Макс — сказала я. — Хотела тебя спросить.

— Извини, что перебиваю — он взял меня за плечи, и я замолчала. — Завтра не получится увидеться. Сегодня ночью прилетает моя давняя знакомая. Мы с ней давно не виделись, и я обещал с ней встретиться. Поэтому буду занят.

— Аа, хорошо. Без проблем.

— Ты не расстроилась?

— С чего бы это? Позвонишь, как освободишься.

— Как ваш проект с Клэр?

— Идет полным ходом.

— Я рад. На днях увидимся.

— Да. Спасибо, что проводил.

Он пошел в обратную сторону, а я медленно поднималась по ступенькам лестницы.

Не знаю, что меня больше всего волновало в этот момент: то, чем они будут заниматься этой ночью и завтрашним днем или то, что на завтра я лишена его общества. Наверно и то, и другое в равной степени мне сильно не нравилось. Я бросила сумку на диван. Девчонки давно хотели вместе пообедать, и думаю завтра — тот самый день.

Мы договорились на обед во второй половине дня, Клэр раньше не могла. И Анжела предложила заполнить первую половину дня прогулкой по магазинам. Я без колебаний согласилась. Ну, вот и все. День без Макса полностью распланирован, и возможно, что я про него даже и не вспомню.

25

В первой половине дня мы с Анжелой отправились на поиски рождественских подарков. Я немного подзабыла, что значит ходить с ней по магазинам и была полна энергии. Магазины были переполнены новогодними сувенирами, повсюду были привлекательные предложения. Из-за большой конкуренции магазины старались завлечь покупателей многочисленными акциями. Поэтому там, где были большие скидки,

невозможно было пробиться среди толпы людей к витринам. Город погрузился в предпраздничную суету. Мне все же удалось в одном таком магазине приобрести сувенирный подарок для мамы. А для Джерри я купила в книжном магазине, только там можно было найти для него подходящий подарок. Спустя час хождения по магазинам, я почувствовала слабую усталость в ногах. После десятого магазина, однообразие подарков по разным ценам меня перестало удивлять. Рассматривать красивые безделушки уже было неинтересно. Спустя еще один час я умоляла Анжелу прекратить наш шоппинг на сегодня и продолжить в другой день. Анжела наотрез отказалась. Но судьба мне послала свой подарок, только в образе дивана. Он попался нам по дороге, был свободен, и я с удовольствием приземлилась на него, положив пакеты рядом.

— Я не сдвинусь с него ни на дюйм — категорично сказала я.

— Тогда жди меня здесь — сказала Анжела. — Я скоро приду.

Анжела потерялась в секциях торгового центра. Я вытянула ноги вперед и закрыла глаза, наслаждаясь минутой удовольствия от неожиданной легкости своих ног. Вообще, я предполагала, что ее не будет не дольше пятнадцати минут. Я не следила за временем, но мне показалось, что прошло несколько часов, прежде чем она появилась на другом конце коридора. Мне ничего не оставалось, кроме как восхищаться, ее легкости и непринужденности в походке на высоченных шпильках. В руках у нее было два небольших ярких пакета.

— Очень зря, что ты со мной не пошла. Я нашла волшебный магазин. Там много красивых вещей, от которых даже у тебя закружится голова.

— А цены такие же высокие, как Эльфилева башня? — спросила я, заглядывая в ее пакеты.

— Нет. Цены вполне доступные.

«Вполне доступные» для Анжелы, значит высокие для таких, как я. Взяв сумки, мы пошли в кафе.

Клэр задержалась на наш дружеский обед. Она присоединилась к нам на том моменте, когда я рассказывала о проекте, над которым мы работали. Анжела была впечатлена и, не переставая, хвалила нас за «неземные» способности. Когда с обедом было покончено, и нам принесли чай, я решила сказать, о чем думала в последнее время:

— Девочки, я вам очень сильно благодарна за вашу дружбу. За то, что поддержали меня в трудную минуту.

— Одри, не нужно — сказала Анжела.

— Нет Анжела, это важно для меня. Эти месяцы, вы принимали меня любую, несмотря на то, что я иногда была ужасна — девочки улыбнулись и взяли меня за руки. — Спасибо, что все равно были рядом.

— Это и есть настоящая дружба — сказала Клэр.

— Да — поддержала Анжела. — Вместе несмотря ни на что.

— Неужели так бывает? — спросила я.

— Значит, бывает — сказала Анжела. — Но я за то, чтобы все нехорошее оставалось в прошлом и лучше об этом не вспоминать.

— Девочки, я вас так люблю.

— И мы тебя. Все это очень мило, но лучше расскажи про своего нового друга. Клэр сказала — он привлекательный.

Я выдернула свои руки у них и настороженно спросила:

— Что именно тебя интересует?

— Да, все — ответила Анжела. — Вы целовались?

— Не верю своим ушам. Вероятно, Клэр забыла тебе сказать, что мы с ним друзья. Еще раз — Д, Р, У, ЗЬ, Я.

— Когда я к ней пришла — влилась в разговор Клэр. — Они сидели на диване, а свет был приглушен.

— Такая романтическая обстановка — добавила Анжела.

— Да — сказала Клэр, и я снова перевела на нее свой взгляд. — Он сказал, что они строят новый мир Одри. Это конечно звучало очень странно, и я была немного шокирована увиденным, но потом, когда я вышла на улицу — до меня дошло. Глаза Одри — они горели.

— Затеplился огонечек — одобritельно кивнула Анжела.

— Ага. Интересно, как горел этот огонечек, когда он учил ее кататься на коньках.

— Это вы уже придумываете себе — не выдержала я.

— Хочешь сказать, что он тебе не нравится? — спросила Анжела.

— Нравится, но как друг. Больше никогда вам ничего не расскажу.

Девочки снова рассмеялись.

— Я серьезно. Ни слова.

— А что-то еще было? — спросила Анжела.

Я отрицательно покачала головой.

— Как можно дружить с мужчиной, особенно когда он привлекательный? — удивилась Клэр.

— Между нами ничего нет. Это правда! Он считает меня другом, а я его. Получается, что дружить можно, и мы пример этому.

— Ты хочешь сказать, что там на катке. Когда он брал тебя за руку — Клэр дотронулась до моей руки — когда прикасался к тебе, ты не ничего не ощущала?

— Нет — ответила я.

— Хоть какое-то волнение было? — не унималась Анжела.

— Нет.

— Ну, а запах? — продолжала Анжела. — Ты ощущала его? Он приятно пахнет?

— К чему этот допрос?

— Значит, запах чувствовала — констатировала Анжела.

Клэр соглашаясь, кивнула. И я посмотрела на потолок с мольбой, чтобы они замолчали.

— Теперь я сгораю от нетерпения, посмотреть на него — сказала Анжела. — И что еще нам Одри не рассказала?

— Стоп! — резко сказала я, и они замолчали. — Хотя, нет. Говорите. Говорите, что хотите. Если это вас забавляет — продолжайте. Я перед вами в долгу.

— Ладно. Немного переборщили — сказала Клэр.

— Да, прости — поддержала Анжела. — Только один вопрос, и я отстану, обещаю.

Прочитав по моему лицу согласие на последний вопрос, Анжела ни секунды не мешкала.

— Только честно. Он тебе совсем чуть-чуть нравится, как мужчина?

— Анжела — начала я.

— Ну, ты хотя бы раз об этом задумывалась?

Я никогда не задавалась этими вопросами. Домой я ехала погруженная в раздумья. Я не могла дать положительного ответа ни на один вопрос, заданный мне подругами. Но в чем я

была уверена, так это в том, что мне не понравилось его сообщение о старой знакомой. Я не сомневалась в том, что это не просто знакомая, которая приехала на чай. И в принципе, это было не мое дело. Я почти забыла об этом, пока девочки не заговорили о его прикосновениях, о том, как мы проводим время вместе, запахе. Ну, конечно я знала, как пахнет его туалетная вода, но все это было для меня само собой разумеющиеся и не скрывало под этим никаких чувств, кроме дружеских. Знаю, что подруги не верили ни в один мой ответ, и меня стало злить то, что они заставили меня сомневаться. И, в общем, то я надеялась провести этот день вдалеке от Макса, как территориально, так и мысленно, но все как всегда получилось наоборот. И почему так часто, наши ожидания не совпадают с действительностью?

Я не перестала обо всем этом думать, находясь уже в кровати. Скоро Рождество, а мое предложение к Максиму до сих пор не было озвучено. Вспомнилось одно Рождество, когда мы отмечали его всей семьей. Тогда был жив папа и Джерри не был в инвалидной коляске. За окном не переставала бушевать метель, которая настигла город внезапно. Еще несколько дней назад все ждали снег с нетерпением, а он и не торопился одевать в белое Глендейл. Я помогала маме накрывать на стол, а папа с Джерри собирали «лего» на ковре возле елки. От этого воспоминания мне стало приятно, потому что мы были счастливы. Я поуютнее укуталась в одеяло. Скоро Рождество. Интересно, как планирует его отметить Макс? И быть может, эта его знакомая изменит все.

Внезапно мне захотелось писать. Я достала из тумбочки блокнот и ручку, которые в последнее время были наготове. Если я не могу сказать о своих чувствах вслух, потому что сама их не понимаю, то я вполне могу написать. Только вот с чего начать.

Никаких имен. Есть только ОН и ОНА. Какой была ОНА до него? Сложно рассказать, но попробовать можно. ОНА чувствовала себя потерянной и не думала о любви. ОНА хотела обрести мир внутри себя и не мечтала о помощи. ОН встретился внезапно. Представился другом, и ОНА поверила ему.

Я замерла перед чем-то важным и уставилась в угол своей спальни. Недолгое замыкание, после которого написала:

И они стали лучшими друзьями.

Я перечитала небольшой текст.

— Похоже на начало новой книги — сказала я сама себе. — Это можно использовать. Надо подумать об этом... Я и Макс — друзья... а вот идея, как раз вовремя.

Я положила блокнот с ручкой и снова укуталась в одеяло.

— Пусть эта история присниться мне — прошептала я.

26

Я погрузила свою сумку с вещами и приготовленные рождественские подарки на заднее сиденье машины Макса. После этого мы отправились в Глендейл. Я все же набралась смелости и предложила ему встретить Рождество вместе. И я почти была готова услышать отказ. Макс удивился моему, как он сказал — неожиданному приглашению. Но согласился, сказав, что давно не отмечал Рождество с родителями.

Когда мы подъехали к дому, мама уже стояла на крыльце. Она махала нам, когда мы парковались, и это заставило меня насторожиться.

Дома я оценила ее новое платье и макияж, которого я не припомню за последние годы. Было очевидно, к нашему приезду подготовились. Джерри все еще передвигался с помощью костылей, но достаточно уверенно. В доме пахло разными ароматами еды. Стол был накрыт

в гостиной, в углу которой стояла наряженная елка. Мама быстро помогла нам оставить верхнюю одежду в прихожей, перенести сумки в комнаты и тут же усадила нас за стол. Такой суеты я тоже давно не видела и это все ради одного незнакомого гостя. По Джерри было заметно, что его это все забавляло. Я переживала за то, что мы не сможем найти общую тему для разговора и больше всего боялась неловких пауз, которым свойственно быть, когда люди друг друга еще не знают. Но мама была оживленной и задавала много вопросов.

— Я очень рада, что вы приехали к нам на Рождество — сказала мама, с лица которой не сходила улыбка. Я заметила, что она не сводит глаз с Макса. — Завтра на главной площади города будет праздник. Мы можем сходить на него все вместе. Конечно, если вы что-то другое не планировали?

— На завтра у нас нет никаких планов — сказал Макс.

«У нас нет планов» — повторилось в моей голове. Для мамы это все равно, что «Мы вместе и это главное».

— Это хорошо. Потому что пропустить праздник на площади в нашем городе, это все равно, что пропустить все Рождество. Вам с Одри понравится.

— Не сомневаюсь — ответил Макс.

— Мама, в других городах все то же самое, что и в Глендейле — заметила я. — Бывает и лучше.

— Я верю тебе Одри. Но не все так умеют веселиться, как наш город.

Я промолчала, не желая переходить в спор.

— Наш город не очень большой, — продолжала мама, — но жизнь бурлит ни хуже других городов. Надеюсь, Одри успеет вам показать, где проходило ее детство.

— Одри предупредила, что мы гостим у Вас пару дней? — спросил Макс.

— Нет — ответила мама.

— Нас ждут мои родители — продолжил Макс, и я подавилась.

Джерри постучал мне по спине.

— Все хорошо? — спросил он.

— Да — ответила я, и сделала глоток морса.

Мама не сводила с меня глаз. Макс убедившись, что со мной все в порядке, добавил:

— Я давно не был у своих родителей. А на Рождество, не помню даже когда был в последний раз. Мы с Одри сделаем им большой подарок, если приедем.

Я чувствовала, как мое лицо горит. Мама была сильно удивлена, и я представляла, о чем она могла сейчас думать. Мне нужно было Макса предупредить о том, что я не сказала маме про нашу запланированную поездку к его родителям. Я надеялась сказать об этом чуть позже, на кухне, когда останемся вдвоем. Потому что мне предстояло объяснить ей, что это за тур «знакомство с родителями в Рождество» с так называемым другом.

— Я не знала, что Одри собирается так скоро уезжать — сказала мама.

— Как раз сегодня хотела сказать об этом. Но Макс опередил меня.

— Прости — сказал он, извиняющее взглянув на меня.

— Ничего — ответила я.

— Это дружеская поездка — пояснил Макс. — Я и Одри хорошие друзья, решившие провести этот праздник с родителями. А заодно сделать друг другу экскурсию в незнакомые места Америки.

— Да, она мне говорила по телефону про вашу дружбу — отметила мама. — Можно я буду честной с вами?

— Конечно — сказал Макс.

Я насторожилась. Потому что честность не всегда бывает уместной.

— Ваша дружба напомнила мне одну историю — сказала мама. — В колледже я знала двух таких людей, как вы. Они очень долго дружили. Про них можно было сказать, что они давние подруги, либо два старых закадычных друга.

Макс и Джерри засмеялись. Я недоверчиво улыбнулась.

— Да — продолжала мама, — мы с девчонками иногда им завидовали. От такой дружбы очень много плюсов. Например, он никогда не уведет у тебя парня, никогда не соврет — идет тебе платье или нет. А она помогала ему в учебе, прикрывала от навязчивых поклонниц. Они любили ходить в кино и часами разговаривать. Они давали друг другу советы, перед свиданиями, на которые собирались идти.

Мама замолчала.

— И что стало с их дружбой? — спросил Макс.

— Все очень просто — сказала мама, улыбаясь.

— Сомневаюсь — с иронией сказала я.

— У них сейчас трое детей — закончила мама.

— Чудно — сказал Макс.

— Мама шутит — сказала я. — Да?

— Это правда — возмутилась она. — Истинная история. Одри, если ты думаешь, что я на что-то намекаю, то ты ошибаешься. У всех своя концовка.

— Никто не застрахован от превратностей судьбы — поддержал ее Макс. — Вы наверно, об этом хотели сказать?

— Да — обрадовалась мама. — Вот видишь, мы поняли друг друга.

— Все же я думаю, что мы с Одри остановимся на дружбе — сказал он.

— Если, что я смогу прикрыть тебя от навязчивых поклонниц — заметила я, и мы все рассмеялись.

— Ему это непременно пригодиться — сказала мама.

— Мне вспомнилась одна афоризма. «Дружба часто заканчивается любовью, зато любовь редко заканчивается дружбой» — сказал Джерри, ожидая всеобщее веселье. Вместо этого он встретил мой взгляд, на что пожал плечами. — Чарльз Калев Колтон — добавил он.

— Я испекла черничный пирог — улыбнулась мама. — Сейчас принесу.

— Тебе помочь? — спросила я.

— Не нужно. Справлюсь сама.

— Значит, Колтон? — поинтересовался Макс у Джерри.

— Английский писатель — ответил Джерри. — Просто вспомнился.

— Одри рассказывала, что ты много читаешь.

— В последнее время — хмыкнул Джерри. — Как засел в инвалидную коляску, ничего не оставалось. Но сейчас мне не до книг. Я готовлюсь к колледжу. Жду не дождусь, когда перееду в общежитие для студентов.

— Об этом лучше не говорить при маме — заметила я.

— Знаю. Но ей придется меня отпустить — Джерри сказал это уверенным голосом и тут же оглянулся назад, чтобы убедиться, что мама не слышит.

— Дай ей время свыкнуться с этой мыслью.

— Одри права — сказал Макс. — Лучше заpastись терпением и дать маме возможность принять твой выбор. Она все равно будет на твоей стороне, как бы ей это тяжело не было. Когда я в первый раз уезжал в путешествие, моя мама ничего слышать об этом не хотела. Мне было семнадцать. Две недели утешительных разговоров, и она смягчилась. Только нужно это делать плавно и не забывай через два слова говорить о том, как сильно ты ее любишь.

— Я стараюсь быть с ней мягче, но она иногда отказывается даже об этом говорить. Хотя знает, что я уже начал подготовку.

— И как успехи? — спросил Макс.

— Джек говорит, что у меня все получается. Он учится на втором курсе.

— А вот и пирог — мама внесла поднос с пирогом, запах которого моментально заполнил комнату.

— Мисс Парк, у меня есть для вас рождественский подарок — заявил Макс. — Я хотел подождать до завтрашнего дня, но передумал. Он в машине. Я сейчас принесу.

Не успел он выйти, как мама попросила меня объяснить, о чем идет речь и почему я не предупредила ее о том, что он подготовил подарки. Маму охватила паника от того, что ей нечего ему подарить в ответ на его доброжелательность. Но мне нечего было ей на это ответить. Я и подумать не могла о том, что он рискнет делать подарки. Как только входная дверь снова скрипнула, мама выпрямилась и с улыбкой на лице приняла подарок.

— Одри мне много рассказывала о вашей семье, что облегчило мне выбор с подарками. Я не мог их не купить. Все находятся в легком безумии от предвкушения праздника. Поддался этому же безумию, и надеюсь, что угадал с подарком.

— Это так неожиданно — сказала мама, не скрывая своего волнения. Он аккуратно разворачивала оберточную бумагу, а я и Джерри застыли в ожидании.

— Мог бы меня предупредить — шепнула я ему на ухо, но он только улыбнулся.

— Какое чудо! — воскликнула мама. — Это же форма для выпекания. Макс! Ты чудо! Моя уже никудашная.

— В магазине мне сказали, что она лучшая. У нее антипригарное покрытие.

— Можно тебя обнять? — мама не удержалась. — Как жаль, что мне нечего тебе подарить.

— Это не важно. Я из тех, кто любит делать подарки больше, чем получать. Это тебе Джерри. Только оказалось, что у меня устаревшая информация. Но я надеюсь, что ты найдешь время ее прочитать.

— Таинственные истории детектива Брэда Ш. - прочитал Джерри. — Спасибо! Обязательно ее прочту.

— Одри рассказывала, что ты его большой поклонник.

— Одри все тебе рассказала про нас? — поинтересовался Джерри.

— Не все — ответила я. — Не переживай.

Все давно легли спать. Я решила перед сном выпить стакан молока и для этого спустилась на кухню. Макс, сидел возле камина с ноутбуком на коленях. Его лицо было сосредоточено на экране, а его пальцы быстро бегали по кнопкам, набирая текст.

— Не спится? — спросила я, и он тут же прикрыл крышку ноутбука.

— Слишком насыщенный был сегодня день.

Я подошла к нему ближе. Свет от камина осветил его уставшее лицо.

— Классная пижама — заметил он и улыбнулся.

— А, это подарок родителей. В детстве я любила Микки-Мауса. Каждый раз, когда я приезжаю домой, она лежит на моей кровати, идеально выглаженная.

— У тебя отличная семья.

— Спасибо за подарки, они были потрясающими. Оказывается, ты меня внимательно слушаешь. Нужно быть с тобою аккуратнее.

Он рассмеялся.

— Тебе не мешало поспать — сказала я.

— Ужасно выгляжу? — поинтересовался он и тут же выпрямился.

— Немного усталым.

— Ты права. Пора спать.

Он поцеловал меня в щеку, и ушел в комнату, прихватив свой ноутбук. Я посмотрела на огонь в камине, поглощавшее брусья и тихо потрескивая. Еще пару часов и от него останется только пепел. Все имеет свою концовку. Но есть вещи, у которых концовка только одна. И от этого бывает иногда грустно.

27

Было начало седьмого утра, когда, спустившись на кухню, я застала маму за чашкой кофе и за утренней рождественской передачей. Праздник блуждал повсюду. В каждом уголке нашего дома, в каждом телевизоре города. О нем, не переставая, говорили по всей стране. Наутро перед Рождеством я всегда вставала рано. словно мой организм предвкушал что-то непостижимое и прекрасное. В этот день обязательно должно что-то произойти. Либо тебя осчастливят долгожданным подарком, либо придет новая идея, которую ты так долго искала. Несколько лет назад, накануне Рождества мне пришла мысль, что нужно изменить свою жизнь. Тогда я решила уйти с работы и переехать в Лос-Анджелес. Через пару дней я уже была в квартире своей бабушки и наводила там порядок. Эта идея, как ураган пронеслась по моей жизни, изменив ее в корне. Этот день остался для меня самым приятным. Мой первый взрослый шаг, о котором я ни разу не пожалела.

Это случилось, когда мы были на площади, праздник был в самом разгаре. И мне нужно было подготовить репортаж для местной газеты о прошедшем праздновании. Я делала для себя фотографии и записывала по очереди, все, что происходило на площади. А после принялась спрашивать людей о том, что они ждут от Рождества и какие желания загадали на предстоящий год. Мне не забыть сияющих глаз молодой пары, которые млели друг от друга при одном взгляде. Их глаза блестели, как чистый снег на солнце. Наперебой они рассказывали, что сегодня решили пожениться, а через неделю они переезжают в другой штат. У них не было там ничего того, что есть сейчас в Глейнделе: дом, друзья, работа. Но главное — они были друг у друга, а еще важнее у них была одна мечта на двоих. Их энергия передалась мне и вот, уже почти не слыша их — я четко видела свой отъезд из Глейндела. Я видела, как моя жизнь меняется. Я видела себя успешным писателем. Тогда мою статью забраковали, и пришлось тратить время на повторное ее написание. Первоначальная статья была посвящена той паре, но ведь никто не мог понять моих чувств. Понять, почему я о них написала. Все, что нужно было — это сухие факты проведенного праздника. И не важно, что это делается из года в год. Скучную статью пришлось подпитывать восклицательными знаками, добавляя оптимистические слова о будущем. Никогда не любила писать на заказ и почему я так долго там еще проработала?

Я очнулась от этих воспоминаний, когда мама заметила, что я долго мешаю ложкой

сахар в своем кофе.

— Я задумалась — ответила я. — Приятно снова встретить Рождество дома.

— Рада это слышать — мама села рядом, поставив на стол тарелку с только что пожаренными сырниками. От них исходило тепло.

— Он лучше, чем Сэм? — внезапно спросила мама.

Никак не ожидала начать утро со сравнений, тем более разных по статусу мне людей.

— К чему этот вопрос?

— Просто хочу понять свою дочь. Запрещается?

— Нет — ответила я, взяв сырник. — Очень вкусно.

Мама ничего не сказала на это. Она снова, как и всегда ждала от меня ответа. Единственный человек, которого я не могу сбить с толку и перевести разговор на другую тему.

— Никогда об этом не думала — запив последний кусок глотком кофе, продолжила: — И не собираюсь их сравнивать. Они совершенно разные.

По ее лицу было понятно, что она ничего не понимает.

— Не знаю, как тебе это все объяснить. Понимаешь, с Сэмом мне всегда приходилось контролировать себя. Чтобы я ни говорила или делала, все под контролем. Потому что он... он такой правильный. Все должно быть по полочкам.

— Что в этом плохого?

— Нет, ты не понимаешь. Меня это сковывало иногда. Тяжело было находиться в обществе с его друзьями — я усмехнулась. — Чтобы не казаться дурочкой, мне всегда приходилось молчать. Я пытаюсь реализовать себя, как писатель, мне нравится говорить о творчестве. Только не с кем. И даже с ним наедине, мы редко говорили о том, что интересует меня.

— Но, он всегда знал обо всех твоих увлечениях.

— Да. Потому что он никогда не упускает из виду ничего, не одной детали. Но знать, не значит интересоваться. С Максом все по-другому. Он — я запнулась. — С ним все просто. Мне легко.

— Я думала, что с Сэмом тебе тоже всегда было просто.

— Вначале отношений — может быть, да. Но не потом.

— Все меняются. Ты тоже уже не та Одри, которую я знала перед отъездом в Лос-Анджелес.

— Знаю. Но чем выше мы поднимаемся, тем больше хотим иметь рядом с собой равных себе. Сэм поднялся. И я не дотягивала до него. Просто облегчила ему наше расставание, которое было неизбежным.

— Ты никогда не думала, что он тебя любил? — я отрицательно покачала головой, и мама продолжила: — А когда любят, то не видят недостатки и тем более не занимаются математикой в отношениях. Равно или не равно, не имеет значение.

— Чего ты от меня хочешь? Чтобы я начала мучаться угрызениями совести, что упустила свой единственный шанс? — я встала из-за стола и подошла к окну. — Или решила стать психологом?

— Ты только вспомни. Высокий, всегда в идеально выглаженной рубашке. Всегда мучил вопрос — он сам гладит рубашки или кого-то нанимает? Уж точно не ты их гладила. Согласись, что он был очень чутким и внимательным к тебе. И ты права он поднялся высоко и замечу очень быстро, и все это благодаря своей голове. А его карие глаза...

— Что с тобой? — протянула я, поморщившись, словно мне предложили просроченные сырники.

— Хотела убедиться, что ты ничего к нему не чувствуешь — ответила она, обнимая меня за плечо. — Какое бы решение ты не приняла, я всегда буду с тобой. Только ответь мне честно. А если потом с Максом станет не все просто, что тогда?

— Мааам. Он мой друг — затем я добавила. — Но я тебе отвечу — с ним все будет по-другому, потому что он не Сэм и я это знаю.

Мама сдалась, и я положила свою голову ей на плечо. Было так тепло и уютно. Наверно это оно и есть — счастье. Оно всегда приходит внезапно, а главное там, где его не ждешь. Оно может быть минутным, а может быть долгим. Это необъяснимое вещество, и оно разливается по всему телу, как эликсир бессмертия. Мы всегда находимся в поисках, чтобы внезапные и неземные чувства нас охватили и несли, как водопад. Но как оказывается не всегда нужно искать. И не всегда это бурные чувства, а спокойствие и уверенность в сегодняшнем дне. И тогда достаточно быть здесь и сейчас. Достаточно верить и это приходит. Нужно освободиться от ненужных мыслей и отдаться потоку, не задумываясь о последствиях. Только нам не всегда легко это сделать. Для нас привычное дело искать что-то сложное, и это сложное мы пытаемся понять. Иначе бег без препятствий — это вид спорта, который может постигнуть каждый. А с барьерами — это уже высшая лига.

В это Рождество, как и всегда центральная площадь Глейндела была переполнена людьми. Музыка и смех разносились повсюду и были слышны далеко за пределами площади. Люди толпились повсюду. В одной части площади — дети, облаченные в ангельские костюмы, пели рождественские гимны. В другой части площади, где находилась церковь — шла инсценировка рождения Иисуса Христа. Мама и Джерри остались слушать гимны, а мы с Максом пошли дальше. Инсценировка задержала нас ненадолго. Макс взяв меня за руку и не говоря ни слова, повел прочь из толпы. Мы вышли на улицу, тянувшейся от площади. Ее освещали яркие рождественские огни, сплетенные единым духом праздника. Навстречу нам шли люди, все они стекались в самое сердце города для празднования. Бесконечное количество Санта-Клаусов и детей в одежде ангелов. Ночь была в самом разгаре. Дети проносились с криками радости, и несколько раз нам пришлось увернуться, чтобы не оказаться сбитыми с ног. А потом все разойдутся по своим домам, там их будут ждать подарки и праздничный ужин. Я делала глубокие вдохи, пытаюсь вдохнуть весь этот вечер. Вспышка, то и дело освещала проходящих мимо нас людей. Макс отщелкивал кадр за кадром, не просматривая их.

— Мы идем домой? — наконец спросила я.

— Мы гуляем — ответил он, и вспышка ослепила меня. — Отличный вечер для прогулки.

Я улыбнулась, соглашаясь с ним.

— Первый раз в Глейнделе и мне нравится этот городок — сказал Макс. — Не везде встретишь такую жизнь, пульсирующую отовсюду.

— Сегодня праздник — сказала я и посмотрела на свои пушистые варежки. — Если ты когда-нибудь еще раз окажешься здесь, например, жарким летним днем, то ужаснешься. Люди, которых ты здесь встретишь, будут угнетены жарой и своими проблемами. Улицы окажутся грязными, унылыми и заполненные бродягами. Здесь живут небогатые люди, но умеющие веселиться на Рождество.

— Теперь я с нетерпением жду нашей поездки к моим родителям. Там нет бродяг, даже в жаркий летний день. Улицы чистые, что можно ходить босиком, но не советую так делать, потому что тебя сочтут девушкой с плохими манерами. Там создается впечатление, что у людей есть многое в их жизни, чего нет у небогатых людей. И в это могут поверить только глупцы — он усмехнулся. — У них нет самого главного. В праздник они остаются все теми же чопорными людьми с наигранной улыбкой, которую не захочет фотографировать даже самый никчемный фотограф. Если только ему не предложат большой гонорар за это. Поэтому они платят больше других.

— Поэтому ты не любишь фотографировать людей?

Он остановился и развернул меня к себе.

— Сколько я сделал фотографий, пока мы шли?

— Не знаю.

— Примерно. Десять, двадцать?

— Кажется, больше.

— И все это, потому что здесь есть жизнь. Я вижу, как они счастливы сегодня. Они настоящие. Это, я и люблю фотографировать. От этого фотография становится не просто фотокарточкой, она становится живой. Ты понимаешь, о чем я говорю?

— Ага.

Мы снова пошли вперед.

— Ты должна понимать — продолжил он. — Как писатель, у которого в книге должны быть не просто написаны вымышленные герои, они должны стать живыми героями с настоящими проблемами. Чтобы в твою историю верили.

— Я понимаю — заверила я и на его лице появилась улыбка. — Только не понимаю, почему ты тогда фотографировал меня?

— Одри, в тебе полно жизни. Только ты закрываешься от этого. Ищешь причины, предлоги чтобы убежать от самой себя. Буду с тобой откровенен, как друг — он сделал небольшую паузу, и я уже готова была выслушать самую искреннюю критику о себе. — Никто не виноват в твоём творческом кризисе. Перестань искать виновных. Все дело в тебе и в твоей силе воле.

— Ты хочешь сказать...

— Я ничего не хочу сказать, просто даю небольшой совет. Оглянись вокруг. Ты сказала, что эти люди в обычные дни угнетены своими проблемами, но я вижу другое. Несмотря ни на что — они умеют быть счастливыми, и они это делают сами. Все, что нам кажется сложным на самом деле проще. Все идет отсюда.

Он приложил свою ладонь к моей груди, указывая на сердце.

— Изнутри — добавил он.

Я улыбнулась и посмотрела на усыпанное яркими звездами небо.

— Снег — сказала я.

Снег стал сыпать крупными хлопьями, отчего крик детей усилился. Еще один повод для счастья.

По дороге домой мы купили бутылку красного вина. Мама и Джерри не было дома. И скорее всего они не скоро вернуться. Я принесла в гостиную стаканы и немного сыра. Макс разводил огонь в камине. Его руки стали красными от холода, поэтому, как только огонь стал проблескивать среди дров, он протянул их к теплу. Я залезла на кресло с ногами, крутя в руках штопор.

— Ты никогда не рассказывала мне о Джерри — сказал Макс.

— Что именно? — я протянула ему штопор и приготовила стаканы.

— Как он оказался в инвалидном кресле?

— Неприятная история, заставившая нас многое пережить. За Рождество! — я подняла стакан, и Макс дотронулся до него своим.

— За Рождество! — повторил он.

Глоток вина тепло пробежал по моему горлу. Макс продолжал подкидывать дрова в камин, и я наблюдала за ним.

— Он был несносным ребенком. Честно, мама иногда сходила с ума. Просто куча непрекращающейся энергии. Главный заводила нашей улицы.

— Напоминает мое детство — сказал Макс и засмеялся. — Маме не нужно было даже спрашивать, кто придумал спор или организовал розыгрыш. Она знала зачинщика.

— У нас было так же. Только Джерри не только придумывал и оставался зрителем, он любил во всем этом участвовать. Тогда был еще жив отец.

Я сделала еще один глоток вина. Он был в качестве поддержки перед возвращением в прошлое на много лет назад. Словно мне предстояло еще раз пережить слезы родителей, крик брата и страх потерять его. Мелкая дрожь пробежала по телу, несмотря на то, что камин уже полыхал теплом.

— Джерри любил по выходным гонять мяч с ребятами — я не сводила глаз с камина. — Они собирались на футбольном поле ранним утром. В обед все расходились по домам. Джерри знал, что опаздывать на семейный обед нельзя. Как раз в тот день я думала о том, что ему влетит от отца за неуважение к семье. Мы ждали его за столом десять минут. Затем меня послали искать его. Навстречу мне попался Тони — друг Джерри. Он сказал, что мой брат упал на асфальт и не может встать. Я не понимала, о чем он говорит, но бросилась бежать изо всех сил в ту сторону, куда он показывал.

Я замолчала, чтобы проглотить образовавшийся комок в горле. Макс не сводил с меня глаз.

— Они возвращались с поля, когда Джерри решил еще немного поиграть. Он закинул мяч на крышу гаража, мимо которого они проходили. Надо же было выбрать один из самых высоких — с досадой сказала я. — Когда мяч оказался на крыше он предложил определить самого смелого из них. Но все отказались — побоялись, что увидит хозяин и будет ругаться. А мяч нужно было доставать, и он полез на крышу сам. Он поставил мяч ближе к краю, отошел на несколько шагов назад и приготовился по нему ударить. Внизу ждали ловцы. Он разбежался, ударил и не удержался на ногах. Упал спиной на край крыши, а затем на асфальт.

Я посмотрела в свой стакан, он оказался пустым.

— Этот звон его крика от боли до сих пор стоит в ушах. Вокруг бегали соседи, они вызвали скорую помощь и постоянно кричали «Не трогайте его. Не шевелите. Будет хуже!»! Я села рядом и взяла его за руку. Это все что я могла сделать тогда. Следом за мной прибежали родители. Слезы, молитвы, отчаяние стали частью нашей жизни. Пока его не выписали из больницы и не привезли в кресле домой. Врачи твердили, что это чудо — у него есть шанс научиться ходить. А через несколько месяцев у отца случился инфаркт. Ты прав — я посмотрела на Макса, чувствуя, что еще чуть-чуть и заплачу. — То, что на меня навалилось сейчас — это все ерунда. С этим можно справиться, только нужно захотеть.

Макс сидел на полу возле камина. Привстав на колени, он протянул руки со словами:

«Иди ко мне».

Я соскользнула с кресла и уткнулась ему в плечо.

— Тебе нужна была эта встряска, иначе ты бы еще долго жалела себя.

— Ты все это специально? — я пыталась улыбаться.

— Нет. Просто так получилось.

Я продолжала его обнимать. Он был таким теплым, а его свитер таким мягким. Не хотелось, чтобы он отпускал меня. Он был так спокоен и уверен в себе, и я чувствовала себя в безопасности.

— Кх... Кх... — раздалось в комнате. Мы обернулись.

— Мы вам не помешали?

Мама и Джерри стояли на пороге гостиной. Снег таял на их шапках. Подтерев слезы, я ответила:

— Нет. У нас тут завязалась небольшая беседа.

— Вина? — спросил Макс.

— Не откажусь — сказала мама. — И Джерри можно налить немного. Сейчас принесу стаканы. Вы так и будете сидеть на полу? Джерри пошли раздеваться.

Мы снова остались вдвоем.

— С Рождеством! — усмехнулся Макс.

— С Рождеством!

28

На следующее утро мы выехали. Мама предприняла несколько попыток уговорить нас остаться еще на один день, но мы придерживались плана и не могли задерживаться. Хотя я была склонна согласиться, но только не Макс. Он уверенным голосом сказал: «Извините, миссис Парк, но мы не можем задерживаться». Это ответ стал для меня немного неожиданным. Заметив мое смущение, Макс добавил: «Мои родители ждут нас сегодня, и будет не очень вежливо, если мы не приедем. Уверен, что моя мама начала готовиться к нашему приезду за неделю». На это нечего было ответить, и мы попрощались.

Макс был очень оживлен. Как только мы выехали, он сделал музыку громче и начал под нее танцевать. Не оставляя мне не единой надежды, чтобы не рассмеяться. Мои щеки начинали болеть от улыбки, тогда я тоже решила присоединиться. Мы пели и танцевали до первой автозаправки. В магазине Макс взял две бутылки колы, и мы снова отправились в путь. Родители Макса жили в Бель-Эйр — это в тридцати километрах от Глендейла. Удивительно, что два района находились недалеко друг от друга, но были совершенно разные по уровню жизни. Очень скоро мы подкатили к огромному дому. Он был украшен рождественскими огнями и напоминал те самые дома, которые всегда показывают в рождественских фильмах. Рядом стояла высокая и наряженная ель, а под ней стоял пластмассовый Санта-Клаус. Я ощутила волнение, и сердце как-то по-другому забилося. Это всего лишь знакомство с родителями друга, не парня. С чего это вдруг оно стало для меня испытанием? Наверняка, они будут спрашивать про нашу дружбу не меньше моей мамы. Макс не торопился заезжать во двор. Он остановился на дороге и посмотрел на меня.

— Волнуешься? — спросил он.

— Немного.

— Не стоит. Хочу предупредить тебя о своей маме, чтобы ты не запаниковала еще больше. Она человек прямолинейный и из тех, кто сначала говорит, а потом думает. Мы с

папой привыкли к этому, иногда это меня даже умиляет. Но вот незнакомых людей отталкивает. Может показаться, что она слишком высокомерна, но это не так. Она просто старается быть леди. Прошу тебя быть к ней снисходительней.

— Я попробую — чувствуя, что не смогу выйти даже из машины.

— И еще. У нее непреодолимое желание — женить меня. А ее заветная мечта — стать бабушкой — он взял меня за руку. — Надеюсь, ты понимаешь, о чем я?

— Конечно. Верните меня, пожалуйста, обратно в Глендейл.

Макс рассмеялся.

— Назад дороги нет. Родители уже на крыльце.

Я посмотрела в окно. Они действительно стояли там и дружно махали нам. Макс ответил тем же и подъехал к гаражу. Он вышел первым из машины, я медлила. Они стали обниматься, моя рука ни на дюйм не сдвинулась с места в сторону ручки. Они уже смущенно поглядывали в мою сторону, и тогда дверь с моей стороны распахнулась, и Макс протянул мне руку.

— Одри немного укачало в дороге — пояснил он.

— Мисс, добро пожаловать в дом Хоуэллов. — приветливо сказал отец Макса. — Меня зовут Гарольд, мою супругу — Минди.

— Приятно познакомиться — сказала Минди.

Ее звонкий голосок как мозаика совпала с тем, что сказал Макс накануне. Она держалась уверенно, ее голова была слегка приподнята, а улыбка сдержанной. Мистер Хоуэлл выглядел куда доброжелательней, чем она. А его глаза, усыпанные морщинками, добавляли ему отдельную милость, говоря о его добром характере. Не знаю, почему все это бросилось мне в глаза, возможно от того, что Макс меня предупредил о своенравном характере матери. Я заставила себя взять в руки, чтобы не показаться наивной и глупой девочкой.

Внутри дом казался еще больше. Его интерьер заставил бы любую хозяйку хоть ненадолго, но позавидовать. Заметив мой восхищенный взгляд, мистер Хоуэлл сказал:

— Это все Минди. Она его обставляла не один год. Например, вот эти картины на стене.

Я посмотрела на правую стену, буквально увешанную картинами. Лестница вдоль этой стены вела на второй этаж и картины тянулись туда же.

— Она покупала пару картин в год, выбирая их на разных выставках. Они написаны неизвестными художниками, в этом их вся прелесть. Согласитесь, они и вправду милые.

— Да. Теперь я понимаю, откуда у Макса такой талант делать красивые фотографии — сказала я.

— Мой любимый сын ничего не смыслит в живописи — заметила миссис Хоуэлл. — Обед еще не скоро. Могу предложить чай.

— Я не откажусь — сказала я, посмотрев на Макса.

— Я тоже. Но думаю, что сначала нужно определиться с комнатами. Мама ты приготовила комнату для Одри?

Миссис Хоуэлл остановилась по дороге на кухню и, приподняв одну бровь, спросила:

— Отдельную комнату? Вы разве не вместе будете?

Началось — подумала я. Удачно, что рядом со мной оказался цветок, и я перевела все свое внимание на него, теперь была очередь Макса.

— Мам, я тебе объяснил все по телефону.

Я не слышала, что он говорил дальше, потому что они ушли на кухню. А мистер Хоуэлл

продолжил со мной разговор:

— Еще одно увлечение Минди. У нас есть домашняя оранжерея, заполненная цветами от пола до потолка.

— Что это за цветок?

— Дайте вспомнить — мистер Хоуэлл закатил глаза. — Не помню название, но то что это комнатная пальма без сомнений.

Я улыбнулась. Он казался смешным. Его добрые глаза улыбнулись мне в ответ.

— А чем вы любите увлекаться мисс?

— Люблю книги. С недавних пор полюбила фотографии. Только я не фотографирую, больше люблю просматривать и наслаждаться красотой природы.

— Да, Макс делает шедевры. Не зря его взяли на работу в National Geographic — мистер Хоуэлл сел в кресло. — Они видят профессионалов издалека. У него большое будущее там. Присаживайтесь.

Я села напротив него, не зная, что еще сказать по этому поводу.

— Заниматься любимым делом и зарабатывать на этом деньги, не каждому удастся — продолжал мистер Хоуэлл. — Он много трудился. Чтобы уловить чудеса природы приходится много путешествовать. Иногда, эти путешествия хранят опасность. Минди из-за этого переживает. А я горжусь, что наш сын смелый и отважный человек.

Я сделала понимающий вид и, постоянно кивала, пока мистер Хоуэлл растягивая слова, рассуждал о работе Макса.

— Вы видели фотографии, которые он сделал в Сан-Диего? Изумительный вид на горы. А тихоокеанское побережье? У меня было ощущение, как будто я увидел что-то внеземное. Да, потрясающие фотографии. Он любит природу, а природа любит его. По-другому не скажешь, раз она так позирует ему.

Он засмеялся, и я тоже.

— А вот и чай — сказала миссис Хоуэлл, входя в гостиную с подносом. — Настоящий английский чай.

Макс сел рядом со мной и тоже взял чашку чая.

— Сын сказал мне, что вы друзья. Но не сказал, как давно вы дружите.

— Мы познакомились недавно. Но Макс стал мне близким человеком, и он мне очень помог — я посмотрела на него с благодарностью. — У вас очень добрый и понимающий сын, миссис Хоуэлл.

— Спасибо. Мы знаем.

— Одри, мама покажет тебе твою спальню — сказал Макс. — Только она еще не готова.

— Да, я не совсем поняла своего сына. Оказывается, когда он говорил, что приедет с подругой...

— Это и значило, что с подругой — закончил за нее Макс.

— Я посчитала, что наконец-то сын познакомит нас со своей девушкой. Поэтому приготовила вам одну спальню на двоих.

— Минди снова поторопилась — вздохнул мистер Хоуэлл.

— Все торопятся, дорогой, только не наш сын — она поставила чашку на столик. — Он считает, что жизнь бесконечна.

— Мама, у нас гости.

— Одри, вы закончили? — она подняла на меня свои светло-зеленые глаза. — Покажу вашу спальню.

— Да, конечно.

Я тут же оставила чашку и, взяв сумочку, поднялась на второй этаж. Здесь было четыре двери, в одну из которых мы зашли. Посередине стояла кровать, по бокам от нее две тумбочки со светильниками. В углу стоял высокий шкаф. Миссис Хоуэл достала из него постельное белье.

— Оставьте, я сама заправлю кровать — сказала я.

— Вы в гостях. Я не могу вас заставить застилать кровать.

— Миссис Хоуэлл все в порядке. Мне не сложно. Сделайте для меня исключение — я быстро положила сумочку на стул, стоявший возле шкафа, и принялась за постельное белье.

— Если вы настаиваете — прерывисто сказала она.

Некоторое время она наблюдала за мной, и я заметила в ней легкую нерешительность.

— Одри, вы не против, если я буду к вам обращаться на «ты»? — наконец-то заговорила Минди.

— Мне было бы так проще — я натянула простыню на кровать.

— Хорошо.

Миссис Хоуэлл замолчала, но не сводила с меня глаз. Я надела наволочку на подушку, затем на вторую. Она продолжала следить за моими действиями.

— Вы хотите мне что-то сказать? — не вытерпела я.

— Да. Направо по коридору туалет, а по левую сторону душевая.

— Хорошо — сказала я, заканчивая с кроватью. — Готово. Осталось только за вещами сходить в машину.

— Я попрошу Макса.

— О чем? — спросил Макс, внося мою сумку с вещами. — У вас дверь была открыта, поэтому без стука.

— Ты угадал мои мысли — сказала я, погладив его по плечу. — Мне нужны были мои вещи.

— Как тебе комната?

— Мне все нравится.

— Тогда размещайся. Как освободишься, я покажу тебе местные окрестности.

— Если дашь переодеться, я буду свободна через десять минут.

— А как же обед? — спросила Минди с серьезным лицом.

— Мы успеем вернуться — ответил Макс. — Жду внизу.

Я и миссис Хоуэлл снова остались вдвоем. Напряжение снова вернулось, и я не знала, куда мне деть свой взгляд.

— Вы завтра вечером уезжаете? — спросила миссис Хоуэлл, сделав шаг ко мне.

— Да. У Макса план и он нигде не задерживается больше двух дней.

— Если я попрошу вас задержаться еще на один день? Ты бы смогла поговорить с Максом? Меня он слушать не станет, как и отца. Мы его так редко видим, что эти дни бесценны.

— Я не знаю — от неожиданной просьбы мне с трудом удавалось подобрать слова. — Сомневаюсь, что он согласится.

— Может, ты попробуешь? Только, пожалуйста, не говори ему, что я попросила тебя. Иначе, он будет огорчен, что я втянула тебя в это.

— Хорошо, я попробую что-нибудь сделать.

Миссис Хоуэлл сделала еще один шаг, остановившись рядом со мной.

— Ты права, вы очень близки с ним — после этих слов она вышла за дверь.

Я осталась одна в комнате. Несколько секунд я не сводила глаз с двери. Редко слышишь заветную фразу «ты права», но удивительнее всего было услышать ее от Минди Хоуэлл.

Мы долго спорили, что лучше Бель-Эйр или Глендейл. Без сомнения, Глендейл уступал. В нем не было столько красивых и богатых домов, как здесь. Парки и сады заполонили Бель-Эйр, и это был тихий и спокойный район. Макс же была по душе энергия жизни в Глейнделе, хотя и отмечал, что спокойствие иногда не помешает. Как и во всех районах страны, есть свои плюсы и минусы. Но я влюбилась в парки этого тихого городка. Мне представлялись пикники по выходным с семьей, а Макс смеялся надо мной. В его детстве пикников было слишком много, и он по ним не скучал. Я даже не сомневалась, что миссис Хоуэлл не упустит возможности уединения ее семьи с природой.

— Возможно, благодаря этим пикникам у тебя родилась любовь к природе — сказала я, когда мы заходили домой.

— Возможно. Но я очень сомневаюсь — ответил Макс.

Миссис Хоуэлл оказалась очень гостеприимной хозяйкой. Она нас провожала на прогулку и тут же встречала, не успев мы переступить порог дома. Я заметила, что ее улыбка стала мягче и не такой поставленной. Она оживленнее стала общаться. Расспросив нас о том, где мы были, она вернулась на кухню. А через час нас всех пригласили за стол. Сервировка стола значительно отличалась от той, что была у мамы. Здесь было приборов немного больше. Макс все ненужное собрал и отложил в сторону, оставив одну вилку. Миссис Хоуэлл недовольно посмотрела на него, но ничего не сказала. Я решила так не делать, чтобы не привлекать внимание. Но на протяжении обеда пользовалась только одной вилкой. В Глейнделе не проводят курсы «Как стать настоящей леди». Пожалуй, это никому там не нужно.

Миссис Хоуэлл во время обеда изредка посматривала на меня. Знаю, что она ждала ответа, которого у меня не было. Поэтому я отводила глаза и старалась поддержать разговор мистера Хоуэлла о местных парках.

Позже я вызвалась помочь с посудой. Макс и мистер Хоуэлл остались в гостиной, а я, собрав тарелки в стопку отнесла их в раковину. Следом за мной зашла миссис Хоуэлл, в ее руках было большое блюдо из-под горячего.

— Вы очень вкусно готовите — сказала я.

— Спасибо — ответила миссис Хоуэлл. — Оставьте. Я помою.

Я видела, что ей не терпится узнать, но ее чувство такта не давало возможности давить на меня. Я отошла в сторону от раковины. Она принялась мыть посуду.

— Я еще не спрашивала у Макса. Не было такой возможности.

— Я понимаю — ответила миссис Хоуэлл, улыбнувшись мне.

— Но я обязательно поговорю. Я жду подходящий момент, чтобы он не отказался.

Она остановилась. Закрыла кран и посмотрела на меня.

— Одри. Я предполагаю, что это мы тебе обязаны присутствием Макса.

— Нет. Это его идея.

— Он так редко приезжает домой. А когда мы собираемся к нему, то его практически никогда не бывает дома. Он много путешествует. Фотографии — это его жизнь. И мы поддерживаем это.

— Он гениальный фотограф.

— Но сейчас, — продолжала миссис Хоуэлл, как будто я ничего и не говорила, — когда он уезжает на шесть месяцев, а может быть и дольше. В это опасное путешествие. Нам хотелось бы подольше с ним провести время. Я не хочу, чтобы ты подумала, что это моя прихоть. Впереди длинное расставание и эти дни нам нужны.

— Подождите — мои глаза быстро заморгали. — Вы сказали на шесть месяцев?

— Если бы ты могла его отговорить от этой поездки? Но, это невозможно. Он никого не слушает. Мечта всей его жизни. Но я как подумаю, что он будет лазить по крутым скалам, а вдруг сорвется — она отмахнулась от своих мыслей полотенцем для рук. — Не хочу об этом думать.

Я села на стул, что-то не укладывалось в голове.

— Это как-то связано с работой в National Geographic? — спросила я.

— Дааа — протянула миссис Хоуэлл. — Ты разве не знала?

— Ах — теперь я отмахнулась рукой от ненужных мыслей и заулыбалась, что есть возможность. — Конечно, я знала. Просто немного подзабыла. Он говорил, что будет командировка. Только не уточнил про время. Но... Чем-то еще могу вам помочь?

— Нет.

— Тогда я пойду к себе. Что-то слишком много всего... нового за этот день.

— Одри, все в порядке?

Я положительно закивала, пытаюсь быстрее сбежать к себе в комнату.

— Кого я поймал? — Макс обнял меня за плечо в дверях кухни. — Mam, ты еще не показывала Одри свою оранжерею?

— Нет.

— Позволь показать ее мне.

— Может немного позже? — улыбнулась я.

— Здесь что-то произошло? — он сунул руки в карманы спортивных штанов.

Мне хотелось крикнуть «Да! Произошло! Ты скрыл от меня свою поездку! Друг!».

— Нет — резко ответила я.

— Не смотри на меня так — сказала миссис Хоуэлл.

— Миссис Хоуэлл здесь не причем — вступилась я. — Если ты настаиваешь, то можем посмотреть оранжерею сейчас. Все нормально — добавила я, успокаивая себя.

Оранжерея находилась на первом этаже. Макс закрыл мне глаза, прежде чем зайти туда. Я уже чувствовала аромат цветов и представила себе небольшую комнату, заставленную вдоль и поперек цветами.

— Чувствуешь? — спросил он.

— Да.

Макс открыл мне глаза. И я увидела огромный сад из цветов, помещенный в стенах дома.

— Вау! — не сдержалась я. — Это настоящий цветочный рай — я пошла вдоль цветов. — Они прекрасны.

Я остановилась возле роз, чтобы насладиться их ароматом.

— Нравится? — спросила миссис Хоуэлл, входя в оранжерею.

— Это просто великолепно. Я боюсь подумать, сколько лет потребовалось, чтобы сделать это чудо в доме.

— И не думай. Посмотри, какие листья у этого цветка необычные. А теперь потрогай. Чувствуешь, какие они мягкие?

Миссис Хоуэлл рассказывала о цветах, как о своих детях. По-другому и нельзя было сказать. Она вложила в этот домашний сад много усилий. Почти у каждого цветка была своя предыстория, прежде чем они попали в дом Хоуэллов. Еще одним открытием для меня стало то, что миссис Хоуэлл может шутить. Среди цветов она была другой. Простой и далекой от своих светских привычек. Миссис Хоуэлл сильно удивилась, узнав, что у меня дома нет ни одного цветка. И в знак дружбы сделала мне подарок в горшке. Цветущий многолетний бальзамин, который украсит мой подоконник, когда я вернусь домой.

— Это самый лучший рождественский подарок — сказала я, разглядывая его со всех сторон.

Миссис Хоуэлл улыбнулась, после чего я не смогла удержаться от объятий.

— Моя миссия выполнена. Макс бы тебе столько о цветах не рассказал.

— Самая шикарная оранжерея, которую я могла видеть — не унималась я.

— Спасибо. Теперь я оставлю вас — сказала миссис Хоуэлл. — Наслаждайтесь вечером.

— Я тебе приготовил рождественский подарок — сказал Макс, протягивая мне его. Он был упакован в золотистую обертку с голубым бантиком на правом углу. Я посмотрела на протянутый подарок, затем на него.

— Сказать про работу в National Geographic и ни слова про экспедицию — это предательство — я пыталась сдержать дрожь в голосе.

— Ну, мама. Проговорилась. Я на днях собирался рассказать тебе об этом.

— На днях?

— Одри, мне не хотелось портить нам праздник.

— С чего ты взял, что это что-то испортило?

— Наверно, потому что это идея никому не нравится кроме меня самого.

— Ну, если бы ты поделился со мной.

— Одри, все хотят остановить меня, сочиняя доводы на ходу. Такое впечатление, что все вокруг думают о том, как заставить меня делать то, что нравится им, а не то, что нравится мне. Мне не хотелось все эти дни говорить о своем отъезде. Я хотел наслаждаться настоящим рядом с тобой, рядом с родными. И ничего большего.

Я почувствовала, как мой рот приоткрылся от неожиданности такого ответа.

— Прости — тут же очнулся он. — Но я устал всем объяснять — зачем мне это надо.

— И ты тоже самое ждал от меня?

— Не совсем, но...

— Я тебе скажу свое мнение — я подошла к нему очень близко, так чтобы он лучше смог рассмотреть мои глаза. — В ту минуту, когда я узнала, что ты уезжаешь на шесть месяцев. Меня поразило не время твоего отсутствия, а то, что я узнаю об этом последняя. Я — которая понимает, что значат для тебя фотографии. Я — видела тебя со стороны во время твоей работы. Я — слушала рассказы о твоих путешествиях по стране и восхищалась ими, и я же надеялась, что ты единственный человек, с которым у меня нет ограничений. И есть доверие.

— Одри, я собирался сказать. Мама опередила меня.

— Нет. Не она опередила. Это ты слишком долго собирался — после этих слов, я тут же вышла из оранжереи.

Эмоции владели над разумом, а это не очень хороший момент для разговоров. Не успела я переступить порог оранжереи, как тут же вернулась обратно лишь для того, чтобы забрать

свой подарок. Я взяла сверток из его рук со словами: — «Это МОЙ подарок!» И тут же снова скрылась из виду. Но мне удалось заметить его легкую улыбку на лице, он явно был уверен, что я скоро смягчусь и снова стану той Одри, с которой так просто дружить.

Я села на кровать. Все перемешалось. Для него, я такая же, как и все — это меня злило больше всего. До чего же было неприятно это осознавать. И как же было обидно от того, что он прав. Прав в том, что нам так важно, чтобы он был всегда рядом. Я соврала, когда сказала, что срок его командировки для меня не важен. Шесть месяцев — и нашей дружбе конец. Стало невыносимо грустно. Как будто он уже уехал, и я снова осталась одна со своими заморочками и негодованием на то, что все только и делают, что ставят мне подножки. Я крутила подарок в руках и подумала, что там, скорее всего книжка. Что-то вроде «Как найти баланс между внутренним и внешним миром?». Эта мысль заставила меня улыбнуться, и я развернула обертку.

Оказалось, что это блокнот с широкими белыми листами. В нем была вложена подписанная рождественская открытка:

Привет!

Надеюсь, что подарок тебе понравится. Блокнот с белыми чистыми листами очень символичен с тем, когда мы собираемся начинать новую жизнь.

Я остановилась и подумала о том, что это похоже на прощание. Я не сомневалась, что с поездкой его жизнь действительно начнется с начала, с чего-то нового. Что касается меня, я не была уверена в том, что что-то в ближайшее время может измениться. Надежда была только на Кэрол, что она сможет мне помочь попасть на работу в их журнал. Но и это оставалось пока туманным и далеким будущим. Я перевела взгляд обратно на открытку.

После всех неудач нам всегда тяжело забыть о прошлом, чтобы продолжить путь. Мы забываем о том, что можем взять чистый лист и начать писать на нем что-то новое. Мне хочется верить, что этот блокнот поможет тебе начать что-то необычное и так непривычное для тебя. Ты хороший писатель! Ты справишься!

«Ты хороший писатель» — повторила я вслух, проводя рукой по чистому листу блокнота. Тут же вспомнился один преподаватель из университета. Он говорил: «Никогда не нужно бояться белого листа. Даже если вы не уверены в том, что знаете, о чем писать — возьмите ручку и пишите все, о чем вы думаете в данный момент. Помимо того, что вы освободите себя от ненужных мыслей и эмоций, вы можете сотворить что-то действительно стоящее». Как бы хотелось сотворить из себя что-то действительно стоящее.

За окном послышался звук открывающихся ворот, и я подошла к окну. Макс вышел из гаража с лопатой и принялся чистить снег перед крыльцом дома. Я не могла рассмотреть его лицо из-за накинутого на голову капюшона. Он без остановки бросал снег в сторону, пока его не окрикнули. Девушка стояла за соседним забором, и он быстрым шагом подошел к ней. Сощуриив глаза, я попыталась рассмотреть ее. Высокая молодая брюнетка — все, что я смогла увидеть. Макс показал рукой в сторону крыльца, и она одобрительно закивала. Мне вдруг стало интересно за ними наблюдать. Разговор оказался не долгим. Я заметила, что Макс рассмеялся и, махнув ей рукой — вернулся к лопате. Не раз я задумывалась о том, что рано или поздно он встретит девушку, влюбиться и мы не сможем больше общаться, как сейчас. Мы назвались друзьями с первого дня нашей встречи, но что действительно можно

назвать дружбой. Не всегда по истечению многих лет люди говорили о том, что у них есть настоящие друзья. Даже если такие и были, то это, скорее всего исключение, чем закономерность. Я думала о том, что выйду замуж, и тогда мужу может не понравиться мои встречи с другом. Наше общение — это всего лишь кратковременное событие в наших жизнях. У всего есть конец и, к сожалению, не всегда хороший.

Он остановился отдышаться — поставив лопату рядом. И тут я вспомнила про миссис Хоуэлл.

Я выскочила на улицу, накинув на себя пальто. Солнце, катившееся к закату, продолжало все еще слепить. Пришлось закрыть глаза ладонью, чтобы посмотреть на Макса.

— Сегодня солнечный день — заговорил Макс.

— Да — ответила я, подумав о банальности фразы, которую применяют все, когда не знают с чего начать разговор. — Раз уж мы заговорили о твоей поездке, то я надеюсь, что ты не откажешь мне в маленькой просьбе?

Он сложил ладони на лопату и внимательно посмотрел на меня.

— Слушаю.

Я заметила, что он насторожился.

— Это просьба на счет твоих родителей. Ты так редко приезжаешь к ним и скоро уедешь на длительное время из страны. Может, задержимся здесь еще на день?

— Хорошо — сказал он после небольшой паузы. — Нет проблем.

— Отлично.

День был действительно солнечным и теплым, и закат его не подвел.

Мы пробыли у родителей Макса еще несколько дней. И я радовалась каждой улыбке миссис Хоуэлл, несмотря на грусть, которая становилась все больше. И все же я была рада, что познакомилась с ними. Это были добрые и забавные люди. Мистер Хоуэлл все дни не переставая шутил, и казалось, что все идет, так, как и должно быть. Все как прежде, но мы были не прежние Макс и Одри. Мы были другими, я чувствовала это все острее, с каждым часом, приближающим нас к расставанию.

Удивительно, но это бывает: за несколько дней люди могут стать очень близки и так же за несколько дней, а бывает, и минуты они могут стать чужими. Нет, мы не были с Максом чужие друг другу, но мы отдалились. В эти последние дни, когда мы оставались наедине, то в основном молчали. Я не знаю, о чем он думал в это время, но в моей голове, не переставая, мысли ходили из угла в угол. Как-то незаметно я очутилась снова на земле. Я поняла, что это время, проведенное с Максом, было не похоже на мою прежнюю жизнь. В это время я перестала мечтать и стала жить. Это тот момент, когда твоя мечта становится реальностью и тебе больше не нужно придумывать мир, в котором тебе хорошо. Комфортно и приятно. А сейчас я стала больше думать о том, что пора вернуться к работе, в суету будней, начать контролировать свои расходы и строить планы на будущее. Мой затянувшийся отпуск подошел к неизбежному концу, пора собирать свою силу воли и эмоции в кулак и достигать новые цели. Но единственное, что я не могла понять, так это — как же так неожиданно и

резко все закончилось.

Бель-Эйр остался позади. Мы молчали почти всю дорогу, иногда обмениваясь банальными фразами. Находится вдвоем в одной машине, стало для меня испытанием. Я приоткрыла окно и глотнула свежего воздуха. Макс поинтересовался все ли со мной хорошо, я пробубнила о духоте в машине, и он убавил градусы. Мельком взглянув на него, я остановилась на его серьезном лице. Впервые я заметила, что он тоже напряжен. Странно, он боялся испортить наши выходные разговорами об отъезде, но этого не случилось, все рухнуло от нашего молчания. Сейчас он высадит меня возле дома, мы обменяемся пожеланиями на будущее и продолжим жить друг без друга, оставляя прошлое в прошлом.

Машина остановилась, и я посмотрела в окно. Мы стояли прямо напротив моего подъезда. «Так быстро» — мелькнуло в голове.

— Приехали — сказал Макс, выключив зажигание.

Я посмотрела на него и улыбнулась.

— Вот я и дома. Спасибо, за праздник. Несмотря ни на что, он был лучшим — я держалась, проговаривая каждое слово четко.

— Одри — он дотронулся до моей руки. — Не хотел его испортить. Извини, что так получилось.

Я покачала головой.

— Ты ничего не портил.

— Последние дни не были похожи на предыдущие, я не дурак.

Я засмеялась, Макс улыбнулся.

— Мне сейчас важно знать одно — сказал он. — Ты же понимаешь меня.

— За эти дни я поняла — никто не вправе решать за нас, что нам делать. И снова, ты прав. Сто тысяч раз прав. Ты принял решение, значит оно верное. Всем остальным остается его либо принимать, либо не принимать, но это не имеет значение.

— Со стороны это может показаться эгоизмом.

— Не в этом случае.

— Знаешь, чего мне больше не будет хватать в эти дни? — спросил он.

— Не представляю.

— Наших с тобой разговоров.

— Я тоже буду скучать. Завтра улетаешь?

Он кивнул и добавил:

— Вечером. Еще не собирал сумку и не распечатал билеты на самолет.

— Думаю, на этом все. Обнимемся на прощание?

Я прижалась к нему, почувствовав аромат его воды, который не забуду никогда. Было снова приятно ощутить его тепло на короткое время.

Выйдя из машины, я почти закрыла дверь, как он сказал:

— Я не говорю тебе — прощай.

Я помахала рукой и захлопнула дверь.

Входя в подъезд, я услышала, как машина тронулась с места.

Оставив сумку у входа, я повесила куртку на вешалку и прошла в спальню. Упав на нее, я наконец-то смогла дать волю чувствам. Это были первые слезы после пережитой депрессии. Я испугалась, что снова могу раскиснуть и тут же себя отругала за эти мысли.

Придя немного в себя, я побрела в душ, по дороге беспорядочно закалывая волосы на затылке. В ванной я остановилась возле зеркала, засмотревшись на свое отражение. Тушь

под глазами немного потекла, и я принялась пальцем подтирать ее. Еще минуту я смотрела на себя и думала, что же мне надо сделать.

А потом я оказалась на улице и быстрым шагом шла среди прохожих, обгоняя их и пропуская встречных. Ветер бил в лицо, сбивая капюшон с головы. Я вновь и вновь поправляла его. Не нужно думать, просто иди. Еще чуть-чуть, я знаю, что я делаю. Или не знаю. Не важно.

Нажав на звонок, я замерла. Я здесь и на этом все. Макс открыл дверь.

— Одри? — удивился он, увидев меня на пороге своей квартиры.

Он стоял в одних спортивных штанах. Я с заколотыми волосами на затылке, в домашних штанах и наспех надетом пальто смотрела ему в глаза. В одну секунду я бросилась к нему и, прикоснувшись к его губам, больше не контролировала себя. А он был не против. Я ощутила нежность его губ, долгожданные прикосновения. Одной рукой он захлопнул входную дверь, вторую все сильнее прижимал меня к себе. Было ощущение, что мы оба так хотели этого давно. Наши поцелуи становились все безумнее. Не знаю, как мы оказались в комнате, но вещи по очереди спадали с меня. И я чувствовала, как соприкасается мое голое тело с его. Руки и губы скользили по телу. Он действовал на меня, как морфин, заставляющий уплыть далеко, в неизвестный мир. Мир полного удовлетворения и спокойствия, безмятежности и порочности. В мир, где только он и я. Все это походило на сон, который невозможно будет забыть.

За окном была глубокая ночь. Комната освещалась лампой, стоявшей в углу на столе. Там же были фотографии. Макс работал над ними, когда я пришла, поэтому они так и остались лежать, разбросанные по всему столу.

Он водил рукой по моей спине, подложив другую руку под голову. Я не сводила глаз с его лица.

— У тебя блестят глаза — сказал он.

— Ты в этом виноват — не без улыбки сказала я.

Ощувив, как он что-то вырисовывает на моей спине пальцем, я прикрыла глаза.

— Почему сейчас? Не раньше? — спросил он.

— Почему ты ждал?

— Боялся. Тебя.

— Серьезно? — я повернулась к нему.

— Ты не была готова к отношениям.

— Откуда тебе знать? Если ты даже не попробовал.

Он отвел взгляд в сторону.

— Стоп — сказала я. — Или это ты не был готов к отношениям? — я повернула его лицо к себе. — Скажи.

— Отчасти проверял себя. Хотел убедиться — он замолчал, закусив нижнюю губу. — Одри, я никогда не любил. Мне не знакомо это чувство. И сейчас я пытаюсь разобраться с этим.

— Ты смог бы вот так уехать после нашего разговора в машине?

— Сомневаюсь. Там, на столе, — он посмотрел в сторону — лежат твои фотографии. Я пересматривал и думал, не совершаю ли я ошибку — отпуская тебя. Поэтому, если бы ты не пришла сюда. То весь растрепанный в куртке, стоял бы я возле твоей двери.

— Что дальше? — спросила я.

— Сегодня вечером я улетаю — сказал Макс, ложась на спину.

— Знаю — я не сводила глаз, пытаюсь запомнить его в эту ночь, как можно лучше, его движения, слова. — Я не собиралась тебя отговаривать, если ты думаешь об этом. Я понимаю, почему ты уезжаешь. Возможно, если бы мне потребовалось куда-то уехать ради книги — я бы это сделала.

Макс улыбнулся.

— Только я до сих пор не знаю, куда ты едешь.

— Мы собираемся в Вашингтоне, оттуда наша группа со всем оборудованием вылетает в Норвегию. По плану мы там будем около месяца. Но это все ориентировочно. Все будет зависеть от погоды и нашей работы. Потом север России. Китай, Индия и Новая Зеландия станет отправной точкой в сторону дома.

— Это опасно?

— Не очень, если мы будем осторожны — усмехнулся он. — Все будет хорошо — Макс провел пальцами по моему лицу.

— Прощу тебя, если будет хоть маленькая возможность позвонить мне...

— Обязательно — приподнявшись, он поцеловал меня. — Когда фотографировал тебя, помнишь ты надела на себя...

— Пеньюар — договорила я за него.

— Да. До сих пор не знаю, как сдержался. Может это все твое влияние на меня или дружба, в которую мы верили. Я боялся обидеть тебя. Ты знаешь мое отношение к семье.

— Не нужно. Я не прошу у тебя обещаний. Не ты ли твердил мне, что нужно жить здесь и сейчас?

— Наслаждаться моментами, происходящими с нами прямо сейчас.

— Глаза блестят от счастья, разве этого мало?

— Ты мне нужна — Макс поцеловал меня, и было уже не до разговоров.

Оставались считанные часы, и нам хотелось успеть — насладиться друг другом. Чтобы этого хватило на то время, когда нас будут разделять мили. Теперь я понимала, что значит полюбить. Быть не только эгоистом, постоянно требуя что-то, но и быть опорой, помощником принимая решения любимого. Как бы тебе ни было тяжело. Его поцелуи касались моей шеи, и я растворялась в его руках.

30

Мое лицо что-то щекотало, а сладкий сон не отпускал. Я попыталась отвернуть голову от назойливой щекотки, но она преследовала. Тогда я с трудом открыла глаза. Склонившись надо мной, Макс водил мне по лицу кончиками моих волос. При виде него мои губы расплылись в улыбке, которую Макс поцеловал.

— Доброе утро — сказал он.

— Мне снился удивительный сон. Я его совсем не помню, но он был замечательным.

— Хочешь есть?

— Не отказалась бы от кофе. А сколько время?

— Начало двенадцатого.

Я тут же села, укрываясь одеялом.

— Так поздно. Почему ты не разбудил меня раньше?

— Я сам недавно проснулся. Ты спала, как ангел.

— У нас совсем мало времени — я заметила большую спортивную сумку, стоявшую в углу комнаты. — Ты собрал вещи?

— Они наполовину были собраны. Сложил оставшуюся одежду, пока ты спала. Душ прямо по коридору. Собирайся, у нас на сегодня много дел.

Мы не отличались от других влюбленных людей, и вышли на улицу в обнимку. По нашему выражению лиц и постоянным поцелуям было все понятно. Хозяин кафе, поставив нам на стол кофе и пончики, с довольной улыбкой на лице протянул: — «Приятного аппетита».

Я сделала глоток кофе и сказала:

— Тогда на катке. Когда мы с тобой упали. Я посмотрела на тебя и подумала — какое красивое лицо у моего... друга. Тогда я еще не до конца понимала своих чувств к тебе. Но сейчас я знаю. В тот момент я смотрела на тебя, как на мужчину и ощущала рядом с собой мужчину, только не друга.

Макс внимательно смотрел на меня.

— Ты думаешь, мы упустили время?

— Нет! Я думаю, что все было, так как нужно. Ты не ошибался, когда думал, что я не готова была к отношениям. Тогда я о них и не думала.

— Ты много говорила о Сэме.

— Но ты мой спаситель. На той лавочке в парке.

Макс засмеялся.

— Ты был очень навязчив — добавила я.

— Сначала я подумал, что у тебя большие проблемы. Потому что твое лицо было белое, как пломбир. И вот ты мне говоришь, что-то типа — кто-то умер и это осознанно.

Я закрыла лицо руками, задыхаясь от смеха и стыда.

— И я такой — Да, у нее не все в порядке с головой. Парень, лучше не суйся к ней.

— Зачем же ты подошел ко мне во второй раз?

— Без понятия.

— Боже мой. Как же я нелепо выглядела.

— Ого. Ты смеешься над собой? Тогда ты считала, что в твоей жизни произошел апокалипсис.

Улыбка застыла на моем лице, я вспомнила прежнюю себя. Как меня мучила злость и ненависть к Джейн Картер. Безысходность, которую я ощущала и желание вычеркнуть из жизни весь мир вокруг себя. Одиночество, ставшее единственным утешением.

— Ты мне очень помог.

— Ты сама себе помогла. Я просто оказался рядом в нужное время. Случайность?

— Или судьба?

— Ни в то, ни в другое не верю. Предпочитаю, считать, что я сделал правильный выбор, решив в тот вечер фотографировать звездное небо в парке. Кстати, у нас есть время, чтобы прогуляться.

Макс оставил деньги на столе, махнул хозяину кафе на прощанье, и мы ушли.

Мы долго бродили по улицам все так же в обнимку. Казалось, что мы не виделись много лет и времени не хватит, чтобы обо всем поговорить. Я не переставала смеяться, когда Макс рассказывал о своих первых мыслях после нашего знакомства. Мы вспомнили наше рождественское путешествие в Глендейл и Бель-Эйр. И все больше и больше раскрывали друг другу душу. Хотя мне казалось, что мы достаточно искренне были в нашей дружбе. Но все стояло на чужих местах и от этого многое оставалось за занавесом. Мы остановились возле лавки, где первый раз встретились. Макс обнял меня.

— Одри, еще недавно после нашей встречи здесь, возле этой прекрасной лавки я предложил тебе дружбу.

Я взглянула на лавку и улыбнулась. На миг показалось, что мы там сидим, те другие несколько месяцев назад.

— Хочу забрать свои слова обратно — он говорил медленно, не сводя с меня глаз. — Я готов предложить тебе больше, чем дружбу. Учитывая, что я не могу предложить тебе сейчас многого — Макс ухмыльнулся, но потом продолжил. — Я предлагаю тебе отношения. Я не знаю, что из этого получится, но знаю, что ты обалденная девушка, которая делает меня счастливым. Через четыре часа мой самолет взлетит. И я хочу улететь с мыслью, что, вернувшись обратно, снова смогу тебя поцеловать. Кажется, это любовью называется?

— Кажется, да — сказала я.

Он засмеялся, запрокинув голову. Мне тоже стало смешно. Безумный смех от чувств перевернувшие наши взгляды и жизнь. Может показаться странно, но я понимала, почему он смеется. Ни он, ни я не думали, что между нами что-то может быть и внезапно, что-то щелкнуло.

Кто-то нажал на переключатель. И вот он, человек не планировавший связывать свою жизнь с кем-то — внезапно для себя понимает, что влюблен. Что он хочет вернуться обратно, потому что есть к чему возвращаться, но раньше он и не думал останавливаться. Могу себе представить, что раньше он не видел ничего кроме кочевнической жизни. И я представляю, что ему это стоит.

— Буду ждать твоего возвращения — сказала я. — И я... люблю тебя.

Макс хотел ответить, но я остановила его, приложив свою ладонь к его рту и отрицательно покачав головой.

— Просто возвращайся скорее.

Он с благодарностью посмотрел на меня, а затем поцеловал.

31

Мы старались долго не прощаться, но не получилось. Каждый поцелуй мы называли последним на сегодня. Но нам пришлось отпустить друг друга, когда объявили о последней посадке на самолет. Я продолжала стоять, наблюдая, как Макс проходит билетный контроль, затем досмотр. И вот он скрылся из вида, и я направилась в сторону выхода.

На улице встретил холодный ветер. Поправив свой шарф, я отправилась на поиски такси.

Пришло время вернуться в Глендейл. Пора налаживать свои дела. Жизнь в Лос-Анджелесе в последнее время мне стала не по карману. Настало время вернуться обратно в родной дом, где меня ждали. Но это временно, пока Макс находится в экспедиции.

Работа в журнале, где трудилась Клэр — не выгорела. Все места были заняты. Как Клэр только не пыталась продвинуть меня, но ей все отказывали, и тогда я попросила ее прекратить. Хватит тратить время на то, чего не будет. Нужно искать другие варианты. Я вернулась в местную газету в Глейнделе. Мне повезло, что там сменился директор, иначе меня бы не взяли.

Подруги очень переживали, когда я сказала, что уезжаю. Мы открыли нашу коробку с пожеланиями немного раньше установленного срока. Но было так приятно, что все наши

желания сбылись, почти сбылись.

Анжела хотела, чтобы ее свадьба была идеальной. Так все и случилось. Несмотря на то, что свадьба переносилась несколько раз. Они поженились вначале февраля, и мне пришлось идти туда одной. Анжела была великолепна в белом платье с длинным шлейфом. Мы с Клэр были в платьях аметистового цвета, которые были сшиты на заказ по настоянию невесты. Тим был счастливым и завидным женихом. Я искренне радовалась за них. Я радовалась за Клэр с Райном, похоже, было на то, что у них все серьезно. Именно этого Анжела и хотела, когда клала свой листок в коробку с желаниями. На свадьбе я встретила Сэма — первый раз за все это время и думаю, что последний. Он был не один. Внешне оценив ее стойку и слишком идеальную улыбку, я убедилась в том, что сделала правильный выбор. Весь вечер они вращались в кругах людей с высоким статусом и влиянием в обществе. Наши взгляды встретились один раз. Я улыбнулась ему, но он быстро отвел свой взгляд в сторону. От этого моя улыбка стала еще шире.

— Рада, что у него все в порядке — сказала я тогда Клэр.

Что касается моего пожелания, то оно почти сбылось. Под впечатлением от предстоящего выпуска моей книги, я написала на листке «Надеюсь, что у меня будут свои читатели».

Над этим еще нужно поработать.

В детстве у меня был любимый холм, на котором я проводила много времени. Там я мечтала и играла, представляя, что снимаюсь в кино.

Этой весной я поднимаюсь на свое любимое место и пишу. Удивительно, но в последнее время мне понравилось писать ручкой. Блокнот, который мне подарил Макс, уже был полностью исписан. И я вкладываю в него новые листы. Я постоянно в нем что-то зачеркиваю и начинаю писать заново, и мне нравится. Блокнот стал походить на тетрадь двоичника, который делает постоянно пометки и исправления. Это создает особенную идиллию моего творчества. Глядя на исписанные листы — моя душа ликует. Конечно, потом все это необходимо будет напечатать, но меня уже ничего не пугает. Джерри обещал помочь, пока не уехал в колледж.

Сидя на холме, я вглядываюсь в горизонт. Он безграничен, как мир внутри нас. Я наблюдаю закаты, иногда рассветы и ощущаю свою жизнь, такой, какая она должна быть. Я ощутила полноту своей души, делаю глубокий вдох и улыбаюсь. Чувствую, как воздух проходит через всю меня и дает энергию. Поднимаясь на холм, я поднимаюсь во всем. Каждый раз я делаю шаг вперед. И если бы несколько месяцев назад мне сказали, что я буду чувствовать равновесие между внутренним миром и окружающим, я бы не поверила. Раньше я жила внутри себя и не хотела вылезать из своей скорлупы. Я жила вымыслом и тем, что должно быть правильно по рамкам общества. И готова была отдать свою жизнь закономерностям.

Я взглянула на свои листы. У меня заканчивается очередной чистый листок. Как много мне хочется рассказать. Я не знаю, поймут меня или нет, но все же напишу

— Одри! Одри!

Остановившись на полуслове, я обернулась. Джерри стоял внизу и размахивал чем-то перед собой. Второй рукой он подзывал меня к себе.

— Одри!

— Иду! — крикнула я и, вложив ручку в блокнот, захлопнула его. Стульчик всегда был при мне. Сложив его пополам, я спустилась.

— Что случилось? — поинтересовалась я недовольным голосом. — Что?

— Тебе пришло письмо — не без иронии пролепетал Джерри, улыбка не сходила с его лица. — Это от Макса.

Я выхватила письмо из его рук.

— Откроешь? — спросил Джерри.

Я посмотрела на него, и он сказал:

— Удаляюсь.

Я открыла письмо и достала оттуда фотографию. В этот раз он прислал свой снимок. Увидев его улыбку, мои глаза заблестели от слез и радости. До этого дня он присылал мне только пейзажи, и у меня в комнате на стене появилась небольшая галерея из фотоснимков. Дикие, красивые и необузданные места — это то, что он искал. И я горжусь. Горжусь им за то, что он делал любимое дело. Горжусь собой, что смогла отпустить его с любовью и это первый поступок вопреки моим прихотям и желаниям. Вдали от него я очень сильно скучала, но в это же время я была бескрайне счастлива. Я знаю, что нужна ему. И ощущаю его любовь. Все его письма, пропитаны ею. Нам не всегда удается поговорить по телефону, но эти минуты самые неземные, когда ты можешь услышать родной голос. Любить — не значит заставлять кого-то жертвовать ради тебя чем-то. Любить — это делать кого-то счастливым и от этого быть счастливым самому.

Я пошла домой, не спеша, читая письмо от Макса.

Остановившись на крыльце, я села на ступеньки и дописала.

По сути своей каждый из нас писатель, но не каждый им становится. Есть писатели, которые пишут книги, а есть писатели, которые пишут свою жизнь. И каждый решает сам, кто он — писатель или читатель. Ведь мы сами творим каждый наш день. Плохо или хорошо, но мы это делаем. Кто-то раскрашивает свою жизнь яркими красками, а кто-то делает ее серыми буднями. Кто-то предпочитает оставаться в стороне и наблюдать за тем, как делают его жизнь окружающие. И как жаль, что многим легче ломать, чем строить. Знаю, что мне многое еще предстоит изменить в своей жизни, но одно я уже знаю — я на правильном пути. Нет ничего правильнее, чем делать то, что дает спокойствие и счастье. С уверенностью могу сказать, что я не просто писатель книг или статей, я писатель собственной жизни. Каждый новый день я начинаю писать с самого начала. С того самого момента, когда решаю, что сегодня буду делать. Какие маленькие, но очень значимые подвиги совершишь сегодня? Запрещь себя дома на весь день или выйдешь на прогулку? Провалишься в кровати или займешься работой? У всего есть свои последствия и в зависимости от того, что мы выбираем — наша жизнь меняется и перетекает из одного русла в другое. Макс сказал, что не верит ни в судьбу, ни в случайности. Он верит в то, что сделал правильный выбор. Хочется всегда делать правильный выбор, но возможно, тогда наша жизнь была бы скучна. Уроки тоже важны, без них не будет опыта. Но во что бы то ни стало нужно идти до конца, и тогда задуманное обязательно исполнится. И я это усвоила.

Зайдя в дом, я повесила свое пальто на вешалку и окрикнула Джерри.

— Мне нужно найти номер телефона Джорджа Миллера. Немедленно! Кажется, у меня есть для него неплохая книжка.

Джерри улыбнулся, и мы принялись перебирать все бумаги, которые я привезла из Лос-Анджелеса вместе с собой.

Пришло время попробовать еще раз осуществить свою мечту...

Уважайте текущий час и сегодняшний день!.. Уважайте каждую отдельную минуту, ибо умрет она и никогда не повторится...

Януш Корчак

В судьбе нет случайностей; человек скорее создает нежели встречает свою судьбу.

Лев Николаевич Толстой

Больше книг на сайте — Knigolub.net